

ЧУДЕСА НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

ЧУДЕСА НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Издание третье

Москва
2010

**«Кто с мечом
к нам
придёт, тот
от меча и
погибнет.
На том
стояла и
стоять будет
Земля
Русская»**

Разрешено к печати Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Чудеса на дорогах войны. М.: ПолиграфАтельеПлюс, 2010. 3-е изд.
400 с.: илл.

Чудо есть не нарушение, а наоборот: действие высших и вечных законов бытия в нашем преходящем мире. Чудо есть нечто прикровенное, внутреннее...

Надо лишь открыть глаза души своей, надо приучить слух свой слышать, и тогда ясно станет, что мы окружены чудесами, что необъятный мир чудес обволакивает нас, стучится к нам и с неуголимой, смиренной настойчивостью Божественной любви «напрашивается» к людям.

*Е. Н. Толстая**

Чудеса – абсолютно неизбежный спутник и признак сверхъестественного мира и веры в него. Там, где начинается сверхъестественный мир, на этой грани кончаются законы данного, естественного мира.

Митрополит Вениамин (Федченков)

В жизни искренне верующих в Бога православных христиан никогда не оскудевают поразительные явления силы Божией, животворящей людей душевно и телесно. Только мы не всегда видим их лично и не всегда имеем возможность о них слышать. Но близко входящим в личную жизнь верующих и поныне нередко открывается

* Елизавета Николаевна, старшая сестра писателя А. Н. Толстого.

богатейшее сокровище свидетельств об Отческом Промысле Божиим над людьми и о действиях чудотворной благодати Святого Духа.

Архимандрит Вениамин (Милов)

Душе человеческой, в стремлении ее к Богу, свойственно ожидать чудесных событий, чудесной помощи. Человек верующий – чудесами еще более укрепляется в вере, они вдохновляют его еще усерднее воссылать славу, честь и поклонение Господу...

На чудеса указывал Сам Господь, как на доказательство Своего Божества: «Не верите Мне, верьте делам моим»*. Такова сила чуда! Тут не надо терять много слов и доказательств.

Святые угодники на пространстве веков совершили бесчисленное множество чудес. Один святитель Николай Чудотворец именуется «неисчерпаемым морем чудес».

Священник Иоанн Орнатский

В помощь слову Божию даны Божии чудеса... Чудеса во-человечившегося Бога составляли собою величайшие вещественные благодеяния, какие только может представить себе человечество.

* Ин. 10, 38.

Они (фарисеи) признают чудеса, совершенные Господом, чудесами и вместе с тем насмеваются над ними; насмехаясь, отвергают их; отвергая чудеса, дарованные милосердием Божиим, требуют чуда по своему сочинению и усмотрению, чуда, которым, если б оно совершилось, уничтожилась бы цель пришествия на землю Богочеловека, не последовало бы искупления человеков.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Прежние не верили, доколе не получали знамения. Знамения давались как доказательство веры, которую они принимали.

Святитель Иоанн Златоуст

Война есть не только потрясение, но духовное испытание и духовный суд.

И. А. Ильин

Эта великая страшная Отечественная война, конечно, явилась следствием попущения Божия за наше отступление от Бога, за наше моральное, нравственное нарушение закона Божия и за то, что пытались в России вообще покончить с религией, с верой, с Церковью... Господь провидел эти вражеские планы, и, чтобы не попустить их осуществление, Господь попустил войну... И мы видим, что война действительно обратила людей к вере, и правители совсем по-другому отнеслись к Церкви.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Бесспорно, бедствия войны многих вернули к вере. С фронтов отправлялись в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию священников-проповедников.

Те из немецких оккупантов, коим посчастливилось спасти голову, внукам и правнукам завещают не скалить зубов на могучую Родину потомков Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова.

Диакон Николай Бараблин, ветеран войны

Победа в войне в духовном смысле была торжеством Православия, победой Святой Руси над богоборцами, кото-

рые напали на наше Отечество в день Всех Святых, в земле Российской просиявших. Может быть, это был знак свыше, что в этой страшной войне к сонму всех русских святых, предстателей за народ наш и страну нашу пред Богом, прибавится еще огромное святое воинство тех, кто жизнь свою положит на поле брани «за други своя» или падет невинными жертвами злой воли.

Священный долг ныне живущих – сохранить память о тех, кто в годы Великой Отечественной войны отдал жизнь за Родину, кто умер в послевоенные годы не от старости, а от ран. И передавать эту память из поколения в поколение. Это нужно не мертвым – это надо живым!

*М. Г. Жукова **

* Мария Георгиевна, дочь маршала Г. К. Жукова.

Расскажу тебе, брат...

Чудеса на дорогах войны,
Многоскорбная русская доля...
Вечный зов Бородинского поля –
Чудеса на дорогах войны.
Воеводы Пречистой сыны –
В небеса воспарившие души...
Расскажу тебе, брат, – ты послушай! –
Чудеса на дорогах войны...

Сборник «Чудеса на дорогах войны» представляет собой неумирающий жанр христианской литературы – короткие рассказы о чудесных проявлениях силы Божией. В основе таких рассказов лежат конкретные факты, засвидетельствованные очевидцами в рукописных воспоминаниях ветеранов войны и их родственников, в устных рассказах, записанных составителями сборника, а также свидетельства из других источников.

В нашем издании случаи проявления Божиих чудес ограничены определенным пространством и временем: происходили они на фронтах и дорогах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

«Знакомство с фактами подобного рода, – замечает архимандрит Вениамин (Милов), – имеет глубокое религиозно-воспитательное значение. Оно соутешает читателя верою общею, вливает в его душу целый поток новых святых переживаний и освящает подлинно живую водою словесной благодатной энергии».

...19 января 1943 года, в день Богоявления, Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) возглавил крестный ход на Иордань. Это были дни решающих боев за Сталинград, и владыка особенно горячо молился о победе русского воинства. Однажды после такой усиленной пламенной молитвы митрополит Сергей, положив три земных поклона, стал воссылать благодарение Богу Вседержителю, а потом сказал своему келейнику: «Господь воинств, сильный в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это радостное начало станет счастливым концом». Келейник не сразу уразумел слова владыки. А утром радио разнесло по всей стране долгожданную весть о полном разгроме немецких войск под Сталинградом. Это было величайшим чудом российской воинской славы, беспримерным ратным подвигом достойных сынов Отечества. Чудом, явленным свыше нашей великой Родине, сражающейся против озверевшей фашистской армады.

Отзвенели победные фанфары, солдаты вернулись домой... Потянулись вереницей непростые послевоенные годы. И из множества тех больших и малых чудес, свидетелями которых были русские воины на полях недавних сражений, кое-что стало уже забываться, тускнеть в утружденной памяти. Но начавшееся духовное возрождение вновь всколыхнуло в сознании народном благодарные чувства к Господу и Пресвятой Богородице за дарованную Великую Победу. Так постепенно стала приоткрываться завеса над миром достославных чудес, имевших место в годы войны. Так неожиданно стали

появляться и книги, свидетельствующие о достоверности Чуда.

В неисчерпаемом море чудес, разлитом на дорогах священной народной войны, особенно памятно заступничество усердное нашей Взбранной Воеводы, Пречистой Божией Матери. Она спасала на краю бездны от неминуемой лютой смерти, врачевала, питала и вела к светозарной Майской Победе. Небесные покровители многострадальной России, святые Божии угодники, выводили наших соотечественников из фашистского плена, из непроходимых лесов и пылавших в огне пожарищ городов и сел. Господь Всемогущий и Всемиловитый всегда был близ...

Митрополит Илия возвещает Божью волю

О великом молитвеннике и друге России, избранном Господом в годы Великой Отечественной войны для возвещения Божьего волеизъявления, – митрополите Гор Ливанских Илии рассказал известный петербургский старец в миру протоиерей Василий Швец.

Мы часто думаем, что все чудеса и знамения были в прошлом, но они совершаются постоянно и должны оставаться в памяти людей для нашего укрепления, утверждения в вере и надежде, что не оставлены мы Промыслом Божиим на путях нашей земной жизни...

Когда началась Великая Отечественная война, Патриарх Антиохийский Александр III обратился с посланием к христианам всего мира о молитвенной и материальной помощи России. Перед лицом страшной беды не так много осталось у нее настоящих друзей. Да, были в то страшное время великие молитвенники и на Руси. Но кто мог поручиться, что Сталин в разгар «безбожной пятилетки» способен прислушаться к слову хотя бы одного из них? Наверное, поэтому проводником слова Божьего и был избран истинный друг России – митрополит Илия.

Этот нерусский человек лучше многих понимал, что значит наша православная страна для остального мира. Владыка решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Он спустился в каменное подземелье, куда не доносился ни один звук и где

не было ничего, кроме иконы Божией Матери. Не вкушал пищи, не пил, не спал, а только, стоя на коленях, молился. Каждое утро ему приносили сводки с фронтов Великой Отечественной войны о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения митрополиту Илии явилась в огненном столпе Сама Божия Мать и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, ради того, чтобы передать извещение Божие для всего народа российского. Если все то, что предуказано, не будет выполнено, Россия погибнет.

Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и из тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда — сдавать нельзя. Пусть вынесут чудотворную Казанскую икону Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанской иконой нужно совершить молебен в Москве, затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена по воле Божией.

Владыка немедленно связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было ему открыто.

И сегодня в церковных архивах хранятся письма и телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. В 1941-м Сталин вызвал к себе представителей

православного духовенства и обещал исполнить все, что передал Илия, ибо не видел возможности спасти положение. Не хватало сил, чтобы сдержать врага. Немцы уже были под Москвой, Волоколамское шоссе защищала лишь горстка панфиловцев. Голод и смерть гуляли по русской земле. Непонятно, как держался Ленинград. Помощи практически не поступало. Боеприпасы и продовольствие, которые удавалось подвозить в осажденный город, были каплей в море. Из Владимирского собора вынесли Казанскую икону Божией Матери и обошли с нею крестным ходом вокруг блокадного Ленинграда. И город выстоял. В который раз подтвердились слова святителя Митрофана Воронежского о том, что город святого апостола Петра избран Самой Божией Матерью, и пока Казанская Ее икона в городе и есть молящиеся, враг в него не войдет.

Заступилась Божия Мать и за столицу. Сразу после того, как с ней облетели вокруг города на самолете, немцы бежали, гонимые каким-то паническим ужасом, оставляя за собой трупы и разбитую технику. Никто из гитлеровских генералов так и не понял, что же случилось на самом деле.

Потом был Сталинград. Там перед Казанской иконой шла непрерывная служба – молебны и поминовения погибших воинов. Икона была среди наших войск на правом берегу Волги. Немцы так и не смогли перейти реку, несмотря на все их усилия. Был момент, когда защитники города остались на маленьком пятачке у реки, но с ними была Казанская икона, и они стояли насмерть.

После Сталинграда пришел конец и «безбожной пятилетке». Но закончилась она не истреблением Православия, как того хотели большевики, а его возрождением. 20 000 храмов было открыто в то время. Священнослужителей выпускали из тюрем и лагерей. Россия молилась. Молился даже Сталин (об этом есть свидетельства). И именно Божией Матери. Бывший царский генерал Б. М. Шапошников часами беседовал с Верховным главнокомандующим, не скрывая своих религиозных убеждений. И все его советы, в том числе совет одеть войска в старую форму царской армии с погонями, были приняты. Солдаты стали открыто молиться перед боем. Многие командиры, да и сам маршал Жуков, напутствовали бойцов: «С Богом!» Было решено перенести мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, в Богоявленский собор, где всю войну стояла та самая чудотворная Казанская икона Божией Матери, которая была еще с ополчением 1612 года. Пришло время возвращения веры на русскую землю, как и предсказывали наши святые.

Так было возведено русскому народу откровение, ниспосланное свыше митрополиту Илии. Чудо о спасении России стало величайшим из чудес XX века.

Таинственное знамение над Сталинградом

Этот недавно найденный архивный документ времен Великой Отечественной войны по-своему уникален. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви сообщено о чуде, свидетелями которого были солдаты и офицеры целой воинской части, участвовавшей в боях за Сталинград.

После сокрушительного поражения под Москвой в декабре 1941 года германское командование рассчитывало нанести главный удар на южном участке – прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда – к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеялись достигнуть источников кавказской нефти и повести дальнейшее наступление на север вдоль Волги. Поэтому оборона Сталинграда представлялась советскому руководству важнейшей стратегической задачей.

В середине июля 1942 года в район города была срочно перегруппирована 62-я армия генерала Чуйкова, на которую легла основная тяжесть борьбы с 26 дивизиями противника. Предприняв в сентябре два штурма крепости на Волге, фашисты теперь готовились к последнему, генеральному. К этому времени в их руках уже находилась часть Сталинграда. Атаки врага следовали одна за другой. 15 октября гитлеровцам удалось овладеть Сталинградским тракторным заводом и на узком двухкилометровом участке выйти к Волге. Положение наших

войск осложнилось: те части, которые действовали севернее завода, оказались отрезанными, но героическая борьба продолжалась, в течение месяца шли тяжелые уличные бои за каждый квартал, дом, за каждый метр сталинградской земли.

11 ноября фашисты предприняли очередную попытку штурма города. В этот день они смогли занять несколько корпусов завода «Баррикада» и пробиться к Волге. Героически сражавшаяся армия генерала Чуйкова оказалась рассеченной на три части. И вот в самый критический момент битвы бойцы, на одном из участков сражения, увидели над Сталинградом нечто такое, что заставило их содрогнуться: в ночном небе появилось некое таинственное знамение, указывающее на спасение города, армии и на скорую победу советских войск. К сожалению, в найденном документе нет конкретных сведений о том, что именно увидели воины в сталинградском небе, – было ли то явление Божией Матери, указующей путь отступления немецких войск, как это случалось не раз во время других сражений, или же какое-то другое знамение, свидетельствующее о явной помощи Божией нашему народу.

...Среди руин Сталинграда единственным уцелевшим зданием оставалась церковь в честь Казанской иконы Божией Матери с приделом преподобного Сергия Радонежского. Взбранная Воевода и игумен Земли Русской и здесь, в Сталинграде, явили свое заступничество пред натиском врага. Это подтвердили и дальнейшие события в ходе войны – окружение немцев и контрнаступление наших войск.

Сам Господь – Главнокомандующий!

Многие читали или слышали о знаменитой Корсунь-Шевченковской операции, в ходе которой попало в окружение свыше 55 тысяч немецких солдат и офицеров вместе со своей многотысячной бронетехникой, артиллерией и минометами. А это свыше десяти дивизий! Сколько же войска нужно было перебросить в тот район, чтобы уничтожить такую воистину устрашающую армаду!

«Это все совершила премудрость Божия», – коротко и весомо замечает наш известный старец лаврский, архимандрит Кирилл (Павлов). И что же было в действительности? А вот что.

Наше командование так и оставило тогда немцев в тылу, окружив их по периметру редкими артиллерийскими и минометными батареями: мол, посидят-посидят фрицы в «котле» да и пойдут в плен сдаваться. А немцы и не думали – они сосредоточили пехоту, бронетехнику, всю артиллерию на одном участке и ударили в сторону глубоких наших тылов, чтобы пройти вдоль линии фронта и на другом уже участке соединиться со своими. На пути этого огромного войска стояло всего лишь несколько артиллерийских и минометных батарей Красной Армии.

Когда наши артиллеристы и минометчики увидели, какая силища на них надвигается, то стали думать только об одном: сделать бы как можно больше залпов до того,

как их раздавят – что называется, продать свою жизнь подороже. И в тот момент, когда наши артиллеристы читали про себя уже последние молитвы (кто как умел) и прощались с жизнью, сзади послышался рев моторов.

Оглянувшись, бойцы увидели бескрайнюю степь, всю до горизонта покрытую сотнями русских танков. Как потом признавались танкисты, они и сделали-то всего по паре выстрелов, а от многотысячной группировки врага не осталось ничего, кроме покореженного железа и разбросанных по степи изуродованных человеческих тел.

Через несколько дней прибывают англичане – военный атташе и еще несколько человек из посольства: за-граница не верит сообщению о ликвидации огромной вражеской группировки. Действительно: вчера было войско – а сегодня его уже нет! Приехавшим союзникам показали этот «котел», фотограф знай себе щелкает. Атташе спрашивает: «Где уничтоженный противник? Где линия обороны? Где позиции артиллерии? Где воронки от авиабомб? Предъявите мне след хотя бы одного автомобиля, конной повозки, хотя бы одного сапога!» А этого всего просто нет. «Здесь, – говорят, – следы только от танков... Так уж получилось». А он в ответ: «Любит Бог вас, русских! Кроме Бога, в разработке этой операции никто не участвовал: это Он вашему командованию вложил мысль о переброске танковой армии по этой дороге на запад, немецкому командованию – о выходе из окружения по этой же дороге на восток, потом двинул вас навстречу друг другу... А Генштаб ваш к разгрому никакого отношения не имеет: там и сейчас толком ничего

не знают о происшедшем. У вас, у русских, – говорит, – видать, Сам Господь – Главнокомандующий!» Так оно и есть на самом деле.

Во имя любви святой

Архимандрит Тихон (Агриков) повествует о подлинном случае проявления высокого чуда веры. Такая любовь – священная и воздвигнутая верой – способна побеждать и самый страх, способна стать сильнее даже самой смерти.

Не забыть мне один случай. Это было в 1942 году, когда наша армия несла большие потери от вероломного немца. Трудное было время. И вот я помню, как однажды в нашей роте поднялся шум необычайный. Кто смеялся, кто ругался, а кто просто безумствовал в каком-то экстазе неудержимом. «В чем дело?» – возмутился командир роты. Подошли мы и увидели следующее. В окружении солдат стоит молодой парень, видать, не деревенский, а городской. Держится спокойно, с достоинством, но не вызывающе, смело и с любовью смотрит на своих товарищей. «Ну, что вас так разобрало?» – дружески говорит он своим сослуживцам по роте. «А, – слышится сразу несколько голосов, – ты крест носишь, ты верующий!» – «Как видите», – ответил юноша. На юной загорелой солдатской груди сиял маленький

крестик. «Ну и что, что я верующий? Разве это унижает человека?»

Не буду передавать подробностей этого эпизода, только задам вопрос: как мог этот молодой парень в такое бурное, тревожное время так просто, смело решать свою судьбу? Знать, в его юном сердце горела настоящая любовь к Богу, любовь высшая, заставляющая презирать все насмешки и опасности. Этот юный солдат умер героем. В смертельном бою, выручая товарища, он погиб под гусеницами немецкого танка, запечатлев любовь к Богу и людям своей кровью. И сколько подобных героических подвигов совершили простые люди во имя любви святой!

Господь внял молитвам

Вся семья Наталии Николаевны Босой во время войны находилась на оккупированной территории. Как-то раз их дедушка сказал, что надо уходить из города куда-нибудь в деревню: там безопаснее. Семья перебралась на хутор в лесу неподалеку от села Крымки. Здесь и вправду было спокойнее: ни немцы, ни полиция в лес заходить не решались, зато часто навевывались партизаны. Они приносили вести с фронта, и после их рассказов появлялась надежда, что война скоро кончится.

Шел ноябрь 1943-го. После обеда отец ушел в село, чтобы запастись какими-нибудь продуктами. А ближе к

вечеру кто-то постучал в окошко. То был боец из партизанского отряда, он часто бывал у них и раньше. «В Крымках облава, фашисты схватили около сорока мужчин. Николая – тоже», – сказал партизан, не заходя в дом. Мать и бабушка запричитали в голос, а дедушка «скомандовал»: «Все становитесь на колени – будем молиться!»

Наташа помнит, как умоляла Спасителя, чтобы Он освободил их папу, как просила святителя Николая, в честь которого он был назван, чтобы угодник Божий избавил отца из плена. Рядом стояли перед иконами ее сестренка и все взрослые – смысл их молитв был один: избавь, Господи, раба Твоего Николая от уз, от ига ужаснейшего! Сколько продолжалась та молитва, Наталия Николаевна сейчас уже не помнит. Наверное, долго. А когда уже стемнело, на крыльце вдруг раздались чьи-то шаги, потом распахнулась дверь. «Папа пришел! Это Господь спас его!» – в один голос закричали девочки. Николай Евсеевич был еще бледен от пережитого, и никто, даже строгий дедушка, не осмелился ни о чем его расспрашивать.

...Его схватили, когда он уже возвращался из Крымок домой, прямо у околицы. Немцы со всех сторон окружили село, никому оттуда вырваться не удалось бы. Всего забрали 39 мужчин – от подростков до стариков. Помогали полицаи. Всех согнали в церковь, а каратели окружили храм, встав вокруг цепью на расстоянии не более двух метров друг от друга. Пленники стали прощаться друг с другом. Николай Евсеевич остановился у боковой двери храма, сквозь щель взглянул на улицу – туман

стелился по земле. И такой нелепой показалась ему эта близкая смерть – ведь наши уже близко. После Сталинградской битвы немцы особенно лютовали, чувствуя свое поражение. «Я будто бы голос услышал: „Выйди, выйди”, – рассказывал отец. – „Как же я выйду? – возра-

зил я. — Ведь немцы стоят почти впритык друг к другу — они же меня пристрелят при попытке к бегству”. А мне как бы слышится в ответ: «Все равно, что здесь погибать, что там расстреляют — конец-то один...”»

Николай Евсеевич оглянулся: двое полицаев курили у церковного свечного ящика, не глядя в сторону пленного. Он присел на корточки, потянул на себя дверь. Она поддалась, открылась без шума и скрипа. Пленник лег на землю и медленно пополз. Туман над ним смыкался, как облака в небе. Метр, второй, третий... А немцы были совсем рядом. «Но Господь их как будто ослепил», — вспоминал отец.

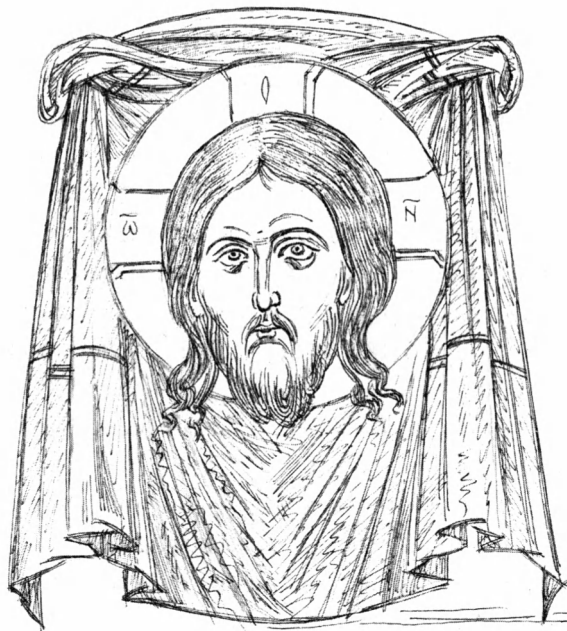
Так он и дополз до спасительной балки, а за ней уже был лес.

Казалось бы, верная смерть была уже рядом, но Господь внял молитвам его близких, которые в то самое время, когда его вели на верную смерть, стояли на коленях, вымаливая его у Господа.

Спаситель, озаренный светом

Рассказ Алексея Павловича Павлова о том, как он обрел веру.

— На фронт Отечественной войны попал я в 1941 году двадцатидвухлетним юношей. Был я связистом. Воевал на Ленинградском направлении, участвовал в обороне города на Неве, за что был награжден медалью

«За оборону Ленинграда». Немцы рвались к городу, он был окружен. Мы были молодые и отчаянные: однажды отбили у немцев мотоциклы – и разъезжаем на них... Пытаясь во что бы то ни стало захватить город, немцы обрушивали на нас лавину огня. Один за другим погибали боевые друзья. И вот в одну из бомбежек, когда шквал огня обрушился на город и, казалось, началось светопредставление, произошло настоящее чудо. Ночное небо вдруг озарилось розовым светом, и на розовом небе появился образ Спасителя. От неожиданности увиденного все находившиеся в блиндаже бойцы, не сговариваясь, попадали на колени и стали креститься.

Образ Спасителя исчез. Небо стало обычным. Но кремешный ад прекратился. А мы долго еще не могли прийти в себя. После этого, как только случался артобстрел или бомбежка, все наши солдаты начинали креститься, молясь, кто как умел.

С тех пор я и уверовал в Бога. С этой верой прошел через всю войну и после Победы возвратился домой без единого ранения. Образ Христа навсегда остался в моем сердце.

«Господь подсказал: убери солдат...»

В книге протоиерея Валентина Бирюкова «На земле мы только учимся жить» приводится следующий замечательный случай.

Икон у нас не было, но у каждого под рубашкой висел крестик. У каждого – горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, уברי солдат, уходи.

Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом «Христос воскрес!» сказали – и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: «Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит». Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

– Что ты меня дергаешь? – кричит он.

– Быстро беги отсюда! – говорю. – Сейчас сюда снаряд прилетит...

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня – а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки», и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается.

Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь – зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит! Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной – не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался.

А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летало все – ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует и бомба летит – прямо на меня. Я только успел перекреститься:

– Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня!

Знаю, что сейчас буду, как фарш. Не просто труп, а фарш!.. А бомба разорвалась впереди пушки. Я – живой. Мне только камнем по правой ноге как дало – думал: все, ноги больше нет. Глянул – нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень. Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

Воля Божия

– Вот и побывал я в гостях у отца Василия. Испытал настоящую радость от общения с добрым, мудрым человеком, истинным пастырем. Чаевничали. Отец Василий рассказывал мне о своих фронтовых происшествиях.

В самом начале войны он был направлен на артиллерийские курсы, по окончании которых получил в свое подчинение взвод орудий на конной тяге. А через три месяца напряженных боев принял командование батареей. И с первых шагов в этой ответственной должности он чуть было не угодил под трибунал. А произошло это после знаменитого приказа Сталина: «Ни шагу назад!»

Молодой комбат не сразу определился на местности, а когда прикинул, где лучше расположить батарею, решил отойти метров на триста назад. Только сдвинулись с места – откуда ни возьмись, несколько штабных машин, в одной из них сам командарм, известный военачальник, ставший впоследствии маршалом Советского Союза. Нарушение сталинского приказа грозило самой суровой карой. Охрана генерала мгновенно разоружила командира батареи, а генерал стал метать громы и молнии... И тут послышалась громкая и уверенная команда старшины батареи: «Батарея! К бою! По штабным машинам прямой наводкой! Заряжай!» Батарейцы не раздумывая выполнили команду. А опешивший генерал опомнился только тогда, когда старшина тем же спокойным голосом сказал: «Освободите нашего командира, иначе даю команду – огонь». Видимо, спокойствие и уверенность тона и поведение старшины отрезвляюще подействовали на генерала. Он, словно подчиняясь силе внушения этого решительного голоса, и сам, уже без лишнего крика, скомандовал: «Вернуть оружие!» И, обращаясь к Василию, приказал: «Объясните ваши действия, комбат!» Василий достал из планшета карту и, подойдя поближе к командующему армией, стал показывать и по карте и на местности, что занятая перед этим позиция была неудачна, а новая, на которую и передислоцировалась батарея, сулит несомненные и очевидные преимущества. «Почему же сразу толком не объяснили? – недовольно пробормотал генерал и скомандовал резко своей свите: – По машинам!»

«Эмки» запылили по проселку...

Василий не надеялся, что все этим и закончится, — ждал вызова в штаб. Ждал этого и старшина — любимец батарейцев дядя Федя. Но военная обстановка, по Промыслу Божию, внесла в жизнь свои коррективы. Танковые корпуса прорвали оборону противника, а вслед за ними в прорыв устремились и другие войска, в их

числе и батарея Василия. То ли эта сумятица помогла, то ли генерал не дал волю своему злопамятству, так или иначе – обошлось. «Воля Божия», – резюмировал отец Василий.

Чудо о спасении из «горящего гроба»

Отважный летчик Иван Тимофеевич Рублев, в годы Великой Отечественной войны сбивший двадцать вражеских самолетов, рассказал о том, что с ним произошло на фронте.

«Я был летчиком-истребителем. В одном из воздушных боев загорелся мой самолет, кабину заклинило в двух местах осколками зенитного снаряда. Открыть ее было практически невозможно: высота пять тысяч метров, сделать ничего не могу. Я бросил управление самолетом, убрал газ, перекрестился и взмолился: „Господи, помоги мне выбраться из этого горящего гроба!“ Самолет падает и вращается, как винт. Высота резко уменьшается. Я снова крещусь и молю Бога о спасении. На высоте около 1200 метров вдруг слетел фонарь, я резко оттолкнул от себя штурвал, и меня выбросило из самолета. Раскрылся парашют, и я приземлился на лед озера...»

Без каски – в терновом венце

«Самый суровый – военный 43-й год... После училища я оказался под Сталинградом, на Заячьем острове. Помню непрерывный грохот, какое-то хаотичное движение людей и машин. Кончилась белоснежная зима – кругом было сплошное месиво из грязи, снега и крови», – так вспоминает пожилой фронтовик, семнадцатилетним парнишкой, выпускником военного училища, попавший на знаменитый Сталинградский плацдарм. Каждый день его недолгой войны (до Победы 45-го – целых два года!) росло в нем беспокойное чувство последнего смертного часа. Потом он будет вспоминать, что страха тогда не было, – напротив, приближение гибельного конца даже прибавляло сил и отваги. Среди множества фронтовых рассказов о Сталинграде не затерялся и этот, записанный дедом для внука. С детской верой в истинность чуда припадем и мы к этим сокровенным воспоминаниям, как к источнику, в зной утоляющему жажду.

«Под моим началом была противотанковая рота. В то утро, которое останется в моей памяти до конца жизни, мы залегли за бугорок в ожидании немецких танков. Но их все не было... Я вжимался в недавно выпавший снег – и вдруг с какой-то ясной пронзительностью почувствовал, что меня сегодня убьют».

Рыхлый снежок, припорошивший землю, черные стволы деревьев. А за ними, за каждым бугорком – фигуры залегших солдат. «И вдруг я вижу совсем незнакомого солдатика (поднявшегося во весь рост!) с винтовкой

наперевес – лицо его было необыкновенно светлым, оно прямо-таки сияло. Я хотел ему по-командирски крикнуть: „Без каски! Ложись!” Но крик неожиданно застрял в горле.

А солдат этот, проходя мимо, провел рукой по моей ноге (как раз в том месте, где у меня теперь вмятина – шрам от пулевого ранения) – и неспешно удалился в сторону передовой, скрывшись в предрассветном тумане...»

Удивительная деталь: рассказчик до сих пор сохранил в памяти то дивное разлившееся в воздухе благоухание, которое ощутил он тогда, в момент столь неожиданной встречи с незнакомцем: оно напоминало свежий, легкий аромат спелого арбуза – какой-то неизвестный или забытый запах.

«Страх исчез, уступив место спокойствию и уверенности. Я хотел крикнуть ему вслед: „Назад!” – и даже схватился за кобуру, чтобы сделать в воздух предупредительный выстрел, но вдруг увидел появившиеся немецкие танки. Что тут началось – трудно даже представить! Сплошное месиво из комьев земли, обломков деревьев, человеческих тел... Помню, как меня что-то молниеносно ожгло и отбросило в вязкую жижу».

Он свято верит, что это было настоящее чудо: остался жив в том крошечном кошмаре и был только ранен в ногу, в том самом месте, которое как бы обозначил утренний незнакомец. «Он спас меня!» – утверждает фронтовик. И подходит к своей любимой домашней иконе: Христос в терновом венце – в глазах Спасителя всемирострадательное и нескудеющая любовь

к людям. Вот Он, Тот Самый Солдат, который спас его, семнадцатилетнего, в 43-м под Сталинградом!

Чудом было и то, что тогда его подобрали санитары, – а ведь можно было истечь кровью или замерзнуть. «Тебе повезло, парень, тебе повезло», – твердил натолкнувшийся на него пожилой санитар. Но теперь-то он знает, Кто истинный его Спаситель! Господь может совершить любое чудо. И дается оно нам по вере нашей.

И Ты напоил меня!

Известный иерарх Русской Православной Церкви владыка Иосиф (Чернов), митрополит Алма-Атинский и Казахстанский, в 1943 году служил в оккупированной Умани (Киевская область). Шестьдесят шесть суток пришлось ему провести в гестаповской тюрьме. И вот какой случай произошел с ним в тюремной камере.

Он умирал от голода и холода, но сильнее всего страдал от жажды. В коридоре капала вода, но дверь была закрыта, и никто не заходил к нему. Владыка молился Богу: «Питоньки, питоньки пошли, Боже!» И Господь однажды чудесно посетил его. Невидимая рука открыла камеру: владыка вышел, попил воды, и дверь снова закрылась невидимой силой.

Господи, благослови!

Рассказ фронтовика-связиста, священника Самарской епархии о. Иоанна Букоткина, записанный Надеждой Николаевной Зотовой.

– Орден Славы III степени – это самая дорогая для меня награда.

Под Инстенбургом (Восточная Пруссия) мы отбили две атаки немцев, а в третью они пошли без единого выстрела и только с близкого расстояния открыли минометный огонь. Мины ложились в шахматном порядке – головы не поднять. Мне командир приказал добраться до левого фланга и разведать обстановку. Я пробирался под шквальным огнем и наткнулся на санитаря, который перевязывал раненого сержанта Глушко. Я отстреливался, а немцы наступали полукругом. Тогда мы затащили раненого в какой-то сарай и спрыгнули в погреб. Глушко остался наверху. Погреб был каменный, в одном месте дыра заткнута тряпкой – можно было руку протянуть и достать до немцев, а они уже были везде.

Я понял, что нас обязательно схватят, а если узнают, что я связной, – будут пытаться. Говорю санитару: «Я ухожу отсюда». Он стал уговаривать остаться. Я перекрестился, три раза прочел «Отче наш», приставил лесенку и с молитвой «Господи, благослови!» вылез из погреба. Сержант Глушко лежал без движения, и я подумал, что он умер. Так же, видно, решили и немцы.

Выглянул во двор – всюду суетились фашисты. Решил пересечь двор и перебежать дорогу, а там залечь в кюве-

те и отстреливаться до последнего патрона. Пробежал до кювета – они меня не заметили! Может быть, потому что шинель-то на мне была зеленая, английская... За кюветом было открытое место, в гору метров двести пятьдесят. И я побежал зигзагами. Немцы стали стрелять, а я падал, вскакивал и бежал дальше. Меня ранило в ногу, а уже на самой горке пулей раздробило левое плечо. Свои

подо-брали меня, когда уже стемнело. Оперировали в по-левом госпитале, где я встретил сержанта Глушко. От не-го и узнал, что санитаря, оставшегося в погребке, немцы нашли...»

Под покровом милосердия Божия

Из рассказов Наталии Пестовой.

...Перед самой Пасхой маме пришла телеграмма из Углича. Дедушка был болен, звал дочку проститься. Мама быстро собралась в дорогу. Она везла с собой табак, водку – то, что мы получали по карточкам, но не употребляли и в провинции легко могли обменять на картошку, творог и т. п. Продуктовые запасы у нас дома кончались, было голодно, поэтому мы с радостью отпра-вили маму к дедушке. Она просила нас усердно молить-ся, так как дорога была трудная, фронт был от Углича близко. Мы обещали молиться и настойчиво просили помощи у святителя Николая – помощника в трудах и дорогах...

Из рассказов мамы я поняла, что действительно путе-шествовала она чудом – чудесной помощью святителя Николая. Доехала мама из Москвы только до Калязина, дальше пассажирские поезда не ходили, потому что там было уже недалеко до линии фронта. До Углича остава-лось маме ехать еще около двадцати километров. Как быть? Но Господь помог: мама помолилась и попроси-

лась на ночлег в какую-то избу. Мама рассказала хозяйке о своей беде, о том, что не знает, как добраться до Углича. «Вас ко мне не иначе как Бог привел, – ответила женщина. – Мой муж работает на паровозе. Сегодня ночью воинский состав пойдет к фронту, пойдет мимо Углича. Если хотите, то муж спрячет вас в угольный ящик, а около Углича высадит». Мама, конечно, согласилась, дала доброй хозяйке что-то и стала ждать ночи.

Кочегар отвел маму к паровозу, спрятал ее среди глыб угля, сказал, что договорится с машинистом о том, где ее удобнее высадить.

– Только, пожалуйста, остановите хоть на секунду поезд, – сказала мама. – Я ведь с грузом, на ходу прыгать не могу.

– Как можно остановить без причины воинский состав? – отвечал кочегар.

Стали подъезжать к Угличу. Поезд шел все тише и тише.

– Тут переводят стрелки, – сказал кочегар, – мы тормозим поэтому. А вы, как только спрыгнете, так идите по тропе и не оглядывайтесь, не подавайте виду, что вы сошли с паровоза.

– Остановите хоть на секунду, я не могу с грузом прыгать, высоко! – умоляла моя мама.

Кочегар подошел снова к машинисту, поговорил с ним.

– Сейчас тормознем на секунду, я помогу вам, но не медлите! – сказал он.

Действительно, состав остановился, мама соскочила. Не оглядываясь на поезд, она пошла с мешками своими

наперевес вдоль железнодорожного полотна, пошла, призывая всех святых на помощь. Но что тут поднялось! Со всех вагонов, как муравьи, посыпались солдаты, которые спрыгивали с криком:

– Что случилось? Почему остановка?

Но кочегар спокойно махал солдатам рукой, показывая, что им надо вскакивать обратно.

– Стрелки, стрелки задержали! – кричал он. – Все нормально!

Поезд набрал скорость и умчался, а мама шла сама не своя от страха – от страха и трепета перед милосердием Божиим, Который слышит наши молитвы и не оставляет надеющихся на Него.

В конце марта 1942 года нам вдруг объявили, что недели на три все учителя и ученики должны поехать на строительство оборонительных сооружений вокруг Москвы...

Однажды мне понадобилось побывать в Москве...

Все эти дни, во время работы на трудфронте, я про себя все время молилась, читала правила, призывала святых на помощь. А тут уж не молитва пошла, а слезный вопль ко Господу: «Господи! Помоги добраться до дому!» Иду с рюкзаком напрямик через лес, чтобы поскорее выйти на Волоколамское шоссе. А ноги ослабли, силы на исходе. Я опустилась на землю у обочины дороги и стала ждать, не проедет ли какая машина. А шли они с фронта редко-редко: за час одна-две машины промчатся. Я сижу, жду... В ушах звучат слова псалма: «Отец мой и мать моя оставили меня, но Господь мой примет ме-

ня». И я начала поочередно просить помощи у преподобного Серафима, преподобного Сергия, святителя Николая: «Ну останови мне, батюшка, машину! Посади меня! Помоги мне добраться домой без пропуска! Ведь я изнемогаю, сил нет. Помощи только свыше жду. О Царица Небесная! Не оставь меня здесь одну погибнуть». Остановилась машина.

– Что тебе, девочка?

– До Москвы, до метро довезите, пожалуйста.

– А пропуск есть? На заставе тебя проверят.

– Нет. Но у меня нет сил идти. Посадите меня.

– Ну, ложись на дно кузова да не поднимайся...

Грузовик мчался, я полулежала на дне, продолжая умолять Бога о милосердии. Вот и застава. Стоит много машин, военные проверяют у водителей документы. Я лежу, затаив дыхание: «Только бы не заглянули сюда, за борт!» Но вот солдат поднялся по ступенькам к зданию, махнул флажком, и машины взревели. В этот момент он сверху заглянул в кузов и увидел меня. Раздался свисток. «Господи, Господи! – взмолилась я. – Помоги!» Свистел не то ветер, не то солдат, непонятно, кругом ревели машины – и вдруг помчались все сразу, не останавливаясь. «Слава Тебе, Господи!» Вот и метро «Сокол».

Господь сподобил меня встретить в жизни человека, которого Он избрал для служения Себе.

...Когда разразилась Великая Отечественная война, отца этой семьи мобилизовали в ряды защитников Родины. Один из сыновей, Вадим, в четырнадцать лет устроился работать на железную дорогу – грузить уголь на

паровозы. Труд был тяжелый, по восемнадцать тонн угля в день приходилось перекидывать с одного места на другое. Однажды жизнь Вадима оказалась в опасности: он лежал под паровозом, вычищая шлак и несгоревшие, горячие еще угли на землю. На этот же запасной путь толкнули другой паровоз со стругом (приспособлением для очистки пути от снега). Паровоз шел по инерции, полученной от толчка, он должен был неминуемо натолкнуться на тот паровоз, под которым работал Вадим. Юноша слышал тревожные крики, но не обращал на них внимания, старательно углубившись в свою работу. Но вот он услышал, что кричат его имя, вылез из-под машины. В тот же миг произошел страшный толчок, паровоз покати по рельсам, засыпанным шлаком, наклонился... Вадима зацепило за одежду и потащило через горячие угли. Он обжег руки и лицо, попал потом в больницу, но милостью Божией скоро поправился. Так Господь спасот смерти того, кого предусматривал сделать Своим верным слугою.

Прошли годы – Вадим стал священником. Господь помог батюшке с матушкой вырастить как дочек, так и сыновей, трое из которых уже в священном сане. А девочки вышли замуж за семинаристов, все три тоже стали матушками.

Сейчас в семьях растут уже внуки...

Вот какой богатый духовный урожай предвидел наш всеведущий Господь, когда призвал на служение Себе из глухого села кроткого, худенького, оборванного мальчика, грузившего уголь на паровозы всю долгую войну.

«Только верой живу и держусь...»

– Встреча с этим человеком на дорогах войны явно ниспослана мне была свыше. Вся жизнь моя потекла совсем по иному руслу – я пришел к вере православной, возлюбил Господа нашего и Пречистую Его Матерь. Воистину, земные наши встречи – чудо и тайна...

Так начал свой рассказ о. Платон Скорино. В 41-м ушел на фронт добровольцем, попал в разведку. И вот здесь-то и свел его Господь с молодым лейтенантом – «чистеньким таким на вид, интеллигентным, худощавым, щупленьким». Однажды на задании Платона контузило. Лейтенант Александр Каменев расстелил плащ-палатку, уложил на нее своего контуженного солдата – и потащил.

– Я ему говорю: «Брось, оба погибнем! Я тяжелый, а ты вон какой маленький». И услышал совсем неожиданное для меня в ответ: «Ничего, Бог поможет». И я, молодой, абсолютно неверующий, «возмутился духом». Лейтенант, человек образованный, неглупый и вдруг – Бога на помощь призывает. Не может настоящий советский человек верить в Бога, ведь в трудах советских ученых с предельной ясностью доказано: Бога нет! Вот такая чудовищная каша была тогда в моей голове.

Но Бог-то действительно помог верующему лейтенанту, молившемуся за нас двоих. Каменев благополучно дотащил меня до своих, принесли мы и ценные сведения.

Были мы с лейтенантом и еще в одном разведпоиске, километров за тридцать от фронта. И снова неожиданность для меня. Добрались до какого-то села. Смотрю – лейтенант прямо к церкви побежал: стоит, крестится, шепчет слова молитвы. Для меня этот поход был исключительным, потому что он стал отчасти началом моей новой жизни.

И все чаще стал я обращаться к нему с вопросами о вере, о религии, о святых Божиих угодниках. Передо мной открывался таинственный мир – жизнь Иисуса Христа, первые века христианства, смысл и значение молитвы... Встреча с лейтенантом Каменевым оставила глубокий след в моей жизни – мой боевой товарищ помог мне укрепиться в вере. Так я вошел в Церковь – и это было величайшим чудом, явленным мне от Господа. Только верой живу и держусь.

Вся душа изливалась в молитве...

Вспоминая этот случай из своего военного прошлого, Алексей Федорович и по сей день уверен в том, что происшедшее с ним, как он называет, «необъяснимое чудо» – великая Божия милость, явленная ему. «По немецким законам войны, – говорит ветеран, – меня должны были расстрелять, но крестное знамение, которым осенил я себя буквально в преддверии смерти, – спасло от гибели». Вот как это было...

– В 1941 году, в первые дни войны, взяли меня в армию. Попал в пехоту – и сразу на фронт, дивизия с боями отходила в глубь России, в конце августа подошли к Смоленску. Было приказано стоять насмерть, во что бы то ни стало – задержать наступление немецких войск. Пока окапывались, ждали немцев, я молился, призывал Матерь Божию, Господа Иисуса Христа и своего святого Алексия, человека Божия, просил явить свою милость, защитить и сохранить.

Примерно в семь часов утра появились немецкие танки и пехота на автомашинах. Немцы спешили и под прикрытием танков пошли на нас цепью, непрерывно стреляя из автоматов; первые две атаки мы отбили, немцы залегли; и тогда по команде «Вперед!» мы поднялись и с криком «Ура!» пошли в ответную атаку. Вокруг падали убитые, раненые, но солдаты бежали вперед на немцев. Пробежав, может быть, сотню метров, я почувствовал, как что-то подняло меня, ударило, и очнулся, лежа на спине, с нестерпимой болью в ногах и какой-то «тупой» головой. А когда пришел в себя, чуть-чуть приподнялся и увидел свои ноги изогнутыми в сторону – были перебиты голени. Вижу – немецкая трофейная команда обыскивает трупы убитых солдат и особенно командиров: ищет документы, карты, письма, ценности, оружие, а тяжелораненых пристреливают.

Немецкий солдат подошел ко мне, ударил по моим перебитым ногам, наклонился и стал обыскивать. Взял командирский планшет (я был младшим лейтенантом), достал документы, письма и снял с руки часы, презрительно отбросил винтовку, поднял свой автомат к моей

груди – и я понял: пристрелит как тяжелораненого. Поднял я руку и трижды перекрестился, сказав: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного, и душу мою». Немец опустил автомат, внимательно посмотрел на меня и сказал: «Гут, гут», полез в вещевой мешок, достал фляжку, мои документы, часы надел мне на руку и, коверкая русские слова, сказал: «Куст, лес, куст, лес». Я опять перекрестился – немец дал короткую очередь из автомата в землю рядом

со мной и, махнув в сторону леса, повторил: «Лес, куст». Повернулся и пошел, а я начал еще истовее молиться.

Несколько часов я был без сознания, пока меня не подобрали санитары. Вся душа изливалась в молитве и таля от любви и благодарности к Господу и Пречистой Его Матери.

Из «Записок епископа Вениамина (Федченкова)»

Рассказ фронтового врача.

– В войну, по мобилизации, оказалась я на фронте в летучем госпитале. Принесли партию раненых. Надо было немедленно сделать очень трудную операцию: удалить осколок из мозговой коры. При вскрытии и в мозгу оказались осколки микроскопические.

Минуты больного были сочтены: надо было торопиться. Но операция – вы понимаете – была трудна и ответственна: не каждый и хирург взялся бы; а я не хирург, операций не делала никогда – и меня обуял страх. Пока готовили больного, а я мыла руки, меня знобило, с руками совладать не могла: так тряслись. Я мою руки и молитвенно обращаюсь к Богу:

– Мне надо спасти человека, а я погублю его! Ты, Господи, знаешь, что я не умею, я не сделаю: научи меня, помоги!

Надо сказать, что госпиталь тот был попросту сарай. Свет в него попадал только через дверь. День был темный, лил дождь; а зрение у меня было слабое – видела я только на очень близком расстоянии, даже и при ярком свете. Это еще больше усугубляло волнение. Я вся тряслась, как в лихорадке.

Я велела перенести стол к двери; но оказалось, дождь заливал, – нельзя...

Это была первая моя операция.

Вдруг говорят мне, что все готово. А я не могу ног сдвинуть с места. И, закрыв глаза рукой, воскликнула про себя:

– Господи! Не я, а Ты будешь оперировать: помоги, спаси, научи!

И пошла, и еще раз взмолилась:

– Ты, Господи, со мной! Ты! Только Ты!

И вдруг в сарае, вижу, светло стало (а дождь все лил) – светло, как будто в ясный день. Я смело подошла: руки не тряслись уже. И сделала все хорошо. Была спасена жизнь, но – что главное, – восстановлены и все функции мозга. Удивительнее всего, что сестра, прислуживавшая при операции, говорила:

– Темно, как в сумерки. – А было 11 часов утра, мне же, милостью Божией, было светло, ясно, все видно.

Если это не чудо, то что?..

Случай с прихожанкой Агафьей.

– Было это в 1944 году. Стояла сильная жара. Я пошла с сынишкой-подростком полоть огород. Взяла с собой двухлитровый баллончик воды и камсы.

Идем через железную дорогу: пленные немцы грузят вагоны. Просят дать воды. А я подумала: не дам! Но потом поразмыслила: они люди чужие, тоже, может, безвинные – пусть пьют! А мне Бог даст! Трое напились, и я еще в кружку воды налила. Иду дальше: кто-то пасет корову – тоже просит дать хоть глоточек воды. А потом весь день полола, и камсу мы ели – и всё пили, и пили! А вода целая так и осталась... Вот какое чудо сотворил Господь, промышляющий о наших нуждах с милосердием.

Письмо 80-летнего старца.

«...В 1942 году меня, больного, в холодном вагоне доставили в г. Смоленск в тюремную больницу. Здесь я пролежал до 6 января 1943 года, до Крещения Господня.

Накануне 7 января, под день св. Иоанна Крестителя, вижу сон: возле моей койки стоит монах в черном одеянии и черной мантии; волосы седые. Явившийся говорит мне: „Молись святому Николаю Чудотворцу, он тебе поможет!” Я спрашиваю: „Кто же вы, батюшка?” Он говорит мне: „Я – Авраамий Смоленский”. С этим я и проснулся. И перекрестился: „Святителю отче наш Николае, помоги мне и избави от напасти!” В этот же день я был освобожден из тюрьмы. Мне зачитали имена и фамилии моих клеветников, сказав, что я могу передать на них дело в суд. Но я ответил, что Господь им будет судья.

Мне были возвращены молитвослов и Евангелие. И я шел домой две недели 140 километров пешком, ноги были больные. Добрые люди поили и кормили. И я достиг своего дома. И теперь живу, по милости Божией. Слава Богу за все».

Три смерти на одной войне

Этот рассказ записан со слов женщины-хирурга, прошедшей всю войну.

– Я хочу рассказать о смерти трех совершенно незнакомых мне людей. Все эти три случая необычайно поразили меня и помогли осознать, что неисповедимы пути Господни.

Однажды с поля боя в госпиталь принесли юношу-солдата. Его сопровождал тяжело раненный в ногу лейтенант, просивший как можно скорее осмотреть раненого солдата и помочь ему. Сестры стали снимать с солдата одежду, подошла и я. Он был ранен в живот, я откинула бинты перевязок, разрезанные ножницами, и увидела месиво из крови, грязи, обрывков одежды. Подошел главный врач, посмотрел и сказал: «Все». Мы хотели уходить, но солдат вдруг открыл глаза и отчетливо сказал, глядя на меня: «Я умираю, достаньте крест, он в верхнем кармане гимнастерки, приложите и перекрестите. Имя Алексей, прошу Вас». Я склонилась над ним, достала маленький крестик, приложила к губам умирающего и трижды громко произнесла: «Господи! Прими душу страждущего и умирающего раба Твоего Алексея, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Главный хирург, сестры и санитар взволнованно смотрели на умирающего, пораженные, как и я, особой благостью и верой Алексея. Он отходил ко Господу с верой и упованием на милость Его – и это казалось чудом в страшном водовороте войны.

Алексей глубоко вздохнул, поднял руку для крестного знамения, но рука бессильно упала, и он смог только сказать: «Господи! Прими душу мою. Благослови Вас Бог! Господи!» – вздохнул раза два и умер.

Мученическая кончина праведника произвела на всех тогда сильное впечатление: солдат, совсем еще мальчик, страдающий от страшной боли, сознающий, что умирает, и призывающий имя Божие!.. Глубина этой челове-

ческой веры осветила на долгие годы путь, которым надо идти...

Запомнилась на всю жизнь другая смерть – одного тяжелораненого подполковника. Он страшно мучился, буквально был по-звериному – не мог смириться с мыслью, что умирает. Крик его наполнял злость, ненависть ко всему живущему, он поносил Бога, Матерь Божию, святых, призывал беспрерывно темную силу. Видно было, что душа его во власти злых духов. И вот, видя его страдания, я дерзнула молиться о нем. Но однажды услышала его совершенно нечеловеческий крик: «Уберите ее! Она мешает мне – крест на ней! Вон, вон!...» И началось настоящее беснование, но я продолжала призывать Всемилостивого Спаса: «Спаси и сохрани меня и упокой раба Твоего Григория». Молиться было трудно, я напрягалась, сосредоточилась, пытаюсь устремиться с молитвой к Богу. Подполковник не затихал, проклинал, поносил. Тогда я встала, подошла к подполковнику и трижды осенила его большим крестом. И – о чудо! – лицо его приняло спокойное выражение, глаза закрылись, и он, казалось, заснул...

И еще одна смерть – все на той же войне. В госпитале у нас умирал майор лет пятидесяти пяти – от гангрены. За два дня до смерти как-то позвал меня и говорит: «Людмила Сергеевна! Помощь мне ваша нужна, давно к вам приглядываюсь, верующая вы?» Я кивнула головой. «И я в церковь когда-то ходил, а потом отошел, забылось все как-то, а Бог есть. Хочу прощения у Него

попросить. Умру, заочно отпойте, а сегодня к вечеру святой воды и просфоры частицу достаньте. Может быть, у вас и сейчас есть?» – «Есть», – ответила я, пошла за своей сумочкой и достала кусочки, почти крошки хранившейся у меня просфоры и маленький пузырек от лекарств, в котором всегда находилась святая вода. Это было мое сокровище, бережно хранимое и всегда бывшее со мной во время войны. «Хотел бы в грехах покаяться, но как? Расскажу вам, а вы, когда Бог пошлет, священнику расскажите от моего имени. Можно это сделать?» Я не знала, можно ли. Но утвердительно кивнула головой.

Эта необычная исповедь длилась около трех часов – Господь явно прокладывал исстрадавшейся душе путь к покаянию пред исходом ее в вечность. Не чудо ли? Потом умирающий бережно проглотил кусочки просфоры, отпил из ложки святой воды и перекрестился три раза: «Слава Богу, умру по-человечески. Отпойте в церкви еще Дашу, Федю и...» – и потерял сознание. А через день он умер.

После войны, встретившись со своим духовным отцом, я во всех подробностях передала ему исповедь майора (звали его Николаем). И вот что сказал мне тогда батюшка: «Да, это воистину глубокая, проникновенная исповедь внутренне большого человека, да примет его Господь в обители Свои.

Поминайте в молитвах своих Николая, Дарью и Феодора, и я на проскомидии буду всегда поминать», – и прочел для Николая, как для исповедника, разрешительную молитву.

«Бог поругаем не бывает...»

Рассказы о. Николая, записанные в Оптиной Пустыни.

«Подшло время войны, сорок первый год. Меня призвали в армию. Я собрался, а мама спрашивает:

– А крестик где?

– Зачем он мне? Он мне не нужен.

– Как не нужен? – заплакала она.

Я не послушал маму и ушел без креста на сборный пункт, около сельсовета. Стали подходить подводы, нас было много. Приходит мама вместе с крестной моей. И только объявили: „Занимайте места!“ – крестная как меня схватила, целует, плачет:

– Ты ж мой сыночек, ты ж идешь в гущу, может, раненый будешь или больной... Что я тебе дам? Я же твоя крестная. Вот, возьми крестик.

Тут я не отказался. Крестик аккуратненько был завернут в бумажечку, я и положил его в кошелек.

Повезли нас за границу, в Персию. Окончил там школу младших командиров. Про крестик я забыл, он мне был не нужен, но на все есть воля Божия: ты от Меня отказался, но Я от тебя не отказываюсь, ты же крещеный, ты Мой, и Я тебя не оставлю.

И вдруг я заболел. Дня через два меня на носилках перенесли в изолятор и дали кислородную подушку. Жить оставалось два-три часа. Когда развернул бумажку и увидел свой крестик, я как закричу:

– Господи, я Тебя оставил, а Ты со мной!

Начал плакать, целовать крестик. Надел на шею и опять целую. И будто слышу голос крестной: „Ты ж больной, обращай к Нему с верой”.

Я прошу:

– Господи, исцели меня! Я Тебя оставил, я от Тебя отказался, прости и исцели!

Я уснул. Крестик как взял в рот, целую, так он у меня там и остался. До подушки с кислородом не касаюсь. Утром просыпаюсь – болезнь прошла, чувствую себя здоровым. Вернулся в свой полк. И снова заступил на службу».

«Покойный настоятель нашей церкви говорил: „Кто не защищает Церковь, тот и не ее сын”. Как же, если ты слышишь, что твоих родителей кто-то поносит, а ты будешь молчать? Ты ж не выдержишь. А за Церковь – тем более.

У нас в селе председателем колхоза был такой жестокий коммунист... Как он ненавидел Церковь! Разорил нашу церквушку до фундамента. А с фундамента брали кирпичи и строили свинарники. Да как же Господь будет терпеть? Он послал войну.

Пришли немцы. Им никто не подсказывал. А они нашли этого председателя, приковали его цепями до дерева и запретили к нему подходить. А его помощника заставили копать яму. Он выкопал. Председателю команда: „Ложись!” И закопали живьем. Вот оно воздаяние, еще на земле, при жизни нашей».

И снова вспоминаются слова св. апостола Павла: «Бог поругаем не бывает!»

Человек, истерзанный войной

...С почерневших икон скорбно смотрят лики святых. В молитвенном предстоянии пред ними, на коленях, застыл старый, искореженный человек. Война поразила его глухотой, отняла бóльшую половину зрения, почти лишила рук, остались одни культишки.

– Михаил Федорович, чем запомнились первые дни войны?

– В августе сорок первого спас машину с хлебом и сто человек...

Всего-то! И только сейчас понимает, что чудо это в его жизни – первое, военное, ниспослал Господь, как бы укрепляя Михаила на будущее.

...Было это под Ленинградом. Немцы загнали их за болото. Наступали на них танкетки-черепахи. И никто не мог поставить мину. Только одному Михаилу Чалову это удалось! «Лента» летит – то есть пули, громкий режущий свист... Отбивается Чалов и головки стеклянные ставит. Пять мин у болота зарядил да пятьдесят поставил на оборонных рубежах. Подорванные танки в пламени кувыркались. А потом...

– Михаил Федорович, а как вы попали в окружение?

– Так в сорок первом и попали!.. Под Боровичами новгородскими. Помнится – островок, река, овраг, ветер, холод. Молился непрестанно, чтоб Господь надоумил меня помочь как-то своим. И вот – в зимнюю пору сорок штук печей сложил я тогда. Приободрились солдаты. Два

бака для воды сделал. Нужно было раненых на чем-то вывозить. Я к командиру, говорю: колеса есть, давайте я тачанку сделаю. А он мне: где тесу возьмешь, где кузница?.. А я ему – так и пыльщик я, и кузнец, да и Господь поможет... Ушли они мост править – а я тесу вытесал, к вечеру тачанку для транспортировки раненых сделал. Краской даже покрасил! И не пропали, Божьей милостью выстояли, выжили...

Воевал рядовым, получил орден Славы, потом – медаль «За победу над Германией». И еще – пенсионную книжку инвалида Отечественной войны первой группы. В справке о ранении 18 сентября 1942 года деловито перечислено: «Ампутирована культя правого предплечья, левая кисть... Глухота... Слепота... Осколочное ранение глаз и черепа с повреждением лобной кости».

Но и на склоне лет он не сидит в праздности, правит дела хозяйственные (при своих-то увечьях) и славит Творца за Его любовь к человеку, милость и помощь.

О чудных делах Божиих

Из рассказов протоиерея Николая Мельникова.

– Как-то после войны меня пригласили отслужить в одном доме водосвятный молебен. Я был очень удивлен, когда ко мне подошел молодой мужчина весьма приятной наружности и попросил моего иерейского благо-

словения. После того как я отслужил молебен, нас с псаломщиком пригласили за стол. Молодой человек за трапезой разговорился со мной, и я узнал, как он пришел к вере.

Выяснилось, что он летчик и участвовал в Великой Отечественной войне, защищая Родину на Северном фронте. Его авиасоединение базировалось в Мурманске. В задачу пилотов входило охранять от фашистских воздушных пиратов караваны морских судов, которые шли к нам из Америки и Англии. Во время одной из таких операций самолет этого летчика был подбит, и он повернул к родным берегам, надеясь все же дотянуть до своего аэродрома. Мурманские берега были уже видны, но самолет все более и более приближался к морской поверхности. Пилоту пришлось выпрыгнуть с парашютом, а гибнущий самолет, не долетев до берега, рухнул в воду. Хотя парашют сильно мешал, летчик попытался доплыть до берега. Это ему удалось, но берег был очень крутой, зацепиться за него не удавалось, и сильной волной пилота отбрасывало назад. Неоднократные попытки ухватиться за каменистые выступы были напрасны, утопающий уже изнемогал, хотя был молод и силен. Тогда он обратился за помощью к Богу и с молитвой продолжал цепляться за берег. Молитва была не напрасна. Очнувшись в госпитале, летчик узнал, что его заметили с берега и послали за ним катер. Когда спасатели прибыли на место происшествия, то на поверхности воды никого уже не было видно. Стали багром ощупывать дно около берега и зацепили парашют, а вместе с ним — и героя этого рассказа.

«Свое спасение я приписываю Богу, – закончил молодой человек повествование. – И не перестану верить в Него до конца моей жизни».

Дивны пути, которыми Господь ведет Своих избранных к великому назначению – пастырскому служению. Вот один удивительный случай такого призвания Божия.

Алексею еще юношей довелось пройти по фронтам Великой Отечественной войны. Однажды выпало ему сражаться в ожесточенном бою. Неприятель минометами обстреливал участок позиции, где залегло подразделение, в котором воевал Алексей. Положение было тяжелое. Он видел, как вокруг него гибнут товарищи, понимал, что роковой снаряд может в скором времени вычеркнуть и его из списка живых. А умирать не хотелось! Тут юноша вспомнил о Боге. О Нем ему в детстве говорила мать и – особенно много – богомольная тетья, которая когда-то была в монастыре, а потом всю жизнь трудилась при храме. От всего сердца Алексей взмолился Богу: «Господи! Сохрани меня, Господи! Если Ты оставишь меня в живых, то я даю обещание: при первой же возможности начну служить Тебе». Молитва Алексея шла из глубины души и была услышана. Он в числе немногих остался в живых, хотя и был ранен.

Вернувшись домой после демобилизации, Алексей узнал, что открыты духовные семинарии. Он начал изучать церковнославянский язык, постоянно читал Евангелие и другие духовные книги. Потом стал иподиаконом

у архиепископа своей епархии, поступил в духовную семинарию. И наконец – принял священный сан, служит на духовном поприще.

В городе Л., где я священствовал, проживала глубоко верующая женщина. Ее единственный сын был взят на войну. Женщина горячо молилась Богу о том, чтобы Он спас ее сына от гибели. Молилась так вдохновенно, как редко кто молится. И не только во время утренней и вечерней молитвы, не только в храме – она молилась о сыне почти непрерывно. Шла на рынок или в храм, готовила обед или занималась другими хозяйственными делами – молитва о сыне постоянно была у нее в сердце.

И молитва матери не была тщетной – услышал ее Господь: сын-танкист во многих сражениях оставался невредим. Наконец, в одном бою снаряд прямым попаданием угодил в его танк. Раздался взрыв – танкист потерял сознание. А когда пришел в себя, увидел, что лежит на траве, над ним голубое небо. Гула сражения не слышно. Он встал на ноги, огляделся и увидел вблизи развороченный танк, а в нем обезображенные трупы своих товарищей. Он же, благодаря Богу, внявшему молениям его матери, отделался только легким ранением.

«Это тебя точно Бог спас!..»

В книге священника Владимира Емеличева «Чудеса в православии» приводится случай из жизни одного верующего человека.

– В Великую Отечественную войну служил я в артиллерии. Как-то попался под руку командиру, и он послал меня с пакетом срочно в штаб, хотя это и не мое было дело – у него для этого имелись свои штабные. Не хотелось мне идти, но что делать – приказ. Когда я ушел с пакетом, неожиданно начался бой. Во время боя мою группу наводчиков накрыло прямым попаданием снаряда – все погибли. Когда я возвращался, бой уже подходил к концу. У самого командирского блиндажа разорвался снаряд, но я успел плашмя броситься в воронку. Затем прыгнул в окоп и в блиндаж. Там все так и ахнули: «Ты же мертв...» – говорят. Они думали, что я погиб вместе со своими, поскольку не знали, что меня послали с пакетом в штаб. А командира в то время не было в блиндаже. «Как, – говорю, – мертв?! Жив я!» И рассказал, как было дело. И тогда один пожилой служивый солдат – он был верующий – мне сказал: «Это тебя точно Бог спас! Теперь тебя ни одна пуля не возьмет, жив будешь». И точно: всю войну до конца прошел без единого ранения. Один раз попался вражескому снайперу – так пуля только кожу на голове содрала.

«Сохрани в деснице Своей!..»

...Давно уже у дедушки Балыбердина из поселка Опарино Кировской области свои взрослые внуки. Но далекие военные будни, боевые сражения, случаи чудесного спасения в самых суровых обстоятельствах не стираются в памяти, не тускнеют. Да и ребятам иногда охота послушать дедушку-фронтовика.

Был он тогда артиллеристом, молодцеватым, не трусливым – вместе с другими, такими же юными смельчаками, каску не надевал. «Больно тяжелая и неудобная была...» – оправдывается дед, вспоминая прошлое. И вот однажды пред боем сон ему приснился – невидимый кто-то встал в блиндаже у его изголовья и настойчиво так твердит: «Надень каску! Надень каску...» Послушался – утром надел. В бою том осколком каску-защитницу на куски разорвало – а голова-головушка цела осталась! Вот оно – святое послушание, вот что значит преклониться пред волей Божией!

И снова воспоминания, воспоминания...

– Обкапывал я как-то орудия, сделал щель. И той же ночью случился сильный артобстрел. Господи, спаси мою душеньку, сохрани в деснице Своей, не дай погибнуть созданию Твоему! – молился я, как умел, но от всего сердца, горячо и искренне. Однако же почему-то не в щель залег, а сиганул... в речку, что рядом текла.

Закончился артобстрел, добрался он до своей щели, а там – воронка и никого в живых. Рука Божия отвела

смерть! И сколько раз еще и еще отводила, чтобы смог потом, через десятилетия, седовласый дед рассказывать мальчишкам-внукам свои фронтовые истории.

Три чуда – за одну войну

С детства Иван Егорович Ларин был верующим, ходил в храм, старался жить благочестиво даже в те безбожные предвоенные годы. Потом забрали в армию – сначала был орудийным мастером, а попозже, уже на передовой, он, старший сержант, служил в артиллерийской разведке – на Первом Украинском фронте.

«Однажды везли мы снаряды к передовой – я вместе с тремя бойцами находился в машине с крытым кузовом, доверху загруженным ящиками с боеприпасами. И вдруг машина, потеряв управление, опрокинулась в глубокий кювет, несколько раз перевернувшись в своем смертоносном „полете“. Только и успел я выдохнуть: „Господи, помилуй!“ Но когда очнулся минут через пятнадцать, то с радостью обнаружил, что помиловал Всеблагий Господь: и ящики со снарядами не взорвались, и мы все остались целы...

Как сейчас помню, что в ту ночь, на передовой, вдруг неожиданно пришла мне эта ясная, спокойная мысль: представь себе, что некий щит надежно защищает тебя, снаряды пролетают мимо... И стал я молиться! И Силы

Небесные действительно воздвигли этот невидимый щит.

Ночью был страшный артобстрел, но ни один снаряд не попал в наше расположение – то недолет, то перелет. Все остались живы».

А через некоторое время пришел его черед заступить на пост наблюдателя – поднялся Ларин со стереотрубой высоко на дерево, стал следить за противником. И снова грохот – снова артобстрел. «Все вокруг меня так и заходило ходуном! Хотел спуститься, но передумал – как удержался наверху, не знаю. Но молитвы не оставлял: и шептал, и выкрикивал, вспоминая все знакомые молитвы. И на этот раз Господь внял моим прошениям. После налета еле-еле добрался до разрушенной землянки: в живых из бойцов – никого, только испуганную медсестру удалось откопать – землей засыпало...»

«Под самым носом у неприятеля находился пост артиллерийской разведки, и мне надо было ночью от наших расположений тайно пробраться туда, забрать карты с нанесенными на них целями и вернуться назад к своим – полтора километра в одну сторону и столько же в обратную. Добраться удалось незамеченным, а вот обратно путь оказался настоящей дорогой жизни и смерти – в двадцати метрах от расположения переднего края немцев.

Уже рассветало. Сначала ползком, затем перебежками, а потом уже и в полный рост пробежал этот страшный путь. Вся шинель превратилась в решето – от выстрелов немецких снайперов и автоматчиков...»

А на теле Ивана не было ни одной царапины! Пробежал он свои последние тридцать метров и рухнул на землю без сознания – но, к счастью, уже на нашей территории, в лесу. Подоспевшие солдаты, ожидавшие его с донесением, решили, что он мертв.

«Когда я пришел в себя, первой мыслью было, что это Господь сотворил со мной еще одно чудо – и жив остался, и задание выполнил!»

Так воевал он до победного мая 45-го года – и был за всю войну только однажды ранен, хранимый заступничеством Матери Божией и Архистратигов Небесных. Благодарил и славил Господа за свое чудесное спасение на поле брани русский солдат Иван Ларин, ставший монахом (ныне игумен Симеон) – насельником святой Оптиной обители, воином Христовым.

«Господь даровал мне жизнь...»

– Вот он, отец Николай, – наше живое чудо! – сказал настоятель храма в Новосokolьниках на Псковщине, кивнув в сторону своего алтарника.

Отец Николай в монашеском постриге 7 лет. В миру его величали Василий Яковлевич Енученков. В 1942 году, когда ему было всего 16 лет, ушел Василий партизанить в белорусские леса. Жил вместе с партизанским отрядом в землянках в лесу под названием Лохниха, недалеко от белорусских селений Сидоровщина, Загодищи и Загоруйко. Дрался с фашистом отчаянно и через год был произведен в командиры диверсионной группы. Подорвал важного немецкого генерала, которого, как потом выяснилось, откомандировал в Белоруссию сам Гитлер, и за это награжден был орденом Славы. Потом были орден Красной Звезды и несколько боевых медалей. Не раз смотрел смерти в лицо. Однажды во время выполнения диверсионного задания его схватили гитлеровцы, но

парню удалось каким-то образом извернуться и вырваться. Убегал зигзагами, пули свистели у виска, вспузыривали землю возле ног... Тогда он оказался невредим и благополучно убежал, нырнув в густые заросли леса.

Немецкая пуля настигла его позже, в 1944 году. Ударилась в плечо, срикошетила и остановилась прямоком под сердцем, на расстоянии нескольких миллиметров. Потом, в госпитале, профессора удивлялись: каким образом пуля, не зацепив костяк плеча, отрикошетила вниз от мягкой мышечной ткани?

Вынесли врачи вердикт: операция смертельно опасна. Пулю вытащить, не задев жизненно важные органы, нет никакой возможности. Вот и выписали бойца из больницы. Дескать, пусть уж лучше поживет горемычный месяцок-другой на белом свете, мать повидает, чем после партизанских лесов погибать на операционном столе.

А Василий и не думал умирать...

– Тогда, в 44-м, Господь даровал мне жизнь и продлил мои годы, – говорит отец Николай. – Ведь я еще на войне в самые страшные моменты научился призывать Его на помощь.

Взрыв

Многие случаи спасения жизни простого солдата Василия Петровича Решетникова в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о помощи свыше.

Он не прятался за спины товарищей, но самоотверженно шел на врага, делая все возможное для освобождения Родины и, преодолев тяжелые испытания, вернулся домой живым и трудоспособным. Вот один замечательный случай из его военного прошлого.

В конце 1943 года он был тяжело ранен в бою. В госпитале написал первое письмо родителям. «А я в настоящее время живой, лежу в госпитале, легко ранен в обе ноги, обо мне не беспокойтесь, скоро вылечусь и обратно пойду на фронт».

Это чисто по-русски звучит – «легко ранен». На самом деле ранение было серьезнейшим – чуть не лишился ног. Во время выписки из госпиталя, где солдат лечился около трех месяцев, с повязками на ногах, еще не оправившись после тяжелейшего ранения, Василий пришел к медсестре сдавать больничную одежду: «А мне надевать-то нечего». – «Какая есть, такую и надевай». Решетников послушно надел свое обмундирование.

Когда сестра-хозяйка увидела его, «у нее глаза на лоб выкатились от страха... Стоит и рот открыла от удивления и не знает, что сказать. Немного постояла и говорит: „Пойдем мы с тобой к начальнику госпиталя. Я еще за всю войну такой избитой одежды не видела”.

Пришли к начальнику. „Вот, Иван Михалыч, полюбуйте, какие бывают случаи на войне”, – и стала показывать на мне мою одежду и мои сапоги. А он как сидел за столом – и не мог мне ни одного слова сказать... Только глазами водит то на меня, то на мою рваную одежду. И долго он смотрел с таким испуганным видом и молчал, а глаза его бегали и места не находили.

После длительного молчания он стал как бы прокашливаться и спрашивает: „Что это, неужели так побило на тебе?“ Я говорю: „Конечно, на мне. Я же не мог где-то оставлять свою одежду: ведь зима, раздевшись-то не будешь“. Тогда он опять с таким удивлением стал смотреть, вышел из-за стола, подошел ко мне ближе и стал кругом меня обглядывать. А я стою как пугало, в рваной одежде, и жду, что он скажет: заменить или же нет. Тогда он и говорит: „Вот это здорово! Первого вижу в таком виде за всю войну“. И вновь спрашивает меня: «Как же это получилось? Чем же это так? Что ли это за один раз все случилось? Или же за некоторое время? Да как же может быть, чтобы человек остался живой? Неужели может быть такое? Чем же это так на тебе изуродовало всю одежду?» А я говорю: „Противотанковая граната разорвалась под моими ногами. Рядочных убило, а я вот чудом остался“. – „Так она же танк уничтожает. Как же это ты мог остаться в живых?“ А я говорю: „Кто его знает, как я мог остаться в живых, и сам не могу знать. Помню, как она катилась и взорвалась у самых ног, а потом я упал и потерял сознание, и больше ничего не помню”.

Смотрю, на наш разговор появились еще люди в белых халатах и глядят на меня с таким удивлением – то с одной стороны зайдут, то с другой. Вот так я и стоял перед ними. Брюки были ватные – кругом торчат клочья да вата висит, а шинель – как будто кто топором на баклане рубил, а сапоги держал в руках, поскольку их совсем невозможно было обувать, да один сапог – только голенище, а подошвы-то и не было.

Начальник попросил присутствующих врачей сосчитать все дыры на шинели. Считали – путались. Тогда их отметили мелом. Так оказалось 36 дыр на моей шинели. После чего все снова ахнули...

Тогда начальник госпиталя и говорит сестре-хозяйке: „Надо, конечно, все ему заменить, а на одежду пришить белую бирку с указанием фамилии, имени, отчества и воинского подразделения. Когда кончится война, дети в школе будут интересоваться, сделают уголок военного дела. Пусть помнят, как освобождали Украину от фашистских захватчиков русские воины”».

В дни оккупации

Вспоминает насельница Свято-Никольского Переславского монастыря монахиня Ольга (Каменяка).

– Война показала нам свое страшное лицо в начале августа...

У меня на груди была спрятана маленькая Казанская икона Матери Божией. Мы с мамой поставили ее на стул и на коленях стали читать акафист. Сначала кто-то над нами посмеивался. Но обстрел усилился: разрывы следовали один за другим, казалось, что все рушится. Шутки прекратились, все затихли, а некоторые и на колени встали рядом с нами.

Утром после бомбежки вышли на улицу – вокруг дома, совсем рядом, лежат неразорвавшиеся снаряды.

И одна женщина, показывая на нас с мамой, сказала: «Вот кому мы обязаны жизнью, Матерь Божия нас сохранила по их молитвам». Во время тяжелых испытаний вера возвращалась в души людей.

Потом пришел немец, мы оказались в оккупации. Маму взяли на кухню чистить картошку. Я приходила к ней, незаметно набивала в валенки картошку и на негнущихся ногах шла к нашим пленным. Незаметно отдавала им картошку из валенок, а они все шептали: «Спаси тебя Христос!» И Господь нас с мамой все время хранил – из такой страшной войны вышли без царапины.

Помню, у мамы на ноге образовалась язва, и ее вылечил немецкий фельдшер. Он был очень добрый, давал мне немецкие шоколадки и показывал фотографию своей семьи – жены и двоих детей. Еще на немецкой кухне был добрый повар Ханс, он наливал всем детям суп, когда мы прибегали к нему с котелками. А второй повар – Вальдемар – гонял нас и никогда ничего не давал. Так что и среди немцев были и добрые, и плохие люди. Большинство немецких солдат тяготились войной и говорили, что нужно Гитлера и Сталина столкнуть лбами. При этом они делали выразительный жест, показывая, как это следует сделать.

Жизнь была голодная и опасная: днем – бомбежки, ночью – обстрелы. Хотелось уже не столько утолить голод, сколько выспаться. Но это было невозможно. Взрослые уходили на работу, а мы с Соней, соседской девочкой (соседи у нас были татары), сидим одни и дрожим. Начинается бомбежка, мы забираемся под кровать или

в тамбур между дверями и читаем молитвы: я – «Богородице Дево, радуйся», а она – свою, на непонятном языке.

В наш дом попала бомба, но угодила в трубу, и взрыв уменьшился дымоходами – дом был старинный, двухэтажный. Саперы даже подумали, что бомба не разорвалась, всех жильцов выгнали на улицу – ночевали по знакомым. Но что удивительно – никто не пострадал, а ведь бомба попала прямо в дом! Так хранил Господь по Своей великой милости.

Несмотря на непрекращающиеся бомбежки, я все-таки стала ходить в школу. Кроме обычных предметов в программу ввели преподавание Закона Божия. И – о чудо! – на первый урок приходит наш любимый пушкинский батюшка отец Федор. Впоследствии за преподавание в оккупации Закона Божия священников осуждали по 58-й статье на десять лет лагерей. Но отца Федора Господь сохранил. А было это так. Когда шли бои за Гатчину, отец Федор заперся в соборе, в котором служил. В перестрелке ранило советского офицера, он лежал на паперти. Батюшка затащил его в собор и тем спас от верной гибели, потому что город в это время опять заняли немцы. Когда пришли наши, поступок отца Федора приняли во внимание и не посадили его, а после Победы даже дали какую-то награду. Так и прослужил батюшка в том же соборе до конца своей жизни.

Прямое попадание

Мама моя войну провела под бомбами и знала: когда бомба воеет – это значит, что она летит мимо; а самое страшное, когда она завоюет – да вдруг вой оборвется и наступит жуткая тишина: тогда бомба летит прямо на тебя.

Однажды она пережила прямое попадание...

В Орле на станции стояли товарные вагоны с хлебом. Женщины разгружали вагоны за буханку хлеба. Мама тоже ходила разгружать. Носила мешки с маленькими круглыми хлебцами.

Часто выла сирена, и все убегали в бомбоубежище, где пережидали налет. В этот же раз, когда завывала сирена, мама оказалась в дальнем углу вагона у последнего мешка с хлебом. Она бросилась к двери, но кто-то, пробегая мимо вагона, с грохотом задвинул тяжелую дверь. Она закричала, застучала кулаками по двери, но ее не услышали. Все убегали под вой сирены...

Мама отошла в угол вагона и села на пол.

«У-у-у...» – гудели немецкие бомбардировщики.

Мама зажмурилась и стала молиться.

Завывала бомба – и вдруг звук ее оборвался. Оборвалось и мамино сердце: бомба летела прямо на нее!

Обмерла мамочка, а молитву не оставляет, шепчет в мертвой тишине...

Вот ухнуло; вагон качнулся...

Не помнит она, сколько просидела так ни жива, ни мертва, только слышались наконец голоса, шаги.

Дверь отодвинули, увидели ее, сидящую в углу, – и ахнули:

– Милочка! Бог тебя спас – бомба под самый угол вагона воткнулась и не разорвалась! Да бомбища-то какая здоровенная, выйди погляди...

Вывели маму под руку; она как глянула, так и обмерла: как раз под тот угол, в котором она сидела, в землю воткнулась огромная неразорвавшаяся бомба.

– Боже милостивый!.. – всплеснула мама руками.

Ей дали заработанную буханочку хлеба, и она, прижимая хлеб к груди, побежала к сыночку своему, тогда еще единственному, к младенчику Сашеньке.

Сашенька жевал хлебный мякиш и смотрел серьезными серыми глазками на маму, как будто понимая, отчего она плачет и что она шепчет, стоя на полу на коленях...

«Самолет... не убивай меня, не убивай!..»

Рассказывает Валентина Кобозева.

– Мое детство пришлось на годы войны.

В начале войны немецкая авиация господствовала в небе Украины. Убегая от немцев, мы сменили несколько поездов, добираясь до безопасного места. Мне запомнился предпоследний поезд, когда меня чуть не убил немецкий летчик. На небольшой узловой станции, куда уже прорывались немецкие танки, скопилось множество бе-

женцев из разбитых фашистами поездов. Нам подали состав из чугунных емкостей, в которых раньше возили уголь. Обезумевшие люди атаковали состав.

Нам достались только ступеньки тамбура. Меня посадили на верхнюю ступеньку, привязав отцовским ремнем. Состав тронулся.

День прошел благополучно, а вечером начался проливной дождь, который шел всю ночь. Емкости заполнялись водой.

– Спасите, тонем! – кричали люди.

«Хорошо, что мы не полезли туда», – подумала я. Мы терпеливо ждали, когда состав доберется до очередной станции. Внезапно в небе загудел немецкий бомбардировщик. Он повис над составом, из его брюха посыпались бомбы. Первая бомба попала в паровоз, состав резко дернулся и остановился. Ремень лопнул, и мы чуть не свалились со ступенек.

– Бежим в поле! – крикнул отец.

Превратив состав в груды металла, бомбардировщик улетел.

– Слава Богу, мы живы...

Мама не успела договорить, как налетели немецкие истребители. На бреющем полете они пулеметными очередями косили бегущих людей. Вдруг и я побежала к ближайшему дереву.

Самолет пулеметными очередями отсекал мне дорогу к тополю. Я заметалась, а он играл со мной, как кошка с мышкой.

– Господи, спаси меня! – закричала я. – Самолет... не убивай меня, не убивай!..

И тут произошло чудо. Самолет резко поднялся ввысь и... улетел.

Рыдая, я побежала к маме.

– Живая! – Она прижала меня к себе и поцеловала.

Пасха в 42-м

...Весна 1942 года. Только что закончилась Московская битва, фашистские орды отброшены, освобождены сотни городов и сел Подмосковья, но война идет, фронтовая обстановка сохраняется в Москве и области. Приближалась Святая Пасха. Вот как описывает события апреля 1942 года житель столицы Андрей Стрешнев.

...Двери церковей раскрыты настежь. По глухим переулкам Замоскворечья, оступаясь в груды неубранного снега, люди идут к заутрене. Сейчас, в эту пасхальную ночь войны, так тесно в церкви, что нет возможности протиснуться вперед. Утренняя еще не началась, а запоздавшие уже не могут сами отнести и зажечь свечи перед теми образами, к которым лежит сердце. Верующие протягивают свечи и просят:

– Зажгите одну Воскресению, другую – князю Владимиру, третью – Ольге.

– Зажгите одну Воскресению, другую князю Александру Невскому.

Близится час Воскресения, и священник обращается к верующим: «Братья! Город наш окружен тьмой, тьма рвется к нам на вражеских крыльях. Враг не выносит света, и впервые наше Светлое Воскресенье мы встречаем впотьмах. Тьма еще стоит за порогом и готова обрушиться на всякий остаток света. Мы сегодня не зажжем паникадил, не пойдем крестным ходом, как бывало испокон веков, окна забиты фанерой, двери наглухо закрыты. Но мы зажжем свечи, которые у каждого в руках, храм озарится светом... Воинство наше – мужья, братья, сыновья и дочери – в этот час стоит на страже нашей страны против сил тьмы. Храните в себе свет, веруйте в победу. Победа грядет, как Светлое Воскресенье!

Вместе с другими верующими Андрей Стрешнев понял тогда, что день нашего воскресения, день нашей Победы наступит, что воинства небесное и земное не допустят, чтобы германская тьма вошла в нашу светлую жизнь, что с нами вместе и Александр Невский, и князь Владимир, и преподобный Сергей, и древние воины, и древние просветители, – все прошлое и все настоящее нашего народа. И эта Пасха после разгрома фашистов под Москвой воспринималась тогда как дарованное свыше чудо, как убедительное Божие знамение неперенной победы над врагом.

Явление Божией Матери на Курской дуге

В книге «Православные чудеса XX века» этому дивному чуду посвящено всего лишь несколько строк, но они воскрешают в памяти каждого русского человека переломный момент в ходе Великой Отечественной войны.

– Мой дядя, – вспоминает наш современник, – видел во время войны Матерь Божию, – это было на Курской дуге. Она явилась на небе, указала рукой в сторону немцев, как бы обозначая направление нашего наступления. Вся рота это видела – и все упали на колени, все уверовали и сердечно молились Пресвятой Богородице. А война с того дня потекла действительно в другом направлении – русские стали наступать. Так мой дядя-фронтовик стал верующим...

Вера и любовь русских людей к Божией Матери были безграничны, а Она всегда явно покровительствовала им и благоволила к нашему земному Отечеству. Ее присутствие верующие испытывали как внутреннее благодатное утешение, осенение покровом Владычицы многие ощущали как небесную радость, наполнявшую сердца. Всемиловитая Матерь Милосердия неотступно следовала по дорогам Великой войны, являясь в видениях наяву в самые трудные, переломные ее моменты. Судьбоносное водительство нашей Взбранной Пречистой Воеводы привело к долгожданной Победе 45-го года.

И вывела по тропочке к своим...

Среди наших известнейших священнослужителей было немало ветеранов Великой Отечественной войны, оставивших потомству свои воспоминания о боевом прошлом, о чудесных встречах на дорогах войны.

Вот что рассказал о себе наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов), из рядов воинства земного вступивший на поприще служения воинов Христовых.

В молодости он был неверующим человеком. Когда началась Великая Отечественная война, его, офицера, призвали на фронт. На прощание мать дала ему иконку Божией Матери и завещала: «Сынок, когда тебе будет трудно, достань иконку, помолись Богородице – Она тебе поможет!» Материнское напутствие не изгладилось из памяти: согревало, вселяло надежду.

Однажды с группой своих солдат он попал в окружение в лесу, был ранен. С трех сторон немцы, с четвертой – вязкое болото. Тут-то и вспомнил он материнский наказ. Поотстал немного от своих, достал иконку и, как мог, стал молиться: «Богородица Дева, если Ты есть – помоги!» Помолился и возвращается к своим, а рядом с ними стоит старушка, обращается к ним: «Что, заплутали, сынки? Пойдемте, я вам тропочку покажу!» И вывела всех по тропочке к своим. Отец Алипий отстал опять и говорит старушке: «Ну, мать, не знаю, как тебя и отблагодарить!» А «старушка» ему отвечает: «А ты Мне еще всю жизнь свою служить будешь!» – и пропала, как буд-

то и не было. Тут-то и вспомнил он прощальное материнское напутствие, тут только и понял он, что это была за «старушка»!

И слова те оказались неложными: действительно, и служил он потом всю жизнь Божией Матери – долгие годы был наместником Свято-Успенского Псково-Печерского

монастыря в одном из достославных Богородичных уделов на русской земле.

Никогда не забыть тех чудесных, таинственных встреч, которых удостаивает Божия Мать на земле своих избранников.

Исполнилось обетование Царицы Небесной

В 1922 году жительница Самары Елена Елиазаровна Морозова умирала от сыпного тифа. В предсмертном видении явилась ей Богородица и сказала, что рано еще умирать: родит она сына, и будет он ей кормильцем до самой смерти.

Очнулась она... в морге. Перепуганные служители разбежались. А у «воскресшей» Елены даже признаков смертоносной болезни врачи не обнаружили.

И исполнилось обетование Царицы Небесной: появился на свет второй ее сын. А через двадцать лет обоих – и старшего и младшего – провожала она на войну. Благословила Ивана своим материнским благословением, подошла к Владимиру, хотела перекрестить его и крестик повесить на шею, но не тут-то было.

– Не надо, мама, – ведь я комсомолец! Или грудь в крестах, или голова в кустах...

Ушел комсомолец под Сталинград, сообщил матери в письме, что из своего офицерского жалованья он триста

рублей положил ей на аттестат. И больше в живых своего кормильца Елена Елиазаровна не увидела. В первом же бою танк его был подбит – сгорел сыночек! А старший, Иван, осененный материнским благословением, всю войну налаживал понтонные переправы под огнем противника – и остался жив. Но кормил-то мать в старости именно тот, обетованный: деньги за погибшего сына она получала всю жизнь.

Так исполнилось все предреченное Пресвятой Богородицей в те далекие 20-е годы, когда умирала она в тифозном бараке. Чудом было ее восстание из мертвых, чудесным оказалось, в ее зрелые годы, рождение второго сына, ставшего и по смерти кормильцем матери, чудом остался в живых первый сын, принявший с молитвой благословение матери.

С любовью – ради Господа

Этот рассказ был записан в Дивееве со слов известной старицы – схимонахини Маргариты.

В голодное время, в годы войны она приютила беженку. А дома оставалось всего одно одеяло и пальто. И отдала м. Маргарита ей одеяло. Зима, топить почти нечем. Прикроет грудь пальтишком – ноги мерзнут, ноги укроет – грудь мерзнет. И так месяц за месяцем. Однажды м. Маргарита молилась перед своей любимой иконой Божией Матери и видит: оживает Царица Небесная

и начинает укутывать поношенным ее одеялом... Младенца Христа!

Все, что мы делаем ради Господа, с любовью принимается на Небесах.

Под покровом Богородицы вышли из концлагеря

Во время войны подростка из орловского городка Болхова Василия Ермакова вместе с сестрой угнали в концлагерь в город Таллинн. Духовно окормлял заключенных этого лагеря таллиннский священник Михаил Ридигер. Он совершал богослужения, утешал, исповедовал и причащал несчастных. Отец Михаил приезжал не один, а вместе с псаломщиком (ныне – митрополит Таллиннский и всея Эстонии Корнилий) и сыном Алешей (ныне – Патриарх Московский и всея Руси Алексий).

Вот как об этом времени рассказывает сам Святейший: «В бараке нам выделяли комнату или просто отгораживали закуток. Там ставили переносной престол, на котором и совершались богослужения. Многие пленные просили их окрестить – никому из них не отказывали. Особенно жалко было детей – перепуганных, голодных. С одним из них, Василием Ермаковым, я познакомился ближе. Мальчик попал в концлагерь вместе с младшей сестренкой. Они были духовными чадами священника Василия Веревкина, также оказавшегося в заключении.

Но для администрации лагеря отец Василий эту деталь не уточнял, и этих двух ребят также считали его детьми, что в конечном итоге и спасло их. Мой отец и другие таллинские священники, узнав о трагической судьбе брата, начали хлопотать об освобождении его семьи, приписав к ней на свой страх и риск брата и сестру Ермаковых. Их освободили в праздник Покрова Пресвятой Богородицы. После войны вместе с Василием Ермаковым мы учились в Ленинградской Духовной семинарии, потом – в Духовной академии. Сегодня настоятель храма преподобного Серафима Саровского протоиерей Василий – один из самых почитаемых священнослужителей в Санкт-Петербурге».

Еще когда отец Василий был семинаристом, его вызывали в НКВД. Допрашивали, что делал в оккупации, как освободился из концлагеря. Выдали «волчий билет», по которому невозможно было оставаться в Ленинграде. И тогда он пошел в храм Духовной академии и помолился перед старинной иконой Божией Матери «Знамение» (по преданию, ее подарил царю Алексею Михайловичу Константинопольский Патриарх Афанасий). Через два часа стало известно, что Василию позволили продолжить учебу в семинарии.

Как признается сам батюшка, уже полвека он служит Богу под покровом Пресвятой Богородицы. За советом к батюшке едут со всей России – как когда-то к Кронштадтскому пастырю.

Плач Богородицы

Из рассказа фронтовика П. С. Плынова.

– Место, где мы сидели в окопах, казалось каким-то особенным. Словно кто-то помогал нам: немцы атаковали нас превосходящими силами, а мы их отбрасывали, и потери у нас были на удивление небольшими.

А в тот день бой был особенно жестоким. Вся ничейная полоса покрылась телами убитых – и наших, и немцев. Бой стих только к вечеру. Мы занялись кто чем, ожидая, когда нам ужин привезут.

Я достал кисет, закурил, а земляк мой, Иван Божков, отошел в сторону. Вдруг вижу: Божков высунул голову над бруствером.

– Иван, – кричу, – ты что делаешь? Снайпера дожидаться?

Божков опустил в окоп – сам не свой. И говорит мне тихо:

– Петя, там женщина плачет...

– Тебе показалось, откуда тут женщине взяться?

Но когда со стороны немцев стихла музыка, мы услышали, что где-то и вправду плачет женщина. Божков надел на голову каску и вылез на бруствер.

– Там туман клубится, – говорит он нам. – А в тумане по ничейной полосе в нашу сторону идет женщина... Наклоняется над убитыми и плачет. Господи! Она похожа на Богородицу... Братцы! Ведь нас Господь избрал для этой памятной минуты, на наших глазах чудо совершается! Перед нами святое видение!..

Мы осторожно выглянули из окопа. По ничейной полосе в клубах тумана шла женщина в темной и длинной одежде. Она склонялась к земле и громко плакала. Тут кто-то говорит:

– А немцы тоже на видение смотрят. Вон их каски над окопами торчат... Да, тут что-то не так. Смотри, какая Она высокая, раза в два выше обычной женщины...

Господи, как же Она плакала, прямо в душе все переворачивалось!

Пока мы смотрели на видение, странный туман покрыл бóльшую часть ничейной полосы. Мне подумалось: «Надо же, будто саваном погибших укрывает...» А Женщина, так похожая на Богородицу, вдруг перестала плакать, повернулась в сторону наших окопов и поклонилась.

– Богородица в нашу сторону поклонилась! Победа за нами! – громко сказал Божков.

Полк спасся

Многие из бойцов, участвовавших в боях на фронтах Великой Отечественной войны, после демобилизации сподобились стать пастырями и архипастырями Русской Православной Церкви.

Бывший наш Патриарх Пимен пошел на фронт, уже будучи иеромонахом. Во время войны полк, в котором он служил, попал в окружение – в такое кольцо огня,

что люди были обречены. В полку знали, что среди солдат есть иеромонах, и, не боясь уже ничего, кроме смерти, бухнулись в ноги: «Батя, молись. Куда нам идти?» У иеромонаха была потаенно запрятанная икона Божией Матери, и теперь под огнем он слезно молился пред ней. И сжалилась Пречистая над гибнущим воинством – все увидели, как «ожила» вдруг икона, и Божия Мать протянула руку, указав путь на прорыв. Полк спасся.

Сон и явь

Теперь нам доподлинно известно, каким великим молитвенником за Россию в годы страшных военных гроз был митрополит Гор Ливанских Илия. Вспомним, что в 1947 году, по приглашению Сталина, он приехал в Москву. А оттуда – в Ленинград. Протоиерей Василий Швец вспоминает о личном, можно сказать, маленьком «чуде».

...Перед самым приездом митрополита Илии явился мне во сне какой-то священник и сказал, что через три дня узнаю, как была спасена Россия. Он сказал, чтобы я не забыл об этом сам и поведал другим. Точно – через три дня оказался я по делам службы на Московском вокзале в Ленинграде. Подхожу к оцеплению и вижу: идет Косыгин (позже я узнал, что его, как ленинградца, направили

сопровождать владыку), с ним – митрополит Григорий и митрополит Илия. Тогда-то я и вспомнил про сон.

Утром 9 ноября митрополит Илия служил Литургию в Никольском соборе. Тогда же он преподнес храму частичку мощей святителя Николая, которая и поныне находится в старинном храмовом образе Чудотворца перед солеей у главного престола.

На следующий день знакомый пригласил меня во Владимирский собор. Чудом удалось мне пробраться в храм.

Митрополит Илия и митрополит Григорий со священством отслужили малую вечерню, после чего на Казанскую икону Божией Матери был возложен драгоценный венец – дар митрополита Илии.

– Я молился за ваш город, – говорил в проповеди своей владыка, – и благодарен Господу, что Он удостоил меня побывать здесь, молиться вместе с вами. Я увидел веру, увидел, что Божия Матерь не оставила Своих чад...

Спасение на краю пропасти

Из рассказа очевидца.

– Произошло это на Украине, в годы войны – во время эвакуации детей. Однажды, когда совсем стемнело, мы тронулись в путь.

– Вы эту дорогу хорошо знаете? – спросил я Михаила Степановича.

– Нет, здесь ездить не приходилось, но вы не беспокойтесь, шоссе идет до самой Ветвички, и мы ее к утру проскочим, а дальше дорога такой чащобой идет, что никакой немец не увидит.

Тихо зашелестел дождь. Я смертельно устал. Шепот дождя убаюкивал меня, глаза слипались, голова упорно падала на грудь, и я уснул. Сильный толчок машины и громкий окрик разбудили меня:

– Ну куда же этот человек под колеса прет, соображения нет! Чего надо?

Я посмотрел в окно. В нескольких шагах от нас, в густой черноте ночи стояла женщина с раскинутыми в обе стороны руками.

– Гражданка, что вам надо?

Женщина молчала. Шофер выскочил из кабины, но через минуту, бранясь, вернулся обратно:

– Никого нет. Померещилось мне что ли?!

– Нет, женщина здесь стояла, – сказал я, – высокая, в белом.

– Значит, спряталась, нашла время шутки шутить, а у меня аж мороз по коже, – занервничал вдруг Михаил Степанович. Он тронул машину, но колеса не успели сделать второй оборот, как белая фигура появилась вновь, и я почувствовал от ее появления страх, доходивший до смертельного ужаса, – особенно от предостерегающе раскинутых рук.

– Михаил Степанович, остановитесь! – отчаянно закричал я.

Мы оба выскочили из кабины, к нам подбежал Костя:

– Что случилось?

Не отвечая, Михаил Степанович бросился к появившейся женщине, и через секунду они исчезли из моих глаз.

– Скорей ко мне! – вдруг раздался вблизи от нас его крик. Мы побежали на зов.

– Осторожно, стойте! – сдавленным голосом прошептал он, указывая на что-то рядом с нами. Мы посмотрели и отпрянули – там был обрыв. Мы стояли на самом его краю, и при каждом нашем неосторожном движении камешки падали вниз.

– Почему стоим? – подбежала к нам Светлана.

– Вот поэтому, – проворчал Костя, показывая на обрыв.

Светлана ахнула и всплеснула руками.

– Кабы не Она, – Михаил Степанович снял шапку, – все бы сейчас там, на дне, были. Его голос дрожал, он едва стоял на ногах.

– Дядя Миша, да кто Она-то? – испуганно спросил Костя.

– Ты что, не понимаешь?! Кто же мог быть еще, как не Мать Божия?!

– Где ж Она была? – робко прошептала Светлана.

– Здесь, сейчас, – так же шепотом ответил Костя и тоже снял шапку.

Спасение пришло с небес

– Истина это! Царица Небесная сокрушила тогда жестокие сердца... – взволнованно говорит свидетельница тех давних событий.

А напоминает о них резная икона Богородицы с Младенцем, хранящаяся и поныне в Казанской церкви старинного белорусского села Рожновка Каменецкого района Брестской области.

28 сентября 1942 года полицаи согнали за околицу всех жителей Рожновки. 57 семей – женщины, старики и дети – с ужасом смотрели в нацеленные на них дула пулеметов. Переводчик развернул бумагу с орлом и свастикой: приказ – за сотрудничество с партизанами и укрытельство советских парашютистов все будут расстреляны! Сельчане сами рыли могилу: яма становилась глубже, а смерть – ближе. «Господи, помилуй! Пресвятая Богородица, спаси нас!» – молились все едиными устами. Спасти их могло только чудо.

В тот момент, когда, казалось, помощи нельзя уже было ждать ниоткуда, в небе появилась Богородица. И отвела беду.

Во время полета на самолете немецкому офицеру в воздухе предстало дивное видение: Богородица с Младенцем шла по небу, как по земле, и указывала рукою вниз.

Так спасение пришло с небес. По воспоминаниям очевидцев, на лугу, куда согнали рожновцев каратели,

вдруг приземлился немецкий самолет. Из него выскочил офицер высокого звания. «Не стрелять! – приказал он эсэсовцам. – Я привезу вам через два часа приказ об отмене казни».

Обреченные люди поняли, что за них заступилась Сама Богородица. Слова молитвы становились все громче: «Не отринь, Владычица, страждущих чад Твоих...»

В полдень был доставлен приказ – казнь отменили.

– А через две недели, – вспоминает одна из старожилок Рожновки, – тот немец привез в наше село икону и передал ее нам. Сказал, что вырезал на доске «Мадонну» (Царицу нашу Небесную!) по его заказу раненый солдат. И на ней Богородица именно такая, какой Ее видели в небе.

Это свидетельство подтверждают Иван Васильевич Драчук, которому тогда было 25 лет, а также Иван Калистратович Соколович, ему было 12, и другие 18 свидетелей чуда.

Прошло шестьдесят лет. Дивную икону ни разу не реставрировали – она обновляется сама собой: краски на ней сияют свежестью, будто нанесены они на резной образ час назад. И так же не тускнеют в памяти живых свидетелей тех событий воспоминания о чуде спасения, явленном Пресвятой Богородицей.

Наш Живоносный Источник

В Одессе у 97-летней схимонахини Пантелеимоны хранится необычная икона полувековой давности.

В 1941 году, когда уже вся страна была охвачена огнем войны, в одном благочестивом доме на мраморной доске размером 45х30 см чудесным образом явилось однажды изображение. На самой доске трудно было различить, что именно изобразилось на ней, но явление это сопровождалось явно ощутимым благоуханием. А когда сделали фотоснимок – на негативе обнаружили отчетливый лик Царицы Небесной, как Ее изображают на известной иконе «Живоносный Источник». По свидетельствам очевидцев, и сегодня временами «мраморная икона» источает благодатное миро.

В годы страшной войны, во дни глада и жажды мы все припадали с мольбой к нашему неиссякаемому Живоносному Источнику – Пречистой Деве Марии. Она поила нас росой небесной, омывала водой животворной!

Заступница Усердная – партизанская

В музее при храме святого благоверного князя Александра Невского во Пскове хранится икона, история которой связана с событиями Великой Отечественной войны. «Это – партизанская!» – заметил протоиерей

Олег Тэор, настоятель храма. И поведал, что эту икону принес один немолодой житель Пскова, который рассказал, что она досталась ему от односельчан из Порховского района, где во время войны существовала целая партизанская республика и в одном из отрядов хранился этот лик Пречистой.

...Начало 1950-х, село Боровичи верстах в двадцати от городка Порхова. Мои родители, учительствующие здесь, снимают в крестьянской семье половину избы. Каждый вечер перед сном пожилая хозяйка дома, баба Надя, становится в красном углу и зажигает лампадку перед иконой. Потом опускается на колени и, глядя на лик Девы с Младенцем, озаренный огоньком лампадки, начинает произносить слова молитвы... Однажды, когда мы все вместе – и хозяева избы, и постояльцы – сидели за обеденным столом, к бабе Наде зашел председатель сельсовета Иван Федорович. Поздоровался он со всеми и, взглянув на иконы, – перекрестился. «Федорыч, – с удивлением спрашивает его мой отец, – вроде бы ты прежде в богомольстве замечен не был?» Гость отвечает: «Верно, крестного знамения давно не творил... Но на эту икону не перекреститься – вот уж точно грех! Она меня от гибели спасла! Да и не меня одного...» И начинают они вместе, баба Надя с Иваном Федоровичем, рассказывать моим родителям об этой иконе.

...В первые месяцы оккупации немцы не лютовали, а потом, особенно после Сталинградской битвы, началось. Многим боровичанам пришлось бежать в леса – из-за подозрений в помощи партизанам им грозили либо

концлагерь, либо высылка в Германию. В одночасье ночью покинула свою избу и баба Надя. В мешок наскоро положила кой-какой провиант, несколько теплых вещей да сняла со стены Казанскую икону. И через день была уже в глубине лесной глухомани, в партизанском лагере. А в землянке своей поставила святой образ. И перед очередной боевой вылазкой подошел к ней пожилой партизан-односельчанин: «Дозволь, Надежда, перед иконкой твоей помолиться...» С той вылазки он единственный вернулся невредимым. И – пошло: сначала по одному, а потом и по несколько человек, уходя на задание, народные мстители стали обращаться с молитвой к Пресвятой Деве...

«А что, ни комиссара, ни политрука у вас не было, никто не возбранял вам этой церковности?» – спросил отец председателя. «Так я и был в нашем отряде политруком!» – ответил он. Тут и баба Надя вставила свое слово: «А забыли разве – как раз в ту пору из Москвы послабление пошло по части веры-то. И тогда Сталин и дозволил опять церкви открывать. Как Порхов освободили от немцев-то, так церковь и открыли, а до войны закрытая была!» Иван Федорович подтвердил: «Да, тогда антирелигиозные строгости эти послабее стали... Ну, а я-то как коммунист единственным в отряде оставался, кто на эту икону не крестился. А потом фрицы нас со всех сторон обложили. Мы раз передислоцировались – они нас нашли, второй раз место лагеря сменили – то же самое. Мы на прорыв, раз, другой – не тут-то было: кольцом нас зажали, поглотило ребят чуть не пол-отряда... Вот тогда и я перед Казанской на колени встал: спаси,

Заступница! И – прорвались, прямо к передовым частям нашим армейским вышли... Так что, говорю, грех мне было бы перед этой иконой крестным знамением себя не осенять...»

И теперь эта икона, поистине народная, осенявшая, как святым покровом, защитников Псковщины, партизан, – снова в храме, в храме воинском. И нынешние воины также обращаются к Богородице с молитвами о своем земном Отечестве. Этим восстанавливается российская традиция – защитники Родины всегда испрашивали у нашей Взбранной Воеводы помощи в делах ратных.

«Стена Необоримая»

...На груди ветерана Николая Бугаенко поблескивает медаль «За взятие Кенигсберга» – цитадели прусского милитаризма, города-крепости, окруженного тремя линиями укреплений. В сокровищнице его памяти – не тускнеющее от времени воспоминание о знаменитом штурме Кенигсберга весной победного 45-го года.

«Стояла задача, – рассказывает участник этого штурма, – овладеть городом и уничтожить группировку противника. Каждый понимал, что предстоящая наступательная операция будет нелегкой, ведь под землей

в городе-крепости – военные заводы, так что немцы будут стоять до конца. 7 апреля, на Благовещение, мы ждали боя. Вдруг видим: вдоль линии фронта движется крестный ход – впереди православные священники несут Казанскую икону Богоматери, за ними – вереница людей с иконами, крестами и хоругвями в руках. Это было так неожиданно! Как будто и нет войны – никто не стреляет,

ясно различимы слова молитв, песнопений. На какое-то мгновение нам показалось, что это мираж – не реальные, земные люди движутся перед нами, а небесные ангелы проходят стройной чередой, и предводительствует – Сама Богородица...» А дальше произошло нечто совсем невероятное. Фашисты вдруг, в едином порыве, побросали оружие (орудия их тоже замолкли) и с криком «Матерь Божия!» побежали прочь.

«С громовым „Ура!“ мы бросились за ними. Без единого выстрела взяли тот участок фронта. А потом и город стал наш, хоть и успели немцы затопить свои подземные заводы».

Старый фронтовик рассказывает об этом чуде с радостным недоумением. Что же увидели тогда фашисты, обратившиеся в бегство? На небе предстал им грозный лик Богородицы – вот и побросали в неописуемом страхе оружие.

Свидетельства фронтовиков Василия Григорьевича Казанина, Николая Алексеевича Бутырина, Екатерины Михайловны Ошариной, офицеров и солдат Советской Армии подтверждают это.

«Стена Необоримая» – так называют нашу Взыбранную Воеводу, Пресвятую Богородицу. Вспомним, что с Казанской иконой на самолетах облетали в 1941–1942 годах вокруг Москвы, Ленинграда и Сталинграда. И Она воздвигала невидимый заслон для врагов Отечества нашего. Шли по русским городам и весям многотысячные пешие крестные ходы – Пресвятая Дева была впереди, вела к Победе...

Огненная кругосветка ледокола

Из рассказа Николая Черкашина.

– Счастливая ошибка свела меня с презамечательным человеком – бывшим кочегаром ледокола «Микоян» Н. И. Кузовым.

...Этому кораблю выпало одно из самых невероятных плаваний во Второй мировой войне. Ледоколу, построенному в городе Николаеве, надо было перейти на Дальний Восток. Такой поход и в мирные-то годы – нелегкое испытание, а уж в сорок первом – и вовсе гиблое дело. В голове не укладывается, как могли послать по сути дела мирный пароход (все орудия и пулеметы с «Микояна» были сняты по правилам прохода через Босфор и Дарданеллы) – на верную гибель: через немецкие заслоны в Эгейском море. На 165 человек экипажа приходилось лишь девять офицерских пистолетов. И все. А дело предстояло иметь и с итальянскими торпедными катерами, и с немецкими пикирующими бомбардировщиками, не говоря уже про подводные лодки, минные поля и прочие превратности войны на море.

Правда, была договоренность с англичанами, что те отконвоируют советское судно от Стамбула до Кипра. Но англичане не выполнили своего обещания, и командиру «Микояна» капитану 2-го ранга С. М. Сергееву ничего не оставалось, как прорываться сквозь архипелаги Эгейского моря на свой страх и риск. Это был самый настоящий лабиринт Минотавра, составленный из множества греческих островов и островков, захва-

ченных, как и сама Эллада, германо-итальянскими войсками.

Крадучись в предрассветных ноябрьских сумерках, ледокол вошел в Эгейское море. Командир безоружного корабля сразу же ушел с «накатанной» международной трассы и стал петлять меж гористых островков, рискуя напороться если не на мину, то на подводную скалу в незнакомом фарватере.

– Слава Богу, – рассказывал Николай Иванович, – прошли все зигзаги благополучно. Теперь предстоял самый опасный участок пути: надо было пройти мимо острова Родос, где находились немецкая военно-морская база и аэродром.

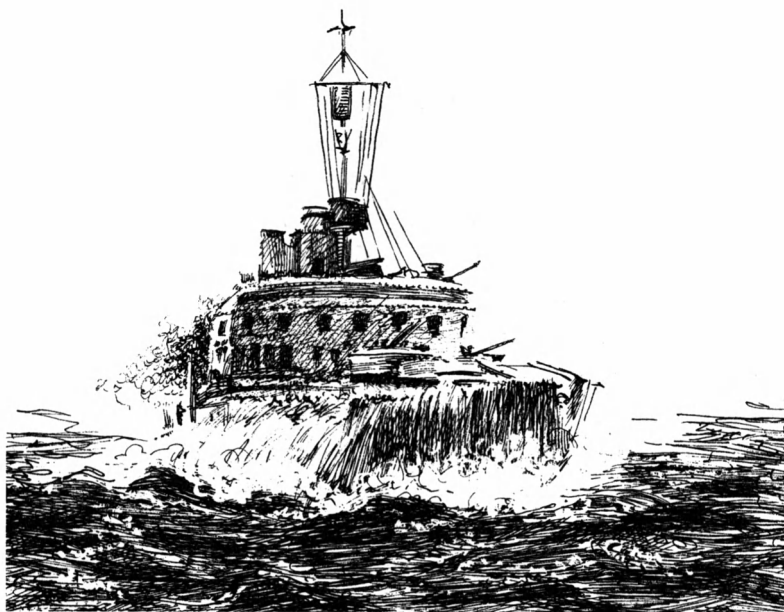
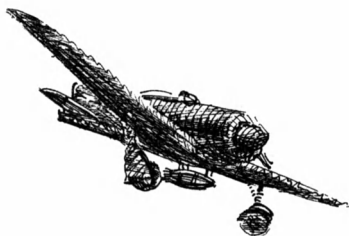
С нами шли и четыре англичанина – два сигнальщика, радист и офицер связи с командованием королевских ВМС старший лейтенант сэр Эдвард Хансон. Говорили, что он племянник английской королевы. У лейтенанта Хансона была небольшая русская иконка. Подарил ему кто или выменял на что? Он говорил, что это его личный амулет, – пока иконка с ним, нам бояться нечего.

– А чей образ-то на иконе был?

– Как чей? Божией Матери. Да я таких и не видел – весь кинжалами истыкан.

– «Семистрельная»!

– А кто ее знает? Я тогда этими делами не интересовался. Только перед самым прорывом глаз на нее положил: а вдруг поможет? И я, комсомолец до мозга костей, вспомнил и зашептал молитву, которой научила бабушка: «Богородице Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобою...»

Мы пошли на прорыв...

Перед тем капитан 2-го ранга Сергеев собрал экипаж, объяснил ситуацию, спросил наше мнение. Уже одно это говорило, что мы выбираем себе судьбу – жизнь или смерть? Баш на баш... Решили прорываться. «Тогда готовьте корабль к борьбе с пожарами и поступлению забортной воды, – предупредил командир. – Усилить наблюдение по всему горизонту».

Не прошло и часа, как с левой скулы подскочили к нам три немецких торпедных катера. Кричат в мегафон на ломаном русском: «Следовать за нами! Курс на Родос!» Это направление до поры до времени нас устраивало, и Сергеев пошел им в кильватер. Через несколько часов мы резко свернули в сторону, и командир приказал выжать из машин все, что только можно.

«Шнельботы» тут же открыли огонь из пулеметов по мостику и матросам на палубе. Тогда ребята врубили пожарные гидropульты на полную мощь и попытались струями сбить прицельный огонь. Катера отошли на полном ходу, круто развернулись и дали торпедный залп. Рулевой Миша Рузаков успел положить руль лево на борт, и «Микоян» резко уменьшил силуэт – встал носом навстречу белым бурунам. Все торпеды прошли мимо – впритирку к бортам. Тогда с катеров ударили скорострельные пушки и пулеметы. Они били в упор. Загорелась надстройка, пламя побежало по ботдеку...

Ледокол развернулся и полным ходом пошел на катера. Этот немыслимый маневр с замыслом тарана заставил немцев изменить позицию. Пока они снова изготавливались к бою, наша аварийная партия успела сбросить

в воду пылающий на шлюпбалках спасательный баркас. Не прекращая пулеметного огня, немцы снова выпустили торпеды. И снова точно чья-то незримая рука отвела смертоносные снаряды в сторону. Потом с Родоса прилетел самолет-торпедоносец. Его встретили «залпом» из брандспойтов. От неожиданности летчик вильнул в сторону...

Это был беспримерный морской бой – точнее, расстрел безоружного тихоходного судна из самых современных видов морского оружия. Но все восемь торпед, выпущенных с катеров и самолета, прошли мимо.

Скажу честно, я молился...

Пожар на судне разгорался, тушить его под пулями было некому. И тут произошло еще одно чудо: хлынул ливень немыслимой силы. Огонь сразу пошел на убыль. Под завесой дождя, во мгле наступающей ночи, мы оторвались от противника и кратчайшим путем двинулись на Фамагусту; Кипр англичане прикрывали надежно.

Вы не поверите – после такого боя у нас не было ни одного убитого! Только двое раненых – сигнальщик Полищук и рулевой Рузаков.

Я потом хотел выпросить у Хансона иконку. Да он не согласился выменять ее и на спирт.

А в Хайфе нам еще раз подфартило, да как! На выходе из порта – это было в полдень 20 декабря – подорвался на mine большегрузный английский танкер «Феникс». Горящая нефть разлилась по акватории, и мы оказались в огненной западне. Но хуже всех пришлось, разумеется, морякам танкера. Сбившись на юте, они подавали отчаянные сигналы. Сгорели бы ребята, если бы Сергеев

не приказал опустить на воду уцелевший катер. Катер во главе со старшим краснофлотцем Петром Симоновым пошел прямо в огонь. Полуживых, обожженных союзников вытаскивали из пылающей воды баграми. Спасли только девятых, и то один скончался на обратном пути.

Тем временем огонь подбирался ко второму танкеру – «Хэппи стар» («Счастливая звезда»), стоявшему на якоре рядом с нами. Так же, как «Феникс», он был загружен сырой нефтью под завязку. Экипаж в панике бросил судно и сбежал на берег. Сергеев приказал отогнать «Счастливую звезду» как можно дальше, и на борт танкера высадились наша группа во главе с лейтенантом Барковским. Однако время было упущено, и «Счастливая звезда» запылала ярче «Феникса». Порт превратился в огненное пекло. Солнце потонуло в клубах черного дыма.

Самое ужасное, что «Микоян» был почти лишен возможности двигаться. Из девяти котлов под парами находился один. Из трех машин две были разобраны на ремонт. На буксиры рассчитывать не приходилось. Они ушли в дальний угол порта, и команды сбежали на берег. Языки пылающей нефти подползали к нашему борту, мы сбивали их нашим испытанным оружием – струями гидромониторов. Механики, переключая пар единственного котла то на брашпиль, вытягивающий якорь-цепь, то на еще не прогретую кормовую машину, все же позволили боцману поднять якоря, а командиру дать малый ход. Задымленный, закопченный, обгорелый «Микоян» медленно уходил от настигающего огня, рискуя, как и

«Феникс», наскочить на мину. Нам опять повезло. Как только мы оказались в относительно безопасном месте, мы принялись спасать английских солдат-зенитчиков, которые располагались на молу и которых пылающее море отрезало от берега. Мы сняли их в самый раз – у них уже дымились ящики с боеприпасами.

Огромный пожар пылал в порту Хайфа около трех суток. Самое удивительное, что местные власти не сделали даже попытки бороться с огнем. К горящим танкерам не подошел ни один портовый буксир, ни один спасатель.

Позже, когда огненная стихия угасла сама по себе, старший морской начальник Хайфы прислал нам благодарственную грамоту, он выражал восхищение «отвагой и лихостью, проявленной экипажем в особо опасной ситуации». Тем не менее англичане не выполнили очень важное условие договора о нашей проводке. Нам не поставили орудия и пулеметы. Установили только одну малокалиберную салютную пушку образца 1907 года. Чтобы придать ледоколу грозный вид – в Индийском океане хозяйничали немецкие рейдеры, – боцманская команда по приказанию командира соорудила на палубе из бревен и брезента подобие орудийных башен.

Так и пошли на страх врагам через Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан. В свои эскорты англичане нас не брали под тем предлогом, что «Микоян» тихоходен и слишком дымит. Шли, можно сказать, лишь под покровом Божией Матери. И дошли! В июне 1942 года бросили якорь во Владивостоке.

И по всем фронтовым дорогам...

О своем родном дедушке-фронтовике, о его дяде, «монахе в миру», молившемся всю войну, сохранила самые светлые воспоминания жительница Санкт-Петербурга Елена Лазеба. Фронтовые дороги, военные будни, озаренные светом чудес...

– Семья моего дедушки Дмитрия Павловича была глубоко верующей и богобоязненной, как и большинство людей того времени. Но революция и последующие события посеяли плевелы сомнений в душах многих. Не миновал этого и дедушка: стал больше интересоваться наукой, политикой, достижениями прогресса... Все расставила по местам Великая Отечественная война. Когда мой дедушка уходил на фронт, мать благословила его иконкой Божией Матери, слезно просила не расставаться с ней никогда. И дедушка послушно всю войну носил на груди этот образ.

Был в семье и свой «монах в миру» – родной дядя моего дедушки. Жил он в семье своей сестры, где была у него комната-келья со множеством икон и томами духовной литературы. Здесь он и нес свой монашеский молитвенный подвиг. Умер он в конце войны, и по его мирной кончине чудесным образом обновилась одна из икон в его комнатке. Хочется верить, что Господом был принят подвиг этого человека. Рассказала мне об этом моя мама, которая на всю жизнь запомнила, как ее, совсем еще маленькую девочку, водили поклониться этой иконе.

На фронте шли тяжелые бои. Стояла глубокая осень. Бойцам отряда, где воевал мой дедушка, был дан приказ быстро окопаться. И вот дедушкин окоп почти готов. Но тут к нему подходит какой-то солдат, которому, видимо, не хотелось ковырять промерзшую землю. Он и говорит, что на этом месте должен вырыть окоп он, а не мой дедушка. Обидно было до слез, но дедушка всегда старался быть смиренным. Да и спорить было некогда: начинался бой. Отойдя от своего окопа, дедушка с ужасом увидел, как первый же вражеский снаряд попал в вырытый им окоп – и от того солдата ничего не осталось. Жгучая обида сменилась глубокой жалостью. Так Божия Матерь по молитвам дяди-монаха отвела от моего дедушки верную гибель.

А потом вдруг семья перестала получать от дедушки весточки с фронта. Потянулись мучительные месяцы ожидания. Тогда его жена, моя бабушка, решается с другими женщинами отправиться за советом-утешением к старцу. Приехали. Со всеми старец поговорил, а от моей бабушки отмахнулся: «А ты что тут делаешь? Поезжай домой. Тебя там муж ждет». Возвращалась бабушка расстроенная: «Что старец сказал такое? Мне и нужно было узнать только, жив ли муж. А тут... Напутал что-то батюшка». С такими невеселыми думами и возвратилась домой. А там ее и впрямь ждал муж, мой дедушка. Ему удалось бежать из немецкого плена, живым-невредимым добраться до родного порога. Разве это не чудо?! Тем более что село находилось в глубоком тылу врага. Оправившись немного, дедушка ушел к партизанам. Потом вновь попал на фронт, был ранен, лежал

в госпитале... И по всем фронтовым дорогам прошла с ним иконка Божией Матери, оберегая его от бед.

Невидимый щит

Немецкий пулемет строчил не умолкая. Пули вонзались во влажную от недавнего дождя землю или со зловещим привизгом уносились куда-то далеко, за наши спины. А мы лежали, уткнувшись в чахлую траву, и не смели поднять головы и даже отползти назад, потому что любое движение и даже чуть заметное колыхание стеблей вызывали рой смертоносных кусочков свинца, несших с собой смерть и боль. Впереди, метрах в пятидесяти, лежали два скрюченных трупа – наши товарищи Алешка Бегун и Ваня Максимов. С полчаса назад они пытались подползти к бетонному бункеру с отчаянным намерением подавить пулеметную точку, и оба погибли на наших глазах, а мы ничем не могли им помочь. Зловещая амбразура продолжала извергать огонь. Мой сосед справа Саша Голубкин вдруг дернулся всем телом, взрылая землю носками кирзачей, судорожно приподнялся на локтях и упал лицом в траву.

Я молился, твердя про себя одну и ту же молитву – «Богородице Дево, радуйся». Перед отправкой на фронт мать, благословляя меня старинной дедовской иконой Божией Матери, дрожащим от волнения голосом произнесла: «Ты останешься живым и вернешься домой,

если каждый день будешь тысячу раз читать молитву Богородице». Я знал ее наизусть с детства. Вот уже четвертый год войны, а я неуклонно выполняю материнский завет, и живу, и, хотя побывал в разных переделках, даже ни разу не ранен. Я шептал эти бессмертные слова, лежа ночью без сна, слушая зловещую канонаду. Я шептал их во время бесконечных наших переходов в дождь и жару. Я твердил их в минуты краткого отдыха и готовясь ко сну, и Богородица хранила меня.

«Богородице Дево, радуйся...» – девятьсот девяносто, «Богородице Дево, радуйся... Благословенна ты в женах...» – девятьсот девяносто шесть, девятьсот девяносто девять, тысяча! И я ползу к бункеру. «Не смей! Стой!» – рявкает лейтенант, но я уже в пути, и его негодующий голос остается позади. Похоже, меня не заметили. Пули ложатся где-то рядом. Страха я не чувствую, потому что дневное молитвенное правило выполнено. Приподнимаюсь на локтях и ящерицей проношусь последние самые опасные пятьдесят метров. Теперь я ясно вижу черную дыру амбразуры и понимаю, что под таким углом пулемет для меня безопасен хотя бы несколько следующих секунд. Их достаточно, чтобы бросить во врага две гранаты...

Сильный взрыв, еще один... Из дыры валит дым, слышны гортанные крики, затем топот ног, торопливые выстрелы – это приближаются мои товарищи. Противник смят, и бункер взят. Встаю и смотрю вверх, и хоть не вижу, но ясно ощущаю: невидимый щит снова укрыл и спас меня.

«Нерушимая Стена»

Из книги протоиерея Николая Агафонова «Неприка-
янное юродство простых историй».

...В День Победы, 9 Мая, настоятель и священники ушли после службы возлагать венки на Холм Славы, а я задержался в храме, чтобы подготовить ноты к вечернему богослужению, и тут мое внимание привлек статный пожилой мужчина, вошедший в полупустой храм. По наградным планкам и ордену на лацкане пиджака в нем можно было безошибочно угадать ветерана Великой Отечественной войны. В одной руке он держал сумку, а в другой – букет цветов и как-то беспомощно оглядывался кругом. Затем он подошел к свечному ящику и стал разговаривать с женщиной, продающей свечи. Она ему показала на дальний левый угол храма, где располагался канон с панихидным столиком. Купив свечей, он пошел в указанном направлении. Проходя мимо иконы Божией Матери «Нерушимая Стена», мужчина вдруг остановился как вкопанный, устремив взгляд на икону. Подойдя к иконе, я встал рядом с ним. Когда он повернулся ко мне, я приветствовал его легким поклоном:

– С праздником вас, с Днем Победы.

– Скажите мне, пожалуйста, – обратился он ко мне, – что это за икона?

– Это икона Божией Матери, именуемая «Нерушимая Стена», – ответил я.

– Теперь мне все ясно, именно Она была с нами на Курской дуге, под Прохоровкой.

– Расскажите, пожалуйста, это очень интересно, – попросил я.

– Как вас зовут, молодой человек?

– Алексей Пономарев, а вас?

– А меня Николай Иванович. Я приехал в ваш город, чтобы повидаться со своим боевым товарищем. Но немного опоздал. Мне сказали, что он недавно умер и похоронен здесь, на кладбище, недалеко от храма. Вот я и зашел в церковь, чтобы свечку поставить за упокой его души.

– На этом кладбище, – заметил я, – давно уже не разрешают никого хоронить. Но совсем недавно сделали исключение, разрешили похоронить нашего церковного старосту – Скорнеева Сергея Викторовича. Он тоже был ветераном Великой Отечественной войны.

– К нему-то я и ехал, да видать, не судьба, – печально молвил Николай Иванович.

– Вы, Алексей, просили меня рассказать, что случилось под Прохоровкой на Курской дуге. Хорошо, я расскажу то, что никому еще не рассказывал. Пусть это будет исповедью солдата. Как вы заметили, я – человек нецерковный, но Бога никогда не отрицал. А уж на фронте часто приходилось вспоминать о Нем. Атеистов на войне не бывает.

...Присудили мне за одно горячее дело штрафной батальон – практически та же смерть, но все же в бою. Здесь, в штрафбате, я и познакомился с лейтенантом Скорнеевым Сергеем Викторовичем. Он у нас был командиром роты. Если мы, рядовые смертники, были из осужденных за разные провинности, то офицеры, нами командовавшие, не были из проштрафившихся.

В это время готовилась грандиознейшая из битв в истории человечества – битва на Курской дуге. Нашей роте поручили во что бы то ни стало удержать одну высоту в районе Прохоровки. Окопались мы на высоте и ждем фрицев. Внизу нас ждут свои же заграничные отряды. Высота господствующее положение занимает, да еще справа от нас артиллерийский расчет расположился. Для дальнейшего наступления эта высота немцам ох как нужна. Бросили они на нас свои отборные силы. Не помню, сколько нам атак пришлось отбить. Кто бы что ни говорил, но немцы – хорошие вояки, храбрые и дисциплинированные. Нелегко нам пришлось. Атака за атакой. И бойцов-то у нас уже почти не осталось, но мы каким-то чудом продолжаем держаться. Наконец остались от всей роты только трое: наш лейтенант Сергей Викторович да нас двое на пулеметном расчете. Первым номером – бывший подполковник, а я у него вторым номером. Сидим, ждем последнюю атаку. Немцы почувствовали, что у нас уже не осталось бойцов, и с новой силой в атаку пошли. Мы их подпустили поближе и дали им прикурить из пулемета. Попрыгались они, и давай по нам из пушек долбить. Мама родная, всю землю рядом перепахали снарядами, а мы, слава Богу, живы. Я во время боя оглядываюсь назад, вижу – стоит женщина с поднятыми руками. «Вот тебе на, – думаю, – что за наваждение, откуда здесь женщина, уж не мерещится ли это мне?» Опять оглянулся – стоит. Да не просто стоит, а как бы своими ладонями, повернутыми к врагу, стену невидимую воздвигла. Вроде как бы немцы на эту стену натыкаются и назад откатываются. Батарея, которая от нас справа стояла, умолкла.

Видно, побили весь артиллерийский расчет. Тут «тигры» пошли, справа и слева высоту обходят. С левой стороны наши Т-34 выскочили. Что тут началось! Такого я еще на фронте не видывал. Наши танки с ходу на таран «тигров» пошли. Железо на железо. Кругом танки горят, люди, как живые факелы, из них выскакивают, по земле катаются. Не поймешь уже, где наши, где немцы: все перемешалось. Но их наступление на левом фланге захлебнулось. А справа «тигры» продолжают обходить, в тыл наших позиций устремились. Я говорю: «Товарищ лейтенант, давайте сделаем рывок к батарее: может, там пушка какая целая осталась?» Он говорит: «Ты что придумал? Нам приказ здесь насмерть стоять, еще подумают, что мы отступаем – свои нас же и прикончат». Оглянулся я – а женщина, которая стояла за нами, вправо от нас переместилась, ближе к батарее. Тут лейтенант говорит:

– Пошли, ребята, будь что будет.

Рванули мы в сторону батареи. Прибегаем туда, а там уже немцы хозяйничают. Мы с ходу на них. Вначале очередью из автоматов, а потом врукопашную добили. Момент внезапности сыграл свою роль. Хотя их в три раза больше было, но всех уложили. Тут я взял инициативу в свои руки, лейтенант-то – не артиллерист. Разворачиваем мы одну уцелевшую пушку – и сбоку по «тиграм». Те тоже растерялись: им-то ведь доложили, что артиллерия противника погашена. Три «тигра» нам удалось сразу подбить. Четвертый по нам шарахнул. Меня контузило и легко ранило в левую руку. Смотрю – у моего первого номера осколком голову срезало: жуткая, скажу я,

картина. Лейтенанту Сергею Викторовичу осколком ноги перебило. Лежит бледный, от боли землю зубами грызет. «Тигр» прямо на нас прет. Ну все, думаю, конец. Взял противотанковую гранату и жду. Оглянулся – стоит та женщина над нами, мне легче на душе стало. Откуда-то появилась уверенность, что это еще не конец. Привстал я, метнул гранату в «тигра», под гусеницу угодил. Завертелся танк волчком. Тут и наши «тридцатьчетверки» подоспели.

Из госпиталя лейтенанта домой комиссовали, ногу пришлось отнять. А мне – реабилитация. Ведь в штрафбате – только до первой крови. Звания, конечно, не вернули, так рядовым до Берлина и дошел. А после войны решил своего лейтенанта разыскать. Да все как-то откладывал с одного года на другой. А тут, думаю, откладывать некуда, сердечко стало напоминать, что немного осталось по земле топтаться. В прошлом году нашел его адрес через ветеранские организации. Списались и решили встретиться в этом году на 9 Мая. Как видите, не дождался меня Сергей Викторович. Зашел в ваш храм, гляжу на икону, а на ней – та самая женщина, которая нас под Прохоровкой спасла. Оказывается, это Мать Божия. Я, между прочим, тогда еще об этом подумал. Ну, мне пора, пойду потихоньку на поезд. Спасибо вам огромное, молодой человек.

И сияла радостно икона...

Рассказ ветерана труда Валерия Качаева из Тверской области.

...Яркое воспоминание из моего детства. Жил я тогда у бабушки с бабушкой. Приехала однажды к нам в гости бабушкина сестра Домна. Она-то и рассказала нам, как во время войны в ее доме обновилась икона: сняла она перед праздником икону, чтобы помыть, как вдруг ярким светом осветилась комната, и со святого лика исчезли копоть и нагар — икона стала, как новая.

Весть о чуде быстро распространилась в округе, и со всех сторон к бабке потянулись богомольцы. Люди приходили, молились, прикладывались к иконе и клали в угол деньги. Вскоре денег стало очень много. Домна собрала их в мешок и отнесла в фонд обороны, кажется, на строительство танковой колонны. Ночью к воротам подъехал «воронок», и бабушку увезли на допрос в НКВД. Заперли в одиночной камере, сколько-то дней никуда не выводили. Но однажды ночью вызвали на допрос. Следователь выдвинул обвинение: помощь врагу путем саботажа уборочной страды. В ту пору убирали хлеб, а люди оставляли работу, чтобы пойти помолиться обновленной иконе.

«Вижу на столе у следователя свою икону, — рассказывала бабушка Домна. — Что они с ней сделали, антихристы! Чернилами усы подрисовали, окурки об нее гасили. У меня сердце кровью обливается, а следователь курит, держит икону в руке и мне показывает: «Твоя?»»

Строго так на меня смотрит и дым мне в лицо пускает. «Моя», – отвечаю и плачу, так мне стало жалко Богородицу: Она-то за что терпит? Вдруг вижу: с иконы все чернила, все следы окурков вмиг исчезли. Папироска у следователя изо рта так и выпала. Вытаращил он свои глаза и икону на стол со страхом кладет. Смотрит на меня – и вижу я в нем великий страх. «Забирай свою икону, тетка, и чтоб духу твоего здесь не было. Никому ее не показывай».

Выбежала я на крыльцо, а вокруг ночь непроглядная. Пошла домой через лес – в НКВД было страшнее! Молюсь Царице Небесной, несу перед собой икону и радуюсь – никакой боязни! Так всю ночь без передыху и прошагала. Спрятала я икону, чтобы никто не нашел, а после войны достала. Она и тогда была как новенькая – радостно так сияла...»

Где теперь эта икона, я не знаю. Думаю, что у благочестивых людей: у бабушки Домны детей не было, жила одна.

Лепавинское чудо

Монастырь Лепавина находится в одноименном селе в Хорватии. Монастырский собор посвящен Введению во храм Пресвятой Богородицы. Во время Второй мировой войны монастырь был сильно разорен и разрушен. Но чудом сохранилась величайшая святыня Сербской

Церкви – чудотворная Лепавинская икона Божией Матери.

В 1941 году монастырь опустел, потому что монахов изгнали, а в 1943-м обитель была подвергнута бомбардировке немецкой авиации. На храм упали три бомбы, одна из которых пробила кровлю и взорвалась внутри храма. Все церковное убранство было уничтожено. Лепавинская икона Пресвятой Богородицы чудом Божиим осталась невредима, но о ней долгое время ничего не было известно. Она была обнаружена только в 1967 году. Тогдашний настоятель Лепавинского монастыря, разыскивая что-то среди забытых вещей на чердаке здания Загребской митрополии, увидел чудотворную икону. Кто принес ее в Загреб и оставил на чердаке – неизвестно. Тогда икона была передана на реставрацию, а на праздник Успения Божией Матери в 1969 году возвращена в монастырь.

В тот же день от иконы было явлено новое чудо. Во время чтения молитв перед чудотворной иконой один глухонемой мальчик заснул на амвоне. Проснувшись, он воскликнул: «Мама, мама!» Так и по сей день не прерывается цепочка исходящих от Лепавинской иконы чудес: чудом уцелевшая в пожарище войны, она продолжает свое дивное служение страждущим людям.

«Русская Мадонна»

Об этом потрясающем случае помнят все в Жировицах, где в Успенском монастыре в Белоруссии служит Петр, сын протоиерея Валентина Бирюкова.

В Великую Отечественную войну немцы стояли в монастыре, и в одном из храмов держали оружие, взрывчатку, автоматы, пулеметы. Заведующий этим складом был поражен, когда однажды появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки:

– Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

Он хотел Ее схватить – ничего не получилось. Она в церковь зашла – и он зашел за Ней. Поразился, что Ее нет нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, – а нет Ее. Не по себе ему стало, перепугался даже. Доложил своему командиру, а тот говорит:

– Это партизаны, они такие ловкие! Если еще раз появится – взять!

Дал ему двоих солдат. Они ждали-ждали и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит заведующему воинским складом:

– Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...

И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Ее взять – но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагниченные. Когда Она скрылась за дверями храма – они бросились за Ней, но снова не нашли. Заведующий складом опять доложил своему командиру, тот еще двоих солдат дал и сказал:

– Если появится, то стрелять по ногам, только не убивать – мы Ее допросим. Ловкачи такие! И когда они в третий раз встретили Ее, то начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идет, и крови нигде не видно ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей – сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит:
– Русская Мадонна...

Так они называли Царицу Небесную. Поняли, Кто велел им покинуть оскверненный храм в Ее монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружием. Мать Божия защитила своим предстательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолеты бросали бомбы на немецкие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но ни одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов, и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий летчик, дважды бомбивший эту землю, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде – кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот летчик приезжал в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил – и ни разу бомба не взорвалась. А место это благодатное, намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры. А если бы мы все верующие были – вся наша матушка Россия, Украина и Белоруссия, – то никакая бы бомба нас не взяла, никакая! И «бомбы» с духовной заразой тоже бы вреда не причинили.

Пророчество накануне Великой войны

Это грозное знаменательное пророчество, документально зафиксированное, датировано 15 мая 1937 года – то есть за несколько лет до войны. Текст приводим в том виде, в каком он представлен в документе.

«...Шофер МТС, по фамилии Меркулов, поехал в Сорочинск Куйбышевской области и на дороге увидел мешок. Остановил машину, хотел взять этот мешок, так как он был наполнен зерном, но поднять его не смог. Оставив этот мешок, поехал дальше и на дороге увидел женщину, всю оборванную, хотел ее взять в машину, думая, что она больная, но поднять ее также не сумел. Оставив женщину, поехал дальше и на дороге увидел стоящее ведро, наполненное кровью. Хотел взять это ведро, но тоже не смог поднять. Дальше он ехать побоялся и стал ждать своего товарища Жукова, который ехал следом за ним. Когда приехал Жуков, он тоже попытался поднять ведро с кровью, но не поднял. Оставили они это ведро и поехали дальше. Навстречу им шел старичок. Они пригласили его в машину и рассказали о том, что видели, и спросили его, что это значит. Старичок сказал, что он знает, что это значит, но если расскажет им, то умрет. Но они упростили его рассказать. Он сказал им, что мешок с хлебом значит, что будет урожай. Женщина эта была Божия Мать, забытая народом. А ведро с кровью – это значит, что будет война. Как только сказал это старичок, так и помер. И шоферы мертвого его привезли в Сорочинск и сдали в больницу».

Последовавшие события раскрыли смысл данного пророчества. Урожай 1937 года был очень хороший – существовавшая до той поры угроза голода отступила. Но народ позабыл о Царице Небесной, взявшей в Свой удел Россию, – и в наказание за это вскоре разразилась невиданная по масштабам война с фашистской Германией, унесшая более двадцати миллионов жизней россиян. Благодаря сохранившемуся протоколу допроса НКВД (1937 г.) мы теперь знаем, что события эти были предсказаны еще за несколько лет до случившегося.

И построил на земле немецкой храм...

После Сталинградской битвы Тимофею Прохорову, жившему тогда близ Ростова-на-Дону, однажды ночью было дивное видение.

Явилась в огненном столпе от земли до неба Матерь Божия и сказала: «Нет тебе, Тимофей, дороги домой! Поезжай на Запад и построй там церковь – церковь православную».

Упал он в снег и заплакал: «Куда ж я поеду, дома у меня жена беременная и двое детей!» А Царица Небесная и говорит: «О них Я Сама позабочусь. Жена твоя уже родила сына, и назвали его Владимиром. Тебе же дорога только на Запад».

И исполнил повеление. Построил Тимофей Прохоров на земле немецкой храм и дожил при нем до 104 лет.

Явление Богородицы Скрипской

...Сентябрь 1943 года. Итальянцы, которые вошли в Грецию, отступают. Жители Беотийского поселка Орхоменос пришли к железнодорожной станции городка Ливадия и стали требовать у итальянского поста сдать оружие, угрожая в противном случае мстью партизан. Итальянцы отказались сдаться и известили об этом немцев, которые, недолго думая, решили сжечь поселок Орхоменос дотла и наказать его жителей. Вечером 9 сентября в Орхоменос вошел целый полк карателей и захватил в плен шестьсот человек. Часть немцев осталась в городке, тогда как остальные стали продвигаться к Дионису, где прятались партизаны. Недалеко от поселка Орхоменос находится самая древняя во всей Беотии церковь, датируемая 874 годом и освященная в честь Успения Пресвятой Богородицы – храм Скрипского монастыря.

Была полночь. Колонна немцев находилась в пятистах метрах от храма, когда внезапно прямо посреди дороги остановился один из танков. Перед собой немцы неожиданно увидели величественную Женщину с поднятой вверх рукой, преграждавшую им путь. Второй танк попытался было обойти первый, но съехал в кювет, а третий заглох на одном из огородов, через который попытался пройти. 10 сентября, на рассвете, немецкий военачальник Хоффман потребовал у жителей трактор, чтобы вытащить танки. Последовало нечто необычное: тяжелые машины были переташены трактором, как пустые спичечные коробки.

– Чудо, чудо! – воскликнул немецкий военачальник и попросил местных жителей отвести его в церковь. В стоявшей в иконостасе иконе Божией Матери немец узнал преграждавшую движение колонны Женщину. Он упал на колени:

– Это Святая Дева спасла вас! Славьте Ее!

Орхоменос был спасен. Хоффман отдал приказ освободить шестьсот обреченных на смерть пленных и дал слово, что до самого окончания войны с городом ничего не случится. Жители возблагодарили Заступницу Богородицу за спасение.

...Солнце начало заходить. Танки уходили с опущенными вниз пушками – побежденные Взбранной Воеводой Орхоменоса. С тех пор 10 сентября стало праздничным днем. Почти каждый год, до самой своей смерти, Хоффман приезжал на тот праздник. Он пожертвовал храму огромную свечу и дал деньги на написание первой иконы с изображением чуда – явления Богородицы Скрипской.

Богородица спасла жизнь 125 смертникам

Братия монастыря Живоносного Источника в Лонговарде спасла не только голодающих, но и 125 жителей Пароса, приговоренных к смерти германским уполномоченным на острове. Об этом рассказал в автобиографических записках настоятель обители о. Филофей Зервакос, видя в том явное чудо Божией Матери.

14 мая 1944 года английская подводная лодка вошла в док в заливе около города Ливадии. Англичане сошли с лодки и направились в соседнюю деревню, захватили там в плен несколько немецких солдат и жестоко распра-

вились с ними. Командующий немецкой армией, заподозрив соучастие в карательной акции греков, приказал взять в качестве заложников 125 греческих юношей. Все они были приговорены к смерти.

Вот тогда приходские священники во главе с блаженным старцем Филофеем Зервакосом* и сформировали специальный комитет по ходатайству о спасении невинных юношей.

«О Царица Вселенной, Богородица, Божественный Живоносный Источник, о Твое бесконечное благодеяние и сострадание!» – слезно молился старец.

Командующий долго не уступал просьбам о помиловании. Тогда старец сказал: «Пусть считают меня среди приговоренных к смертной казни».

И Пресвятая Богородица, без сомнения, совершила чудо. «Я исполню вашу просьбу», – сказал немецкий военачальник. Греческие юноши были освобождены.

«Пресвятая Богородица – Мать Бога и духовная Мать всех христиан, – пишет о. Филофей. – Мать боли, милосердия и сострадания, надежда и спасение всех, кто прибегает к покрову Ее и уповает на Ее помощь. Она чувствовала боль всех матерей, родственников и друзей тех, кто был приговорен к смерти... Она видела их слезы, скорбь, рыдания. Она видела несправедливость и слышала мольбы...»

Так Она укротила и умиротворила сердце этого дикого и кровожадного животного Своим ходатайством перед Сыном. Она даровала жизнь и спасение 125 душам.

* Его называют избранной звездой на духовном небосводе Греческой Православной Церкви.

Нескудеющая трапеза

И снова о чудесах Богородицы в годы фашистской оккупации Греции рассказывает блаженный старец Филофей Зервакос:

– Монастырь Живоносного Источника в Лонговарде к концу германо-итальянской оккупации (1941–1944 гг.) принимал всех жаждущих прибежища и еды, потому что лишения и голод распространялись. Видя, что наши бедные, нуждающиеся братья претерпевают голод, жертвователи монастыря и я с отцами монастыря решили, что все монастырские продукты: пшеница, рис, масло, горох и другие – будут отданы нашим нуждающимся. Трое братьев были назначены готовить трапезу для голодающих. Брат стоял у монастырских ворот и провожал голодных людей группами по 40–50 человек в трапезную. Поев, они уходили, и приходила другая группа...

Каждый день несколько раз кормили по 150–200 человек. Сострадательная Божия Мать, Живоносный Источник и добрая Питательница нашего монастыря, таинственным образом благословила и увеличила небольшие монастырские запасы, которых, по нашим подсчетам, едва достало бы на 80 человек. По чудесному благословению сострадательного и милосерднейшего Бога продуктов хватило более чем на 200 человек*. Мы даже оказали помощь некоторым государственным служащим,

* Монахи, явив свою братскую любовь, сократили личную дневную порцию, а Господь, видя это, послал в голодное время богатый урожай оливок.

лишенным того, что необходимо для существования, а также помогали другим нуждающимся, приходившим с островов Сирос, Наксос и других.

«Избавь нас от этих демонов!»

Немало благодатных явлений и чудес Пресвятой Богородицы в годы войны было на территории православной Греции. Свидетелями одного из таких великих чудес стали в январе 41-го года греческие солдаты из батальона майора Петракиса – на Роденском хребте.

Каждый вечер тяжелые орудия итальянцев начинали обстреливать батальон Петракиса и дорогу, по которой проходил военный транспорт. Разведчики и летчики пытались обнаружить эти орудия, но – безрезультатно: возможно, еще и потому, что их ежедневно перевозили на новое место.

Как-то холодным зимним вечером снова слышались раскаты итальянских пушек.

– Мати Пресвятая! – вдруг вскрикнул майор. – Помогите нам! Избавь нас от этих демонов!

В тот же миг появилось на небе яркое светящееся облако и начало медленно принимать образ светлого венца. Небольшие серебряные облачка под ним преобразились в некую «небесную икону» – изображение Пресвятой Богородицы. Царица Небесная словно бы продвигалась к земле и наконец остановилась у пропасти,

пролежавшей между двумя Бубесскими возвышенностями. Это происходило на глазах у всего изумленного батальона.

– Чудо! – громко воскликнул майор.

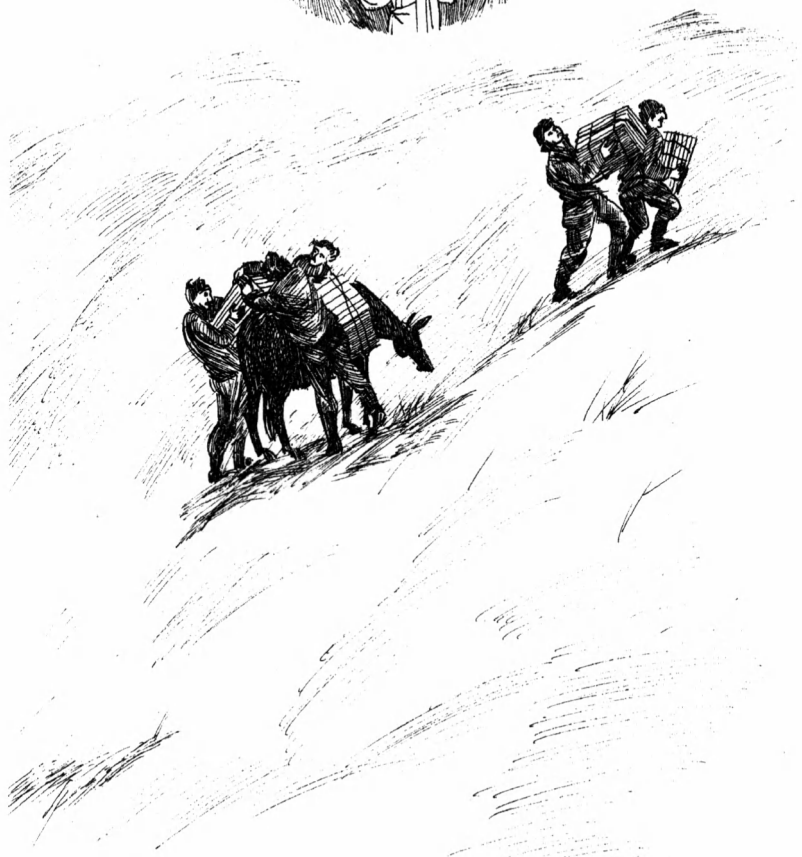
– Чудо! Чудо! – отозвались солдаты и перекрестились.

Другой батарее было немедленно отправлено сообщение с указанием координат стрельбы. Через десять минут загромыхали греческие пушки, а через двадцать — замолкли вражеские орудия, и уже навсегда.

Его привела Пресвятая Богородица

— Наш отряд получил приказ занять высоту для создания плацдарма, — рассказывает солдат-грек, прошедший всю войну. — Нам пришлось окапываться в каменистом грунте. Едва мы заняли позицию, как начал падать густой снег. Шел он безостановочно двое суток, и вскоре некоторые сугробы достигли двухметровой высоты. Мы оказались без связи со штабом и без продовольствия. У каждого из нас продуктов оставалось только на один день. Одолеваемые холодом и голодом, мы совершенно не подумали о «дне грядущем» и съели весь провиант за один раз. А потом начались настоящие мучения: жажду мы утоляли снегом, но голод нас терзал нещадно. Прошло пять дней. И хотя мы не утратили еще совсем бодрости духа, телесные страдания наши становились невыносимы. И вот тогда наш сержант поднял вверх хранившуюся при нем бумажную иконку Божией Матери и обратился к нам с такими словами:

— Теперь нас может спасти только чудо! Станьте на колени и просите Пресвятую Владычицу о помиловании и спасении нашем!

Все пали на колени и начали горячо молиться Приснодеве Марии. Не успели мы подняться, как до нас донесся звон колокольчика. Мы схватились за оружие и заняли наблюдательную позицию. И вдруг – к нам подошел большой, тяжело навьюченный мул. Все окаменели! Животное без хозяина переходит гору, которая покрыта почти метровым слоем снега, – все это было совершенно невероятно! И тут нас осенило: его, мула, привела к нам Пресвятая Богородица! Единными устами и единым сердцем горячо возблагодарили мы нашу Спасительницу. Животное было нагружено большим количеством продовольствия: хлебом, сыром, консервами, коньяком и многим другим. На войне я прошел через множество различных историй, но этого случая мне не забыть никогда.

Богородица спасла от карателей

Произошло это в Греции во время оккупации. В июне 1944 года отряд немцев, опустошивший селение Дистомо и уничтоживший свыше 600 человек, проходил рядом с островом Эвбея. Его целью было – уничтожение поселка Лимни. Колонна солдат уже достигла селения. Вдруг командир карательного отряда увидел, как чья-то рука, появившаяся над дорогой, загрозила вход в село, и до него донесся голос:

– Это место – Мое! Не приближайтесь сюда!

Перепуганный командир встретился с местными властями и спросил: «Кто покровитель Лимни?»

— Богородица, — ответили ему. — Здесь находится Ее чудотворная икона «Лимния», обретенная в море.

– Только Божественная сила может изменить мои планы, – признался командир карательного отряда и ушел из Лимни.

Каждый год на острове Эвбея в селении Лимни 8 сентября совершается торжественное празднование в честь Лимнийской иконы Божией Матери.

Пресвятая Дева – Предводительница

Греческий солдат Анастасий Гигопулос, находясь в годы войны в Албании, прислал своему брату с фронта письмо, в котором поведал о чудесном предводительстве Богородицы.

«Дорогой мой брат Никос!

Пишу тебе из орлиного гнезда, на высоте в 400 метров над Парнифой, где вокруг снег и лед. Но я не собираюсь описывать тебе пейзажи заснеженной Моровы, а хочу рассказать о том, что пережил здесь и чему ты вряд ли поверил бы, если бы услышал об этом от других.

За несколько минут до того, как напасть на вражеские укрепления Моровы, на расстоянии каких-то десяти метров от нас мы увидели высокую, неподвижно стоявшую Женщину, одетую во все черное.

– Кто Ты?

Молчание...

Раздраженный часовой снова крикнул:

– Кто Ты такая?..

И тогда словно электрический ток прошел по нашим жилам! И все зашептали: «Богородица!»

Мгновенно, как на орлиных крыльях, Она бросилась вперед. Солдаты – за Ней! Мы чувствовали, как наполняемся отвагой и силой. А через неделю жестоких боев нам удалось захватить укрепления Иван-Моровы.

Замечу, что наше наступление пришлось как раз на тот момент, когда итальянцы меняли свои части: старые были отведены, а новые... еще спали! В какое смятение они пришли – невозможно описать.

Наша Предводительница Пресвятая Дева была постоянно впереди нас, вела за Собой. Когда мы, уже как победители, спускались с гор к городу Корица, Взбранная Воевода, Богородица, превратилась в легкое облако и исчезла».

Незыблемая святыня

На острове Саламин, в Греции, на живописнейшем побережье, название которого переводится как «большая сосна», находится монастырь Агия Фанеромени. Он построен преподобным Лаврентием в XVII веке. В период турецкого ига, а особенно во время национально-освободительной борьбы, монастырь Пресвятой Богородицы

был центром греческого противостояния. Под кровом обители находили прибежище женщины и дети, здесь хранились продукты, боеприпасы и церковные ценности из различных монастырей и приходских храмов. Здесь собирались военачальники для выработки планов и обсуждения военных кампаний, сюда привозили раненых и добытые трофеи. Были дни, когда монастырь кормил до 75 тысяч человек. Воины укрепили монастырские стены, и обитель таким образом превратилась в неприступную крепость. Все турецкие атаки разбивались об

ее укрепления, но доблестные благочестивые воины приписывали эти славные победы не себе, а Пресвятой Богородице – Взыбранной Воеводе.

Прошли целые столетия. В 1944 году несколько немецких солдат-оккупантов, возможно, просто ради развлечения, а может, и преднамеренно, – решили обстрелять монастырь. В результате варварской бомбардировки было разрушено абсолютно все, кроме восточной стены с нишей у часовни Илии-пророка.

Немцы кинулись туда, чтобы найти объяснение, почему эта часть монастыря осталась невредимой. И что же? В стенной нише они увидели незыблемую святыню – изображение Божией Матери с тихо горящей перед иконой лампадой. Пораженные солдаты восприняли это как чудо и восстановили ими же разрушенную часовню.

Вразумление от Богородицы

Высоко на укрытых соснами горных вершинах юго-западной Эвритании в крутые темно-серые скалы врезался Прусский монастырь. Этот ставропигиальный монастырь имеет славную историю. В нем есть необычная, вытесанная в цельной скале, пещера, внутри которой сохранился самый первый монастырский храм. В этом храме хранится икона Божией Матери, именуемая «Прусская».

Согласно древнему преданию, изначально эта икона находилась в одном из храмов города Прусы. В годы

иконоборческой ереси (первая половина VIII в. – середина IX в.) один государственный сановник, желвший сохранить драгоценную икону, спрятал ее, собираясь переправить святой образ в Грецию. Однако когда он добрался до города Галлиполи, икона исчезла. Она чудесным образом сама явилась в том месте, где сегодня находится Прусский монастырь.

Слухи о появлении иконы быстрее ветра разлетелись во все концы страны и вскоре дошли до того благочестивого сановника. Недолго думая, он поспешил туда и узнал икону. Это происшествие сильно тронуло верующее сердце. Сановник принял монашеский постриг и стал основателем монастыря в Прусе.

В монастырских записках Прусской обители упоминается, что в годы турецкого владычества монастырь неоднократно подвергался разрушению. Однако последнее разрушение, превратившее его в груды развалин, произошло в 1944 году уже от немцев. Полностью разрушив здания обители, немецкий военачальник захотел сжечь и церковь. Он многократно пытался сделать это, но все было напрасно. В назидание всем он был наказан Пресвятой Богородицей. Произошло это следующим образом. Неожиданно невидимая сила стремительным порывом подняла святотатца высоко в воздух и бросила на землю. Удар был столь сильным, что у нечестивого немца не осталось сил, чтобы подняться на ноги – его подняли солдаты и привезли в ближайшее селение.

И снова монастырский храм остался целым, как это было и на протяжении многих веков.

С мечом Архистратига – сквозь лесную чашу

Случай этот, происшедший с самарским подростком в годы войны, мы вправе сегодня назвать чудом Архистратига Михаила – небесного покровителя русского воинства.

Четырнадцатилетний Алеша вместе с другими ребятами был захвачен немцами во время полевых работ и помещен в тюрьму. Он хотел оттуда сбежать со своим другом. Но во сне он услышал чей-то голос: «Вдвоем вам не убежать – беги один». Алеша решил исполнить задуманное в один из дождливых дней, когда заключенных вели под конвоем к месту работы. И тут-то он вспомнил свою бабушку, как она всегда обращалась к Богу: «Господи, помоги, спаси нас, Господи!» Споткнувшись и упав в грязь, мальчик замер, ожидая выстрела, но конвоир только ударил его сапогом и ушел догонять остальных. Поднявшись через некоторое время, Алеша бежал в направлении леса несколько часов. Совершенно обессиленный, он рухнул на небольшой лесной полянке. Очнувшись, увидел сидящего рядом молодого человека – ничем особым, на первый взгляд, тот не был примечателен.

– Чего лежишь? Пошли! – это были единственные слова, которые произнес незнакомец. Ни секунды не сомневаясь, мальчик встал и пошел за ним. Сколько они шли, Алеша не знал: дорога была трудной, мелкий кустарник и трава цеплялись за ноги, ветки хлестали по лицу.

«Вот бы нож или топор», – подумал мальчик. И в то же мгновение незнакомец подал ему огромный меч. Теперь идти стало легче – мечом прокладывали дорогу. А если мальчик совсем терял силы, его попутчик садился на землю и терпеливо ждал, когда Алеша отдохнет. Станным казалось, что сам провожатый ни разу не прилег, не задремал. Когда они добрались до знакомого леса, где Алеша с друзьями бывал почти каждый день, – его спутник исчез, он словно растаял. Исчез и чудесный меч!..

Дома удивились: как он мог бежать из плена и пересечь линию фронта? Алеша несвязно пытался объяснить, что был не один, что его вел незнакомый молодой человек. Алешина бабушка на следующее утро пошла в церковь благодарить Бога за спасение внука. Когда мальчик окреп, она настояла, чтобы и внук пошел с ней в церковь. Бабушка поставила его возле иконы, перед которой молилась сама: взглянул Алеша и вскрикнул от неожиданности:

– Бабушка! Вот мой спаситель!

С иконы на Алешу смотрел Архистратиг Михаил. В правой руке он держал огненный меч, так похожий на тот, который помогал мальчику пробираться сквозь лесную непроходимую чащу.

Вспомним, что, по церковному преданию, Архистратиг Михаил принимал участие во многих ветхозаветных событиях. Не оставлял он Божий народ и в годы Великой Отечественной войны.

Монах Победы

Отошедший недавно ко Господу схиархимандрит Алексей (Филозоф) всегда считал свое водворение в воинстве Христовом в годы минувшей войны небесным чудом, ниспосланным ему от Архистратига Божьего Михаила. Подумать только: рвутся бомбы, родная Волынь окутана дымом пожарищ, а в Свято-Никольском Милецком монастыре денно и нощно молятся братья! Рать земная и рать небесная – они шли по войне бок о бок. 11 сентября 1943 года (в день Усекновения главы Пророка Иоанна Предтечи) монастырь уничтожили немцы, семь насельников были сожжены на скотном дворе. Послушник Александр Филозоф чудом остался жив – по благословению наместника был на послушании у матери (помогал по хозяйству). Потом много трудился, восстанавливая обитель.

В 1945 году в Лазареву субботу, буквально за несколько дней до Майской Победы, послушник Александр принял монашеский постриг с именем святителя Алексия, митрополита Московского. В этом же году монаха Алексия рукоположили в сан иеродиакона, а затем, 21 ноября, в день Архистратига Божьего Михаила, – во иеромонаха.

...Десятки лет нес он свой подвиг старческого окормления православных на Украине. И часто повторял: «Я – монах Победы, родом из 45-го».

За святое послушание

Этот достоверный случай произошел в самые первые месяцы войны с насельницей Пюхтицкого Успенского монастыря Марией Лешкиной. А известно нам это стало от иеродиакона Никона (Муртазова), служившего несколько лет в Пюхтицах и собиравшего монастырские предания, рассказы очевидцев о чудесных случаях из жизни обители.

...Началась Отечественная война. Пюхтицкий монастырь был захвачен немцами. Продукты кончились, денег не было. Сестры начали голодать, и вот тогда игуменья Иоанна позвала к себе послушницу Марию: «У нас осталась картошка мерзлая да вода, а к празднику хотелось бы утешить сестер рыбкой. Сходи в свою деревню и спроси у людей: может, кто подаст для нашей обители. Знаю, что самим им трудно, и тебе будет трудно в дороге. Благословись на дорогу у чудотворной иконы Божией Матери. Она тебе поможет».

Так и сделала Мария. Кое-как добралась до своей деревни, в которой жил ее дядя.

Дядя встретил племянницу ласково: «У самих-то у нас ничего нет, а ты сходи в соседнюю деревню. Там хоть староверы живут, но люди очень добрые, они помогут. Я отвезу тебя обратно на лошади до Печор».

В деревне Любницы, куда отправилась Мария, действительно жили добрые люди. Набрала у них Мария полный мешок сушеной рыбы. Нести такую ношу ей было тяжело, и она волоком потащила мешок

по дороге. На выходе из деревни повстречалась ей старуха.

– Куда идешь? – спросила она Марию. Мария назвала деревню. – Ты иди прямо. Здесь будет полтора километра, а кругом отмахаешь все шесть. И люди там ходят. Иди – не бойся.

Поблагодарила Мария старушку, свернула с дороги в поросший мхом лес. Немного прошла и тут же провалилась в топь. Мария поняла, что тонет и спасения нет. Она подняла глаза к небу и, как никогда раньше в жизни, от всего сердца возопила: «Матерь Божия, спаси меня за святое послушание». Стала призывать святителя Николая, а особенно усердно молилась Архистратигу Михаилу: «Помоги мне, вынеси меня с этого болота на сушу».

Тем временем Мария все глубже погружалась в тину. Когда холодная вода подступила к горлу, ей стало так страшно, что от страха смерти она потеряла сознание.

Очнулась Мария на лесной опушке, встала, осмотрелась. Деревня, в которую она шла, была совсем рядом. «Как я сюда попала?» – задумалась Мария. И тут, воскресив все в памяти, упала она на колени и со слезами возблагодарила Силы Небесные за спасение. Потом встала и вновь осмотрелась. Позади лежал мешок с рыбой. «Миленькая рыбка, и ты со мной спаслась», – и опять слезы радости и благодарения потекли из глаз.

Вернулась Мария в деревню и все рассказала дяде. Дядюшка долго дивился такому чуду: «Я здесь родился и вырос, но никогда не видел, чтобы здесь кто ходил. Это не болото, а Псковское озеро, только оно у нашего

берега покрылось мхом, заросло травой. Глубина здесь такая же, как в озере». Долго молчал дядя, потом пере-крестил свою грудь широким крестом и произнес: «Есть Господь и будет. Дивны дела Твои, Господи. Слава силе Твоей, Господи!»

Мария переделалась в сухое платье, а утром отправилась с дядей в Печоры, чтобы оттуда вернуться в свой монастырь.

Знамение накануне войны

Тетя Вера умерла совсем недавно, в довольно преклонном возрасте. Умерла верующим человеком, глубоко раскаявшись в своем былом, многолетнем неверии. А ведь имя-то носила какое – Вера! Вот и призвал Господь ее к вере православной, когда-то давным-давно сделав очевидицей чуда.

– Было это перед самой войной, буквально за какие-то два-три месяца до ее начала. Как сейчас помню: возилась я дома по хозяйству, подошла вдруг к окошку – глянула и обомлела. Там на небе странное сияние: огромные ворота раскрыты и по краям две фигуры с крыльями. Глазам своим не поверила, позвала домашних, все вышли на улицу и долго смотрели, кликнули еще соседей и не уходили, пока сияние не исчезло. Ангелы в воротах скрылись. Старые-то люди говорили, что знамение это небесное предвещает какие-то гроз-

ные события. Так оно и случилось – вскоре началась та Великая война...

«Святой Егорий на коне»

Знаменитый Юрьев монастырь расположен близ Новгорода, на левом берегу Волхова. Это древнейшая святая обитель на русской земле. Самый первый храм еще в 1030 году был возведен в честь великомученика Георгия Победоносца. И все последующие, возводившиеся на месте первого, древнейшего храма, освящались во имя святого Георгия. Покров нашего любимого небесного Архистратига всегда надежно осенял новгородскую монастырскую твердыню.

В годы Великой Отечественной войны фашисты многократно пытались взорвать грандиозный каменный Георгиевский собор XII века – и каждый раз безуспешно!

Святой Егорий на коне –
Конь резв и чуток.
Сияет в золотом огне
О змие чудо...

Так и тогда, в военные годы, святой Георгий явил себя Победителем – не дал фашистскому змию поглотить дивный храм, носящий славное имя.

«Это Ангел-Хранитель позвал тебя...»

После одного необыкновенного случая, происшедшего с Василием, стал он все больше и больше о Боге помышлять, особенно когда еще ближе сошелся со своим старшиной – дядей Федей и узнал от него, что до тридцать третьего года тот служил в церкви диаконом, а по «делу о церковниках» получил пять лет, которые отбывал в Якутлаге.

Дядя Федя постоянно и неукоснительно исполнял молитвенное правило – утреннее и вечернее, а также возносил молитвы ко Господу перед каждым боем или маршем. Батарейцы за своим старшиной были как за каменной стеной. Тут ему пригодился и лагерный опыт – заводить полезные связи, находить нужных и полезных для дела людей, коими он обзавелся в тыловых службах и в полку, и в дивизии. Солдат у него всегда был сыт, обогрет, обут и одет по сезону. И с боеприпасами, и со снаряжением, и с фуражом для лошадей в его батарею никогда не возникало проблем.

А окончательно поверил в Промысл Божий Василий после того чуда, которое произошло однажды в затишье между боями, когда он, утомленный, спал на своем лежаке в блиндаже. В другой половине этого блиндажа, за переборкой с узким проходом, завешанным плащ-палаткой, располагался со своим хозяйством старшина. Среди сна Василий вдруг явно услышал голос дяди Феди: «Иди сюда, Василий, испей водицы святой, у тебя же в горле пересохло». Василий поднялся, находясь все

еще в полусне, шагнул в проем, в другую половину блиндажа. Именно в этот момент и шарахнуло за его спиной. Снаряд, прошивший бревенчатый накат, разорвался, угодив прямо в лежак, на котором еще несколько секунд назад спал комбат. Его только слегка контузило и ушибло бревном плечо... Потом он допытывался у старшины: «Ты же звал меня, дядя Федя?» – «Да нет же, я сам сидел в это время и дремал, когда ударило. Это Ангел-Хранитель твой позвал тебя, значит, зачем-то ты еще нужен на этом грешном свете», – ответил старшина. А и впрямь, раздумывал Василий, дядя Федя его никогда по имени не звал – или по званию, или по отчеству, да и голос вроде бы похож был, и в то же время что-то в нем было таинственное, неземное... И сказал себе: «Вернусь с войны живым – буду служить Богу».

Ангел-Хранитель помог

О своих фронтовых путях-дорогах рассказывает 80-летняя Нина Ильинична Митицкая. Всю Великую Отечественную войну она прошла медсестрой, хотя в первые же дни войны осталась без ноги.

– Нас, молодых сестричек, собрали сначала на Мельничном ручье (под Ленинградом), там брезентовые палатки уже были переполнены ранеными. Мы делали все: ассистировали врачам, делали перевязки, кормили тяжелораненых, топили печки-буржуйки. Потом лагерь свер-

нули, двинулись дальше, через Ладогу. Сначала на тот берег перевезли раненых и медицинское оборудование. Машина, в которой ехала я, шла последней. Немолодой, почерневший от усталости водитель спросил меня: «Машины водить умеешь?» Я мотнула головой: «На велосипеде каталась, на планерах летала...» – «Значит, руль в руках держала. Хорошо. Поедешь со мной в кабине». Едем по льду. Он говорит: «Внимательно следи, что и как я делаю, пока я не отключился». Потом посадил меня за руль, показал, как давить на газ. Вскоре он потерял сознание от голода и переутомления, это была уже восьмая его поездка в тот день под обстрелом немецкой артиллерии. Как я довела машину, не знаю, не иначе как с помощью Ангела-Хранителя.

Небесный помощник

– Этот случай произошел со мной и с моей сестрой Верой, когда мы жили в г. Пушкине. Враг быстро продвигался, и вскоре немцы уже были в городе. Способных к работе местных жителей распределили кого куда: одних – носить воду из колодцев, других – пилить дрова. Мне и Вере поручили колоть дрова. Один из немцев, особенно ненавидящий русских, привел нас в пустую, поврежденную артобстрелом избу и, показав на огромную кучу распиленных дров, сказал по-немецки: «Это надо быстро расколоть, понятно?» Посмотрели мы

на огромную кучу и ужаснулись: как расколоть, когда мы никогда топора в руках не держали? Но спорить с немцем не станешь, и мы принялись за работу. Взяв топор, начали тюкать: раз – по полену, два – мимо. Младшей, Вере, после больших усилий удалось расколоть поленьев 5–6, а у меня ничего не получалось. Высоко взмахну топором, чтобы стукнуть по полену, а топор мимо пройдет, скользя по нему сбоку. Опять подниму, да со всего размаха топором мимо полена – в землю... Беда! Так и по ноге можно!..

Порядочно потрудившись и не выполнив даже сотой доли порученной работы, мы с тоской и страхом поглядывали на огромную неубывающую кучу. И вдруг услышали за дверью, в сенях, чьи-то шаги. Кто-то быстро-быстро пробежал по сеням, дверь открылась, и на пороге появился молодой человек в форме военного летчика: высокий ростом и широкий в плечах, лицо белое с нежным румянцем, а глаза небесного цвета. Он весело взглянул на нас и сказал: «Ну что, не получается? Не так надо!» Одну руку освободил от френча, другую – в карман, взял топор в правую руку и по полену раз, раз... Одной рукой и берет, и ставит, и в сторону отбрасывает. Мы смотрим как зачарованные, переводя взгляд от дров к незнакомцу. Потом он снял френч, повесил на стул и остался в одной голубой шелковой рубашке. Снова замелькал топор в его ловких руках: тюк-тюк, тюк-тюк...

Сидя на корточках, улыбался, поглядывая на нас с Верой, и, сверкая белыми зубами, говорил: «Вот так надо!» Тюк-тюк – и кучи дров нет. Встал, оделся, покло-

нился – и за двери. В сенях слышались удаляющиеся шаги, и все стихло.

Бросились к окну – кругом никого. Выскочили в сени – никаких следов. Вернулись в избу в растерянности. Кто же это был? А тут и немец пришел. Вошел и остолбенел... Все дрова расколоты, а мы стоим посреди избы и смотрим на него. «Кто помогал?» – разъярился немец.

Лицо его исказилось в злобной гримасе. Мы молчали, немец побежал в сени. Во все уголки заглянул, не поленился подняться на чердак. Никого не было. Выскочил на улицу, но на снегу не видно чужих следов. Вернулся в избу и смотрит на нас с порога. Выражение злобы на лице постепенно сменилось недоумением. Он хорошо понимал, что с этой работой в такой короткий срок не справиться и двум здоровым мужчинам, а тут слабые девицы. Снова спросил, но уже тихо и как бы в растерянности и даже с некоторым страхом: «Кто помогал?» Я была посмелее и ответила: «Работа выполнена, а больше ни о чем не спрашивайте».

Постояв еще некоторое время, немец направился к выходу, обращаясь к нам: «Идите обедать». И тихо вышел.

Не дай погибнуть

В православной газете г. Зарайска «Никольские листки» был опубликован следующий чудесный случай.

Это произошло в октябре 1943 года при переправе через Днепр. Зиновий Иванович Немтырев выполнял очередное боевое задание. Привыкший с детства к послушанию, он с готовностью выполнял любое поручение командования. И руководство на него полагалось, зная, что из любых, даже самых сложных ситуаций, Немтырев

найдет выход. Но этот случай поистине чудесен! Зиновий Иванович уверенно вел машину по понтонному мосту через Днепр.

Неожиданно вражеские орудия открыли огонь, и один из снарядов попал в мост. Машина Зиновия Ивановича начала тонуть. «Никола, помоги, не дай погибнуть!» – взывал солдат. Чудом удалось выбраться из кабины машины. Но до берега далеко. Не доплыть Зиновию до берега! Вдруг он почувствовал у себя слева, под мышкой, большую рыбу. Он прижал ее к себе и, поддерживаемый ею, благополучно добрался до берега. И, несмотря на студеную осеннюю погоду, не простудился.

Зиновий Иванович и сейчас частенько вспоминает тот удивительный случай. И каждый раз на глаза ветерана наворачиваются слезы.

Под водительством Николая Чудотворца

Из рассказов З. В. Ждановой.

– 1942 год... В Москве голодали. Тяжело нам было с матерью. Начальник конторы мне предложил поехать вместе с завхозом в командировку в Рязань с тем, чтобы там обменять что-либо на продукты. Я отказываюсь: «Не умею, не смогу, боюсь». Матушка Матрона мне и говорит: «Поезжай, поезжай, не бойся, все сделаешь и на крыльях Божиих прилетишь домой! Я за тебя буду молиться».

Поехали в Ряжск, там деревня за деревней, отошли от Ряжска на 25 километров. Наменяли. Погрузились в санки, пудов по пять, от проезжей дороги далеко. Решили идти к ней напрямик, а кругом бугры, овраги. Время упущено, март. Встали рано утром и по насту пошли. Километра три прошли. Солнце стало припекать, снег как сахар, начали проваливаться. Тянули, тянули... Санки въехали на бугор, а внизу овраг, и мы упали, задыхающиеся, обессиленные. Чтобы прийти в себя, стали глотать снег. В отчаянии я вдруг как закричала: «Николай

Угодник, помоги, погибаю!» Не прошло и секунды, как завхоз поднял голову и говорит: «Смотрите, смотрите, черная точка к нам приближается». Не успела я ответить, как вижу – по оврагам-сугробам едет лошадь с санями, подъехала к нам. Человек почтенного вида в черном до полу армяке, в черной скуфейке на голове, говорит: «А я с дороги почему-то решил свернуть, видно, за вами». Погрузил нас, мы опомниться не могли. Он спрашивает: «Куда вас?» Я говорю: «До Рязска», а он мне: «Ведь вам-то надо в Рязань, в Москву ехать». Я была как одеревеневшая и даже не удивилась. «Я вас довезу до Рязани». Ехали, ехали... Начало темнеть. Он и говорит: «Остановимся переночевать». Посреди полей вдруг видим – возник одинокий бревенчатый дом. Старец-возница говорит мне: «Идите в избу». Вошли, изба пустая, нежилая – справа в углу иконы, под ними стол и лавки у стен, больше ничего... У стола стоит старец с изможденным бледным лицом, в темной одежде, волосы длинные, подстриженные под скобу. Ни слова нам. Мы увидели печку, бросились к ней. Печка натоплена. Прислонились к ней и от пережитого тут же осели на пол и заснули. Утром рано тронулись в путь. Возница, нас не спрашивая, подвозит к вокзалу, берет мои санки: «Скорее, скорее, поезд на Москву отходит». Подъезжаем, а уж первый гудок к отправке. Сесть невозможно, теплушки переполнены. Стоят у входа мужики стеной, не пускают. Он повел рукою: «Раздвиньтесь, посадите их». И они беспрекословно раздвинулись. Кто-то поднял наши санки, и мы оказались в поезде. Я была в таком запале, что даже «спасибо» не сказала, да и не чувствовала ничего. Приезжаю

домой, а матушка говорит: «Ну что, на чьих крыльях прилетела?»

И вот прошло тридцать лет, прежде чем я поняла, на чьих. Как же долготерпелив и милостив Господь! Прихожу в храм Покрова Пресвятой Богородицы, ставлю свечку Николаю Угоднику... Господи, да ведь это был он, великий чудотворец, тот же лик я вижу под митрой. С тех пор душа преисполнена благодарности и теплой, безграничной любви к святителю Николаю, нашему скорому помощнику. И только теперь я задаю себе в удивлении вопросы: как могли сани так быстро подъехать к нам без дороги, как могла пройти лошадь по глубоким оврагам с рыхлым снегом? Почему помощь явилась мгновенно после моего вопля к Николаю Чудотворцу? Что это был за дом одинокий среди безбрежных полей? Как возница узнал, откуда мы, и привез нас к самому отходу поезда?.. И кто был тот старец под иконами, в избе, и была ли вообще эта изба? Как жаль мне маловерных людей, сомневающих в том, что такие чудеса могут происходить и в наше время.

Никола Хлебный

Рассказ Н. М. Коняева из Санкт-Петербурга.

— В храме — справа, на стене, образ Николая Чудотворца. Лик почти не различить — буровато-коричневой темнотой запеклись краски! — но глаза смотрели ясно, живо

и очень добро... Едва вошел в церковь, сразу потянуло к этому образу. Что-то простое, надежное и необходимое было в нем, как в куске хлеба. «Так это и есть Никола Хлебный», – пояснила мне монахиня. «Никола Хлебный? – удивился я. – Первый раз такое название иконы слышу». – «И мы не слышали, пока икону не принесли», – сказала матушка и выдвинула вделанный в киот ящичек для свечей. В ящичке лежали узкие полоски бумаги.

Первый раз в жизни видел я их... (Это были продовольственные карточки военных лет.) Одна карточка была выдана на имя Елизаветы Ефимовны Хмелевой – ей полагалось получать в ноябре 1941-го по 400 граммов хлеба. Вторая – на имя Марии Петровны Павловой, получавшей в ноябре 1941-го полную норму – 800 граммов.

Ноябрьскими карточками ни Елизавете Ефимовне Хмелевой, ни Марии Петровне Павловой не суждено было воспользоваться: 16 октября немецкие войска начали наступление в направлении Грузино – Будогощ – Тихвин и 8 ноября овладели городом, пытаясь сомкнуть второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Об этом я и сказал матушке. «Не знаю... – покачала головою монахиня в ответ на мои слова. – Женщины, которые образ этот церкви пожертвовали, другую историю рассказывали». – «Какую же?» – «Они сами ее только слышали от взрослых... Все так и было. И немцы наступали. И в оккупацию женщины попали... А есть нечего. Карточки эти немцы ведь не отоваривали... В общем, хоть с голоду помирай...»

Поплакала Елизавета Ефимовна (это ей и принадлежал образ), засунула свою хлебную карточку в свечной ящик, помолилась Николаю Чудотворцу и спать легла. А утром смотрит – на столе хлеб, в четыреста граммов кусок... А тут как раз соседка заходит, Мария Петровна. «Это ты, Маша, хлеб принесла?» – спрашивает у нее Елизавета Ефимовна. «Нет, – говорит та, – откуда? Сама без хлеба сижу...» Рассказала ей Елизавета Ефимовна о чуде, и Мария Петровна упросила опустить и ее хлебную карточку в свечной ящик...

«Вот так и прожили женщины оккупацию», – завершила рассказ монахиня.

Как уж получилось это – неведомо, а только каждое утро по куску хлеба находили... Святитель Никола Хлебный кормил их всю оккупацию. Недолго, правда, и были-то в оккупации, месяц только. Уже в декабре освободили наши войска Тихвин.

Монахиня перекрестилась, взяла «чудотворные» хлебные карточки из моих рук и бережно спрятала их в свечной ящик.

«Имя мое – Николай»

Об этой чудесной встрече со святителем Николаем Чудотворцем в предблокадном Ленинграде рассказала актриса Любовь Соколова.

«Вспоминаю, как в июле 1941 года (жила я тогда в Ленинграде), в день моего рождения, мы поехали со свекровью по делам за город. Вышли из вагона, идем по улице, вдруг – подходит ко мне статный бородатый старичок. Он очень мягко меня остановил, заглянул в глаза и говорит: «Имя мое – Николай. Ты будешь есть по чуть-чуть, но выживешь». (А мы ведь тогда еще голодную блокаду и представить не могли.) И еще он сказал: «Выучи молитвы: «Отче наш» и по-немецки – «Guttes Mutter, hilf mir» («Матерь Божия, помоги мне»). Сказав это,

старичок отошел от нас и скрылся за забором, а свекровь моя, опомнившись, говорит: «Это же Николай Чудотворец! Догони его!» Я бросилась за забор, а там огромный пустырь, и никого нет. Человек не мог здесь никуда исчезнуть столь быстро. Мы тут же пошли в церковь, и там, взглянув на икону Николая Чудотворца, я сразу же узнала того старичка.

В годы ленинградской блокады голод скосил всех моих близких, в том числе и свекровь. А я выжила — и это было чудом! И молитвы, заповеданные святителем, читала каждое утро...»

На грани отчаяния

Это было во время Великой Отечественной войны. Отца у нас расстреляли коммунисты. Его забрали в 1937 году, в два часа ночи. Когда утром мама пошла узнавать о нем, ей сказали: «Срок заключения — десять лет, пять лет лишения в правах. Переписка с семьей не разрешается». У мамы сразу открылся порок сердца. Нас у нее было восемь человек детей. Но Господь Милосердный стал забирать детей, и нас у мамы осталось двое; моя сестра, 1931 г. рождения, и я, 1935 г. рождения. Мы жили очень плохо, голодали.

И вот однажды мама продала хлебные карточки на месяц и накупила булавочек, иголочек и других вещей. И поехали они с соседкой в деревню — менять все это на

картошку. А дело было ранней весной; таял снег, и кругом была вода. Мне тогда было, наверное, лет восемь или девять. Они наменяли по мешку картошки и поехали домой на санках. Надо было ехать через лес, а время близилось к вечеру. Они думали, что успеют выехать из леса, уже почти проехали его. И вдруг – кругом вода: куда ни поедут, везде по колено. Мама моя все молилась Чудотворцу – Николаю Угоднику. Они с соседкой измучились. Стало уже темно, и они решили дожидаться утра. И вдруг слышат: едет телега, и старческий голос понукает лошадей: «Но! Но!» – они обе слышат и друг другу ничего не говорят. Потом совсем близко от них послышался скрип колес – и все затихло. Мама говорит: «Давай посмотрим: может, там есть какой проход». Подошли – а там лежат три широких доски, как мостик; они и проехали. И тогда они поняли, что это был голос святого Николая Угодника.

Буханка хлеба на снегу

Казалось бы, этим уже сегодня никого не удивишь: ну, воздвигли еще один новый храм и дали ему имя самого почитаемого на Руси святого – Николая Чудотворца. И все-таки...

Этот очередной новостроящийся питерский Никольский храм (на станции Предпортовой, при железнодорожном депо) – особенный.

Храм... из сновидения!

Храм – в память о блокадном чуде!

Мысль о строительстве храма родилась десять лет назад. Бывший блокадный мальчишка, а ныне – Юрий Михайлович Филаретов, став начальником поезда, увидел сон: буханку хлеба на снегу. В войну это чудо случилось наяву: буханка явилась неизвестно откуда, вокруг не было ни души. Хлебушек спас тогда от голода трех ребятишек. Удивительный сон повторялся не раз и открыл глаза бывшему партийцу, что это было чудом Божиим, за которое настало время благодарить Господа.

Благое стремление Юрия Михайловича построить Божий храм поддержали высокопоставленные питерские начальники, чьи имена сейчас поминаются в благодарственных молитвах.

Удивительно красив этот новый храм на подъезде к Петербургу – устремленный в небо, с прекрасными росписями. В память о блокадном чуде!

Небольшая лодка, а в ней – старичок...

Бывший военный летчик рассказал о том, как во время Великой Отечественной войны его спас святитель Николай. Мать этого летчика была верующей, сам же он был далек от Церкви, но смирился и не возражал, когда родительница зашила ему в карман гимнастерки какой-то небольшой медальон.

Воевать летчику пришлось на Севере. Однажды в бою его самолет подбили, и он выбросился с парашютом. И все равно он был обречен: хотя и не мог утонуть, так как был со спасательным поясом, но температура воды в Баренцевом море была такой низкой, что смерть от холода наступила бы довольно скоро. Вдруг он услышал плеск весел. Смотрит: небольшая лодка, а в ней – старичок. Он втащил летчика в свою лодку, довез до берега и устроил на пригорке, откуда были видны огни так редко встречающегося на Севере селения. А оттуда уже спешили на помощь ему люди. Летчика обогрели, накормили и очень удивлялись, как смог он добраться до берега. Никакой лодки на берегу не было, старичка, о котором рассказал летчик, тоже нигде не было видно. Но когда летчика стали переодевать во все сухое, то обнаружили зашитый медальон. Взглянул летчик на изображение – и узнал спасшего его старичка. Это был образок свяителя Николая Чудотворца, которому мать молилась всю войну о сыне, – и тот вернулся с фронта живым.

Святитель Николай через минное поле провел

В 1988 году о. Владимир Емеличев (тогда еще мирянин) нес послушание инженера-энергетика в Толгском монастыре. Однажды приехала в обитель слепая паломница из Москвы. Она так поразила Владимира своей

сильной и светлой верой, что он, не удержавшись, спросил, как она пришла к вере. И записал ее замечательный рассказ.

В Великую Отечественную войну я была на фронте разведчицей. Боевая была и смелая. Однажды послали нас на задание. Перешли мы линию фронта, углубились в тыл противника и, успешно выполнив задание, возвращались к своим. Но недалеко от линии фронта нас окружили фашисты. Завязался бой. Патронов и гранат у нас было мало – долго не продержишься. Командир группы отдал приказ рассредоточиться и пробиваться поодиночке. Но как пробиться, если сзади фашисты, а впереди, перед линией фронта, большое минное поле? Где в нем проходы, – мы не знали, а идти наугад – это верная смерть. Я тогда была неверующая, хотя и крещеная. Время шло, фашисты уже прижали нас к минному полю, и мы понимали, что это конец. Вдруг откуда-то появился старичок в полушубке, с автоматом – седой такой, с бородой. Рукой нам машет и кричит: «Эй, кто за мной – Господу помолимся!» А я уже прощалась с жизнью и, подумав о своем неверии, вдруг в отчаянии взмолилась: «Хоть бы призыв этого старика меня вразумил!» Но откуда он взялся? Ведь это же явно не наш брат-разведчик – мы-то все в грязи, ободранные (по болотистому лесу пробирались), а он, старичок, такой чистенький, в полушубке новом. И вот он развернулся и молча пошел через минное поле – а я за ним! Вокруг пули свистят, а мы идем, невидимые, – так и прошли через все минное поле. А когда добрались до своих – мой проводник вдруг исчез. С той

поры не давал мне покоя вопрос: что же это за таинственный спаситель был? И вот уже после войны зашла я как-то в церковь и увидела икону святителя Николая Чудотворца. И обомлела: узнала того, кто меня через минное поле провел. Вот так я и уверовала. Да и как могло быть иначе, если сам святитель к вере меня привел!..

«Золотой» – в подарок

Голод и холод в годы войны – и сколько трогательных, умиляющих душу чудес рассыпано по дорогам того лихолетья! Пожилая монахиня из Ивановской области рассказывает о «золотом» десятирублевике из времен ее военного детства...

Дело было на зимнего Николу. У нас ничего не было. Мама лежала больная. Она была в отчаянии и говорит: «Хоть бы очистки были от картошки!» Мы собирали их на помойке. Она встала и пошла во двор. У нас во дворе была конура, а собаки не было. И вот мама в этой конуре нашла рукав от фуфайки, принесла его домой и как бы назло говорит: «Сейчас буду работать!» Мы легли спать, но нам не спалось, мама сидела одна, и слышу, говорит: «Распорю рукав и состегая Любе (это мне) шапку». Начала пороть, – а сама все молится Николаю Угоднику. И вдруг она подходит к нам и говорит: «Люба! Вера! Вставайте! Нам святитель Николай послал пода-

рок!» – и держит в руке десятирублевый золотой, который оказался зашитым в том рукаве. Я, ничего не понимая, говорю: «Нашла копейку – и радуется!» Мы этот золотой продали – так появились у нас, голодных и обездоленных, и мука, и деньги...

Чудесный гость

Рассказ монахини Ф. из Ивановской области.

– Дело было под Рождество Христово, помню, еще шла война. Есть нам было нечего, мама лежала больная. И вот вечером мама говорит сестре: «Вера, води Любу в деревню. Она побегает по домам и чего-нибудь наберет: а ты в это время походи по лесу». Вера стеснялась ходить просить, говорила: «Умру, но не пойду!» А я ради мамы хоть куда могла пойти! Мне было, наверное, лет десять или одиннадцать. Мы все легли спать. Слышу, мама плачет и говорит: «Господи, наверное, для меня и места здесь нет! Забери Ты меня и детей моих!» Было уже поздно, а от голода и сна никакого нет. Смотрю: мама моя поднялась и вышла в сенцы. Я очень любила маму и поэтому всегда была рядом с ней. И сейчас тоже быстро поднялась и села на кухне в уголок на лавку прямо под иконы, где стоял стол. Прижалась и сижу. Зашла мама, принесла кизяки топить печку и говорит мне: «Зачем ты встала, ведь холодно!» Мама затопила печку, а сама облокотилась на загнетку и плачет.

Вдруг раздался стук в дверь. Мама, не оборачиваясь, спрашивает: «Кто там? Входите!» Входит старец: такой приятный, такие добрые глаза, крестится на иконы и говорит: «Подайте милостыню, ради Христа!» Мама моя даже не видит, кто зашел, плачет и отвечает ему: «Прости, но у нас нет даже крошки!» Он тогда и говорит: «Ну, разрешите мне хотя бы погреться!» Мама говорит: «Грейся – не жалко». Он встал рядом со мной. Мама же все продолжает плакать и не оглядывается, а я думаю: «Может, он что-нибудь даст мне?» – и смотрю на него.

Вдруг вижу – у него в руках появился кусок материала и иголка с ниткой; он ниоткуда их не вынимал, они именно появились у старца в руках. И материал был, как на священнических ризах – это я после узнала. Я закричала: «Мама! Мама!» Мама подошла и говорит ему: «Ты что шьешь?» Он отвечает: «Сумку». Мама говорит: «Давай я тебе сошью!» Он отдал, и пока мама шила, он все повторял ее слова, – те, которые она часто говорила: «Господи, смилуйся надо мной, мне надоело страдать, я не могу смотреть на детей, я больше не могу выдерживать!» Я часто слышала, как мама это говорила. Потом старец глянул на нее и говорит: «А Бог заставляет, говорит: „Живи!“»

Мама сшила ему сумку, а он говорит: «Выверни ее мне, пожалуйста, чтобы туда хлеб класть». Встал, перекрестился и вышел. Мама вышла его провожать и, когда вернулась, с удивлением говорит: «Люба, он исчез прямо в дверях. Ты знаешь, кто это был?» И молча показывает на икону святителя Николая Угодника. Я как закричала: «Да, мама! Он! Он!» И только я это сказала, встает

сестра и спокойным голосом говорит: «Люба, скорее одевайся! Пойдем в Ракшу», – это такая деревня. Мама, не веря, что сестра согласилась вести меня в деревню, опять упала перед иконой и стала плакать и благодарить святителя Николая. Так святитель Николай чудесным образом сшил нам сумку, и мы пережили это трудное военное время.

С иконой – через линию фронта

Одной из главных святынь петербургского храма «Кулич и Пасха» является старинный чудотворный образ святителя Николая. Икона – родом из деревни Саблино Тосненского района, Ленинградской области, а ее дивную «родословную» хорошо знает протоиерей Владимир Ноздрачев из соседнего села Рождествено. Его рассказ – истинная жемчужина, на радость всем читателям.

– Чудотворный образ святителя Николая до войны находился в Свято-Троицкой церкви города Колпино, рядом с Царским Селом. В 1937 году колпинский храм Святой Троицы был закрыт, но чудотворный образ был спасен от поругания и уничтожения благочестивыми прихожанами. Где он находится, никто не знал. А в Колпине жили две сестры, Пелагия и Параскева, известные своим праведным образом жизни. И во время Великой Отечественной войны, когда Питер был окружен немцами, к одной из сестер во сне явился святитель Николай

и велел ей пойти в Саблино и взять его икону, которая находилась в заброшенной, загаженной часовне на кладбище. А она села на кровати и говорит: «Святитель Николай, куда же я пойду? Я с голоду опухла и по комнате едва передвигаюсь, где мне столько километров пройти?!» А на следующую ночь святитель опять к ней явился: «Параскева, я тебе говорю: вставай и иди!» Делать нечего – поднялась, стала расхаживаться, вроде бы полегчало. На третий день оделась, обулась, перекрестилась, упала на колени перед иконами, поплакала – пошла... «Представьте себе, – рассказывала она потом, – перехожу нашу линию фронта, перекарабкиваюсь через окопы – никто меня не видит и не слышит. А дальше немецкая линия – там то же самое. Как шла – сама не помню, но дошла все-таки до этой часовни в Саблино. И там на полу нашла образ святителя Николая. Подняла, вымыла снегом и понесла домой. И опять так же невидимой и неслышимой перешла обе линии фронта».

Потом Параскева передала этот образ в церковь «Кулич и Пасха»... Жили обе сестры в нищете, и священник о. Федор Цибульский назначил им денежное пособие от церкви на пропитание. «Это его Николай Угодник надумил» – в простоте верили сестры. И в дальнейшем святитель всегда им скорым помощником был, заступником и утешителем.

«Святитель Николай – есть!»

В 1941 году Диме Розову исполнилось восемнадцать лет. Началась Великая Отечественная война. На фронт Дмитрий пошел добровольцем и попал в торпедную часть. Его мать глубоко верила в Бога. Провожая сына, она благословила его образом святителя Николая Чудотворца. С иконой матери юноша не расставался ни на минуту.

Спустя недолгое время, поздней осенью, торпедный катер, на котором он служил, наткнулся на мину и взорвался. После взрыва Дима очнулся в открытом ледяном море. Нигде не было видно никаких следов подорвавшегося судна. Бушлат промок и тянул в воду, грузной тяжестью висели свинцовые, налитые водой сапоги, но Дмитрий пытался держаться на плаву. Скоро он окоченел в холодной воде, начались судороги, сил больше не было. Вспомнив в последнюю минуту о матери, Дима полусознанно позвал на помощь Николая Угодника и потерял сознание.

Обморок длился несколько часов. Опомившись, Дмитрий обнаружил себя на берегу: он лежал в насквозь мокрым бушлате, сапоги были полны воды: Дмитрий остался жив. Прошло много лет после войны, и, рассказывая своему другу-художнику Льву Михайловичу Рыжову об этом эпизоде, он говорил: «Так я уверовал, что святитель Николай – есть!» Это за молитвы матери спас Николай Чудотворец от гибели восемнадцатилетнего Диму.

«Дедушка» помог

В начале Великой Отечественной войны хлеб выдавался по карточкам в очень ограниченном количестве. Утерянные месячные карточки не восстанавливались. Под Москвой жила благочестивая многодетная семья. Отец был рабочим. За хлебом в этой семье ходил в магазин старший из детей, Коля, тринадцати лет. Зимой, в день святителя Николая, он встал пораньше и пошел занимать очередь, так как хлеба хватало лишь на несколько человек. Коля пришел первым и стал ждать у дверей магазина. Неожиданно он заметил четырех парней, которые направлялись к нему, и испугался, что они отнимут хлебные карточки. Это обрекало на голодную смерть всю семью. В ужасе он мысленно возопил: «Святитель Николай, спаси меня!»

Рядом с ним появился старичок, который подошел к мальчику, взял за руку и на глазах у ошеломленных и оцепеневших от удивления парней увел его домой. Около дома «дедушка» исчез.

Вызволил из неволи

Рассказывает матушка Магдалина, г. Хельсинки.

– В годы Великой Отечественной фашисты забирали с оккупированных территорий здоровых и сильных юно-

шей и девушек и отправляли работать в Германию. Попала туда и моя знакомая Мария. После уж рассказывала, что работали они на ткацкой фабрике, а жили в общешитии по 22 человека в комнате. После тяжелой, изнуряющей работы девушки были предоставлены самим себе, занимались, кто чем хотел.

Многие часами плакали от тоски по своим близким, вспоминали родные места. Мария не плакала, она потихоньку молилась святителю Николаю, просила его выволить их из неволи. Потом и ночью стала подниматься на молитву. Девушки сначала подтрунивали над ней, но потом тоже стали молиться. Однажды во время такой коленопреклоненной молитвы явился им воочию св. Николай. Святитель одобрил их действия и сказал, что вскоре они будут освобождены и ни одна из них не погибнет. Так на самом деле и случилось.

А Мария жива и сейчас. Благодарит Бога и дивного Чудотворца, святителя Николая.

«Старый священник»

Участник Великой Отечественной войны по имени Николай рассказывал одному священнику о том, как он бежал из немецкого плена. Он пробирался через оккупированную Украину по ночам, а днем где-нибудь прятался. Однажды, пробродив ночь, он заснул под утро во ржи. Вдруг кто-то разбудил беглеца. Очнувшись, он

увидел перед собой старичка в священническом одеянии. Старый священник сказал, что приближаются немцы, и указал на густой кустарник у реки, где можно было спрятаться. Николай бросился туда, но тут же спохватился, что не поблагодарил своего спасителя. Когда он обернулся, того уже не было. Он понял, что сам святитель Николай, его святой покровитель, спас его.

Добежав до реки, Николай бросился в воду, выбрался на другой берег и спрятался в кустах. Во ржи уже шли немцы с собакой, которая привела их прямо к тому месту, где он недавно спал. Покружившись, она повела немцев к реке и здесь потеряла след. Потихоньку пробираясь по кустам, Николай ушел от погони.

«Вот и хозяин наш!»

В конце Великой Отечественной войны несколько солдат шли зимой из окружения к своим на восток. Шли они много дней. Идти приходилось и дорогами, и целиной, утопая по колено в снегу: боялись попасть в плен к немцам. К вечеру одного из таких дней они, совсем обессиленные, вышли на какое-то поле. «Верно, здесь нам и замерзать», – сказал кто-то. Вдали увидели огонек и пошли на него. На горке посреди поля стояла совсем крошечная избушка. Один из солдат постучал и вошел: там

сидел старичок, занятый подшивкой валенок. Просить не пришлось: старичок всех впустил и оставил ночевать. Бойцы вошли в теплую избушку и повалились на пол. Сон сморил сразу. Когда кто-то из них открыл глаза, было уже утро. Все солдаты в куче лежали не на полу, а на земле, слегка запорошенные снегом. Над ними была не крыша, а небо, и в тишине утра где-то близко раздавался благовест. Солдаты вскочили и пошли на звон колокола. Когда они вошли в храм, один из них громко сказал, указывая на икону святителя Николая: «Вот и хозяин наш!»

Ты сохранил храм – Господь сохранил тебя

Весной 1997 года Иван Григорьевич Жело, участник двух мировых войн, отпраздновал свое столетие. Господь не только дал долголетие, но и сохранил Своего верного раба до конца жизни в силах, здравом уме и твердой памяти. Через месяц после дня рождения Иван Григорьевич зашел в дом с огорода, где он с пяти утра пропалявал грядки, лег на кровать, сложил руки крестом и мирно предал дух свой Небесному Отцу. Верим, что при этом светлом событии присутствовал и Угодник Божий, Мир Ликийских Чудотворец, святитель Николай. Почему именно он? Давайте послушаем рассказ священника Михаила Шполянского.

Канун Великой Отечественной войны... Украинское село Старая Богдановка, уже закрытый к тому времени храм святителя Николая... В селе появляется представительная комиссия из райсовета с документом, в котором предписывается разобрать здание церкви на камень. А председатель колхоза (он же и староста храма) Иван Жело, на предложение расписаться в получении «циркуляра», пишет на сей бумаге своей рукой: «Я этот храм не строил, я его и разбирать не буду». Реакция начальства понятна: «Ну, Ваня, суши сухари, сам себе судьбу выбрал, едем на тебя документы оформлять...» И Иван Григорьевич собрал нехитрые этапные пожитки, и принялись они с супругой действительно сушить сухари на долгую дорогу... Однако проходит день, другой – все тихо. Что же случилось? Вскоре доходят слухи из района: пока комиссия каталась по селам со своими бумагами, из Киева прибыли сотрудники соответствующего органа с предписанием арестовать все руководство района за троцкистский уклон. В конторе уже ждали... Поразительно, но в возникшей кутерьме взрывоопасная бумага как-то затерялась; во всяком случае, она уже никогда нигде не всплывала. Иван Григорьевич остался председателем колхоза, с начала войны был призван на фронт, прошел всю войну на передовой до последнего дня, был несколько раз ранен, но в родное село вернулся живым и здоровым. Так святитель Николай, в благодарность за сохранение своего храма от поругания и гибели, предстательствовал пред Господом о даровании Ивану жизни и здоровья в военное лихолетье. И сохранил его на многие лета.

Под надежным покровом

Иногда случается так, что один только факт, сообщение о событии – уже воспринимается как чудо! Ну, посудите сами...

1944 год – еще грохочет, дымится война, а в далеком от нашей Родины Тегеране возводится великолепный храм – Свято-Николаевский собор. Православные выходцы из России были его первыми прихожанами.

И ныне действует храм – и славится в нем имя вселенского чудотворца в акафистном служении! А рядом с храмом под руководством настоятеля собора о. Александра Заркешева начались работы по перезахоронению останков наших воинов, погибших в Иране в годы Великой Отечественной войны. Под надежным покровом святого Николая упокоились наши прадеды, деды, отцы...

В окружении

Папу моего звали Евгением. Он был ветеринар, и, когда началась война, его взяли в кавалерию. Ему выдали пустую кобуру, а немцы-то наступали на танках да на самолетах...

И оказались наши в окружении, в «котле» под Смоленском, под городком Ярцевом. Немец бомбит, а

у наших одна винтовка на пятерых... Страх. Солдатику осколком ноги оторвало; он под сосной сидит, каждого просит: «Добей, браток!»

А немецкие самолеты «мессеры» идут и идут волнами; от бомб земля содрогается. Тут и безбожный комиссар на колени упал, Бога о спасении молить стал. Один из командиров собрал колонну наших бойцов и повел ее на прорыв, да напоролись на мощный немецкий десант. Все побежали, и папа тоже побежал. Немцы за ними гонятся, из автоматов строчат.

Папа бежит, задыхается, полы шинели разлетаются; а в голове только одно и звучит: «Господи, спаси!.. Господи, спаси!..»

Добежал до леса, упал, приник к земле, как к родной матери. Стал прислушиваться: позади все стихло.

Долго лежал не шевелясь; а поднялся, стал с шинели листья-хвоинки счищать – глядь: все полы шинели изрешечены пулями, а на нем самом – ни царапины!..

Бог спас и сохранил.

Сел он на поваленное дерево, сухарик в лужу макает, ест, а слезы так и текут по небритым щекам, так и текут...

Дальше папа в одиночку пробирался из окружения к своим. Вскоре в лесу к нему пристал еще один красноармеец, и они пошли вдвоем.

Когда проходили мимо лесной деревни, решили зайти напиться воды, да попали в засаду: немцы выскочили и, толкая их в спины дулами автоматов, повели к своему офицеру.

Завели в избу. Офицер взглянул на пленных и сказал:
– Am morgen erschiesen!

Папа немного понимал по-немецки. Офицер приказал: «Утром расстрелять!»

– Попить дайте... – попросил папа, с трудом шевеля пересохшими губами. Не дали. Повели в амбар.

В это время из амбара вывели на расстрел одного пленного красноармейца. Поставили на огороде. Раздалась короткая автоматная очередь, и вслед за ней – громкий самодовольный говор и смех немецких солдат. Расстрел был для них потехой.

Папу и его товарища втолкнули в темный амбар и заперли. Папа тотчас принялся ощупывать каждую половицу и каждое бревно в стенах. Амбар был крепкий, как литой.

– Все, верная смерть, – сказал папа. И добавил с обидой: – Попить не дали...

Ночью, в темноте дверь в амбар отворил какой-то белый старичок. Был он невысокого роста, весь в белом, с белой бородкой. Чудесный старичок широко распахнул дверь, приглашая выйти, бежать. Папа быстро поднялся с пола и шепотом позвал своего товарища. Тот побоялся бежать и остался в амбаре, а папа бежал.

Бежал долго, все больше лесом, пока не вышел снова... на ту же деревню!

Бросился назад в лес, перешел реку по пояс глубиной и побежал дальше лесом...

Потом всю жизнь вспоминал, как его спас от расстрела таинственный чудесный белый старичок. «Николай Угодничек», – всегда добавляла к его рассказу мама.

Святой образ

Мама моя была сиротой и воспитывалась в семье священника. Сначала ее взяли как прислугу, потом полюбили и стали воспитывать вместе со своими детьми. Это была очень верующая семья. Сам батюшка, глава семейства, вел жизнь подвижника. Его вера передалась девочке-прислуге, моей будущей маме. Впоследствии она тоже вела строгую, благочестивую жизнь...

Так начала свой рассказ Анна Михайловна, медсестра из Волгограда, вспоминая военные годы. Мама ее жила тогда отдельно от дочери – в своем домике на берегу Волги.

– Но во время боев, когда особенно сильно стали бомбить, мама перебралась ко мне, сказав: «Если погибнем – то хотя бы вместе». Когда кончились продукты, мама вспомнила, что у нее в домике осталась картошка, и послала меня за ней...

И как только стрельба немного утихла, Анна Михайловна отправилась в домик матери. Дошла она благополучно, открыла замок, вошла в дом и уже в прихожей заметила, что в доме как-то особенно светло. Прошла в комнату – половины стены со святым углом не было, зияла пустота. А посреди комнаты возвышалась гора обломков – все было разбито вдребезги. И только святой образ в застекленном киоте – старинная икона Николая Чудотворца, которой благословил когда-то священник своего приемыша – девочку-прислугу, был цел и невредим: припорошенный известковой пылью, он мирно

покоился на горе обломков. Забыв, за чем пришла, Анна Михайловна радостно припала к дорогой ее сердцу святыне. Так святитель утешил и ее, и маму.

Спасение от голода

В 1943 году женщина осталась одна с тремя распухшими от голода детьми, не имея возможности приобрести продовольствие даже по карточкам. Дома у нее был потемневший от времени образ святителя Николая, хотя она особенно и не почитала его, никогда не молилась. В храм она не ходила. В отчаянии несчастная мать подошла к иконе и стала упрекать святителя Николая, крича: «Как ты можешь смотреть на все эти страдания, на то, как я мучаюсь, бьюсь одна? Видишь, мои дети умирают от голода? А ты абсолютно ничего не делаешь для того, чтобы мне помочь!» Она выбежала на лестницу и, не в силах смотреть на гибель детей, решила больше не возвращаться домой. Не успела обезумевшая от горя мать добежать до парадной двери, как споткнулась, упала и увидела на полу две десятирублевые ассигнации, сложенные крест-накрест. Женщина была потрясена, стала искать: может быть, кто-то уронил, но никого не было. И она поняла, что Господь помиловал ее, и святитель Николай послал ей эти деньги. Это произвело на нее столь сильное впечатление, что стало началом ее обращения к Богу, к Церкви. На посланные ей деньги

она купила продукты. Но самое главное, она обрела веру в то, что Господь рядом, что Он не оставляет человека и что в такие тяжелые моменты, когда человеку необходима помощь, Господь обязательно подаст ее.

Женщина стала ходить в храм. Все ее дети стали воцерковленными православными людьми, а один сын стал священником.

«Благодарю святителя Николая...»

Вспоминая сегодня тот далекий-далекий первый день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, наша собеседница Л. Данилычкина из Петербурга вспоминает и свою милую, добрую бабушку, умершую в блокадном Ленинграде. Это она буквально накануне войны окрестила Ларису тайно от ее родителей и научила юную отроковицу молиться о них перед сном святителю Николаю Чудотворцу. Семя веры упало на добрую почву и не замедлило дать желанные всходы.

— Мой отец был кадровым военным, в 1941-м служил в пограничном Гродно, семья наша жила там же. 22 июня я проснулась очень рано от сильного грохота, думая, что началась гроза. «Нет, это — война! Папу вызвали в штаб...» — сказала мама. Над нашей улицей уже шли воздушные бои. Страх сковал мое детское сердце. Но, вспомнив завет дорогой бабушки, стала горячо и усиленно призывать на помощь святого Николая. Молилась

я непрерывно – детская вера в спасение согревала меня. К вечеру стрельба стала утихать, наши войска отступали, а немцы были еще за Неманом. Город горел, на артиллерийском складе рвались снаряды. Я продолжала призывать на помощь святителя – ждала возвращения родного отца. Сидим весь день в подвале, до самой темноты. И вдруг во двор въезжает полуторка, из кабины выпрыгивает папа, за считанные минуты собирает наши теплые вещи – и вот мы уже мчимся по городу. Папа исполняет приказ – надо вывезти из Гродно семьи командиров.

Трое суток под обстрелами, бомбежками, в зареве пожаров ехали мы до Орши. А я, подросток, школьница, молилась и молилась, как умела: сладостное имя Николы Чудотворца сроднилось с моим детским сердцем.

Что было потом? Конечно же, и об этом помнит раба Божия Лариса: папа – на фронте, мама и она с братиком – сначала в Ленинграде, затем в эвакуации, в Чувашии. Подростала девочка в тяжких испытаниях военных лет – крепла ее молитва, углублялась вера.

– Нисколько не сомневаясь, что нас спас от немцев святитель Николай, я всю войну ежедневно, никому об этом не говоря, молилась о спасении папы. И он, находясь все время на передовой, не получил ни одного ранения и войну закончил в Праге 9 мая 1945 года. Так во мне были посеяны семена веры, которые взошли потом, через много лет. Я до сих пор благодарю святителя Николая за спасение нашей семьи в далеком 41-м и за ту помощь, которую он мне оказывал в дальнейшем и по сей день. Святителю отче Николае, моли Бога о нас!..

Явление игумена Земли Русской

Рассказ очевидца.

– Мы жили в то время на Украине, рядом была Курская область. Шел 1943 год. Линия фронта была совсем близко. В то время шли приготовления к знаменитой Курской битве, но мы, конечно, этого не знали. Однажды заходит в хату отец и говорит маме: «Мать, иди на улицу, посмотри, что там!.. И вы тоже идите!» – это уже нам, детям. Мы выходим все гурьбой на улицу, отец указывает рукой и говорит: «Вот, смотрите!» Смотрим вверх и вдруг видим, как по небу ходит человек! Это видели все собравшиеся жители деревни. Принесли цейсовские бинокли. В бинокль хорошо видно, как ходит по небу человек в черной монашеской одежде, седой, с крестом на груди. Ходит и кадит. Ходил он так довольно долго. Затем он повернул в сторону России и ушел, постепенно превращаясь в маленькую точку, а затем и совсем исчез из виду.

Было это как раз накануне решающей танковой битвы под Прохоровкой. Я рассказывал иногда некоторым людям этот случай из моего военного детства. Однажды я рассказал его молодым ребятам у себя на работе. Через какое-то время они приносят мне воспоминания одного генерала, участника Курской битвы, и я читаю там удивительную вещь. Оказывается, перед началом битвы был такой момент, когда немецкие танки были уже готовы к бою, а наши еще только привезли по железной дороге, и они стояли неразгруженные на

железнодорожных платформах. Немцам надо было только подъехать и расстрелять всю нашу технику в упор, прямо на станции. Но в течение сорока минут ни одна немецкая машина без всякой видимой причины не смогла завестись! Этого времени как раз хватило, чтобы разгрузить наши танки, построить их в боевой порядок и начать величайшее в истории танковое сражение, где мы одержали решительную победу. Прочитав это, я понял, что значило мое детское видение накануне этой битвы. А на недоуменные вопросы о том, кто же все-таки ходил по небу с кадилом, ответил ныне уже почивший наместник Псково-Печерского монастыря отец Алипий (Воронов): преподобный Сергей Радонежский, игумен Земли Русской, и в тот грозный военный час явившийся ее заступником.

«Ты будешь жить!»

Перебирая в памяти эпизоды своего полузабытого детства, этот убеленный сединами ветеран войны, бывший офицер, с особой теплотой вспоминает родной Арзамас и соседний с ним Саров, окруженный вековым монастырским лесом. В те далекие богоотступнические 20-е годы ему, юнцу-пионеру, довелось увидеть на месте прославленной обители бараки для заключенных, лагерные вышки да огромное кладбище «зэков». Имя же Саровского чудотворца мало что говорило.

...Грянула война – и он ушел на фронт. Но перед самой отправкой мать уговорила сына пойти с нею в арзамасский храм. Икона преподобного Серафима утопала в живых цветах, жарко истаивали горящие свечи. И как же горячо молилась мама! А утром, прощаясь с ним, уже на пороге вдруг сказала: «Я верю, что останешься жив. Я буду молиться, и он сохранит тебя». – «Кто – он?» – спросил сын. – «Наш святой – батюшка Серафим».

– Не желая обидеть ее, я промолчал. Но в душе затаилось недоверие к такому предсказанию. Была и у нас дома икона преподобного. Мать не раз говорила мне, что с самого начала войны многие люди стали обращаться к нему с молитвой о помощи, крестили своих детей, называя мальчиков Серафимами – «в честь батюшки». Да тогда мне было как-то не до этого...

Но фронтовая жизнь внесла свои коррективы. Из одного боя он попадал в другой, дважды был ранен, после госпиталя снова становился в строй. И вот летом 1944 года, вдали от саровских пределов, где-то уже на польской границе произошла его личная встреча... с преподобным Серафимом! Старый ветеран помнит все случившееся до мельчайших подробностей.

– В одном из тяжелых боев я был серьезно ранен и находился без сознания несколько дней. Как потом мне сказали, врачи не надеялись меня спасти. И вот в самый критический момент борьбы между жизнью и смертью вижу во сне, как мы, мальчишки, забрели в саровский монастырский лес, пробрались к кладбищу заключенных. Но я почему-то поотстал от ребят и потерял их из виду. Страх охватил меня. И вдруг из леса вышел

согбенный старичок и быстро направился ко мне. Пристально посмотрел на меня, положил правую руку мне на голову и сказал: «Ты будешь жить! Твоя мать вымолила тебя!» Я не успел даже прийти в себя, как он уже исчез. Проснувшись, увидел себя в больничной палате, а не в лесу. У койки стояли доктор и медсестра. И я услышал слова: «Кризис миновал...»

Стал я усиленно вспоминать, где же я видел этого «лесного старичка» из своего сновидения, и вдруг радостная вспышка в памяти: ну конечно же, там, в арзамасской церкви, накануне моего отъезда на фронт! Вспомнилась икона, обрамленная цветами, и словно вновь услышал молитву матери...

Исповедь – в дни Победы

Протоиерей Тихон Тихонович Пелих прожил долгую и на редкость плодотворную жизнь. Во время Великой Отечественной войны он служил в стройбате под Москвой, так как из-за слабого зрения его не брали на передовую. Но вот пришла долгожданная Победа – май 1945 года. Именно тогда и сподобился будущий священник Тихон Пелих чудесного явления преподобного Серафима Саровского. В один из этих радостных победных дней, во время чтения акафиста Царице Небесной... Впрочем, у нас есть подлинный рассказ самого о. Тихона – его письмо к жене, матушке Татиане.

«... Проводив тебя, я пришел домой и стал читать акафист Божией Матери со слезами на глазах. Вдруг меня обуял такой внутренний трепет, что я должен был опустить голову наземь, закрыв глаза, и ясно почувствовал, что в комнату нисходят Силы Небесные...

Это такое чудо, которое не передашь словами. Я ясно почувствовал присутствие в комнате преподобного Серафима, Саровского чудотворца. И тут началось самое страшное таинство исповеди. Он меня исповедовал, он мне в картинах показал всю мою жизнь, и, так как я по временам сомневался – не бред ли со мной, не мерещится ли все это мне, – он после исповеди каждого моего греха давил мою голову, как молотом. Причем ни руками, ни ногами я не мог пошевелиться. В продолжение всей исповеди я был в полном сознании.

В исповеди мне был показан один страшнейший грех. Преподобный, укоряя меня, перечисляя мои грехи, вдруг открыл бездну святости, которая хранится у нас*, и я только помню, что схватился руками за голову и закричал: «О, прости, прости!» – ибо полнота Воинства Небесного хранится у нас. Мне приказано было в ближайшее время привести святыню в надлежащий порядок. (Грозный суд за небрежение я пережил.)».

Несомненным чудом было и то, что это явление преподобного вселило в душу Тихона Тихоновича

* Речь идет об антимирах Троице-Сергиевой Лавры и других храмов. Во время Великой Отечественной войны, когда немцы находились уже под Москвой, святыни в ковчежце были закопаны в саду благочестивой семьи Пелих.

уверенность в своем будущем священстве. В том письме 1945 года он пишет супруге, будущей матушке: «Мне дана благодать священства...» Хотя – и диаконская, и иерейская хиротония были еще впереди!

Преподобный Нил приходит в Осташков

В самый разгар Великой Отечественной войны стали неожиданно открываться не только православные храмы, но и монастыри. И их небесные покровители – наши православные святые, отцы преподобные – как бы становились в единый строй с земными защитниками Отечества. Было немало случаев, когда русские святые... сами являли себя миру! Очевидицей одного из таких явлений оказалась монахиня Сергия (Клименко).

В 1944 году в г. Осташкове монахиням была возвращена одна из церквей Знаменского женского монастыря. Сестры своими руками, на свои средства восстанавливали церковь, в которой долгое время размещалась столярная мастерская. Когда расчищали храм и выносили стружки, наткнулись в углу на какой-то ящик – и чудо дивное предстало взорам утружденных монахинь! В ящике, как в гробничке, покоились янтарно-восковые мощи преподобного Нила Столобенского, неизвестно когда и кем привезенные сюда с места его последнего упокоения – с острова Столобного, где безбожники

устроили турбазу. Так преподобный сам скрыл себя, спас от осквернения, а потом и доставил в Знаменский монастырь, где началось возрождение монашеской жизни. Мощи покровителя древней тверской земли установили в почести на солее, чтобы можно было с благоговением поклониться преподобному. Ежедневно, утром и вечером, монахини вычитывали рядом с ним свое правило и возносили молитвы о даровании России победы над врагом.

Явление святого князя Даниила Сталину

И еще один достопамятный рассказ матушки Сергии (Клименко).

— В 1941 году, когда немцы были уже в Химках, из Москвы хотели вывезти мощи святого благоверного князя Даниила. В ночь на 23 ноября по старому стилю князь Даниил Московский явился Сталину и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, а то вам плохо будет». Утром Сталин вызвал к себе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского), и сказал ему, что находит своевременным открытие церквей и духовных учебных заведений.

В то время я работала в Вышнем Волочке, в тубдиспансере. Однажды утром бежит ко мне верующая санитарка, протягивает газету: «Татьяна Ивановна, смотрите!» Я беру в руки газету и глазам своим не верю. Меня

даже пошатнуло, когда я прочла слова Сталина о том, что он находит своевременным открытие церквей, семинарий, академий. Все коммунисты насупились и недоумевали, а мы, верующие, радовались. Мы не могли поверить! Ведь что мы пережили! Накануне войны за одну карточку отца Иоанна Кронштадтского арестовывали! Так что Сталин что-то такое пережил, близкое к откровению, – такой поворот в его душе мог совершить только князь Даниил.

Об этом явлении Сталину святого князя Даниила рассказал мне архимандрит Иеремия (Лебедев), казначей Патриарха Алексия I, когда я после войны приехала в Москву. От отца Иеремии я узнала следующее: когда Святейший приехал за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду по Сталину – безбожнику. Патриарх Алексий во всеуслышание ответил: «Я служил не за безбожника...»

Чудотворный источник

Село Спас-Чамерево находится в 27 километрах от г. Владимира, на реке Войминги. Еще в 1833 году в сельском храме был устроен придел во имя святого благоверного князя Александра Невского – покровителя российских воинов. Его славное имя получил и чудотворный целительный источник – ключ чистой и вкусной воды, бьющий под горою у спуска к реке. Когда он здесь возник, старожилы не помнят. Но зато во многих деревенских семьях передают достоверный рассказ о том, что в годы Великой Отечественной войны ключевая вода «Александровского» источника приносила облегчение солдатам, лежавшим в расположенном в этом селе госпитале. В воспоминание о чудодейственной помощи небесного ратника в годы военного лихолетья недавно вблизи ключа был воздвигнут памятный крест. Ныне возле него проходят благодарственные молебны и водосвятия.

Преподобный Спиридон... открывает Лавру!

Во время Великой Отечественной войны чудесным образом была открыта Киево-Печерская Лавра. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Когда немцы заняли Киев, немецкий комендант города пожелал посетить всемирно известные лаврские пещеры, в то время еще закрытые. Для сопровождения его нашли монаха – бывшего насельника обители.

Осмотр начался с Ближних пещер. В то время мощи Божиих угодников почивали в раках открыто, не под стеклом. Около раки преподобного Спиридона-просфорника, почившего 800 лет тому назад, комендант остановился и спросил, из чего сделаны эти мощи. Монах стал объяснять, что это тела людей, своей святой жизнью сподобившихся нетления. Комендант, не веря его словам, рукояткой своего пистолета ударил по руке преподобного Спиридона: сухая, потемневшая от времени кожа лопнула на запястье, и из раны хлынула настоящая алая кровь (следы трех засохших потоков ее заметны и сейчас на руке преподобного). Увидев воочию это чудо, комендант в ужасе бежал из пещер, а за ним и вся его свита.

На следующий день по городскому радио немецкая комендатура объявила, что Киево-Печерская Лавра открывается и желающие могут поселиться в ней. Сообщения об этом были расклеены по всему городу.

Предсказание о Победе

Архимандрит Исаакий (Виноградов), завершивший свой путь в 1981 году в городе Ельце (Воронежская епархия) настоятелем Вознесенского собора, в годы Великой Отечественной войны настоятельствовал в православном приходе в Праге – в храме святителя Николая Чудотворца. Вот эпизод из его биографии тех лет.

Во время войны с Германией архимандрит Исаакий вселял в сердца своих прихожан уверенность в победе России над фашизмом. Тогда и было ему видение, в котором святой князь-мученик Вячеслав Чешский предсказал, что русский народ победит. Отец Исаакий составил свою молитву этому святому. Ему он посвятил и стихи:

Из глубины веков встает передо мною
Прекрасный образ князя Вячеслава.
Его венчает воинская слава,
Но больше славен жизнью он святою.
Во дни суровые чужой над нами власти
Меня сподобил ты и своего виденья,
Благословив молитву и терпенье
И предсказав, что кончатся все страсти.

Весной 1945 года советские войска освободили Прагу от немецких захватчиков. Епископ Сергей (Королев) вместе с архимандритом Исаакием (Виноградовым) отслужили в честь окончания войны благодарственный молебен.

«Я узнал святого Нектария...»

Святитель Нектарий Эгинский, почитание которого в Греции сравнимо с почитанием в России преподобного Серафима Саровского и святого праведного Иоанна Кронштадтского, известен многочисленными чудесами, в разное время явленными верующим.

Об этом случае из своего военного прошлого рассказывал один фронтовик, который после освобождения Греции от фашистской оккупации совершил паломничество на остров Эгину, чтобы поблагодарить святителя-чудотворца за свое спасение.

– Как-то рядом со мной упал снаряд, образовалась огромная воронка. И вдруг откуда-то взялся священник да как толкнет меня в сторону от того места, куда попал снаряд. Спасся я чудом. Возвратившись в Пирей, стал всюду искать того батюшку, который меня спас. Ведь он тогда сразу исчез, а я был в шоке и, естественно, потерявшись, ничего не успел спросить. Среди фотографий, которые мне показывали, была и карточка святого Нектария. Я узнал, это был он...

Фронтовик добрался до монастыря на Эгине, где покоятся мощи святого Нектария. Он хотел что-нибудь пожертвовать женской обители, созданной святителем. Сестры встретили его радостным возгласом: «А, это вы черепицу к нам приехали делать?»

– Я ошеломлен! Ведь никому ничего не говорил. Видя мое недоумение, сестры рассказали, что вчера вечером

им явился владыка Нектарий, епископ Эгинский, и с радостью сообщил об этом.

Чудо о спасении жителей села Обжи

Во время Второй мировой войны Карелия была оккупирована финнами. В 1944 году на Карельском фронте началось большое наступление советских войск. В районе села Обжи велись сильные обстрелы из «катюш» и артиллерии. Финны к началу наступления оставили деревню. Но советские артиллеристы этого не знали. Разрывавшиеся поблизости от деревенских домов снаряды страшно грохотали, все затянуло гарью и дымом. Жители деревни, в страхе бежавшие из своих домов, вместе с домашним скотом залегли в глубокой канаве у реки. Чья-то корова, испугавшись стрельбы, выскочила из укрытия и увязла в болотистом месте у речки Обжанки. Но никто, из страха погибнуть, не решался помочь ей выбраться, пока не прекратился обстрел и не подошли передовые советские части. Только тогда жители села вышли из своего укрытия.

Передовые части пошли вперед, а через деревню потянулась вереница «катюш». Артиллерийский капитан подошел к селянам и стал всматриваться в их лица, как будто разыскивая кого-то.

Осмотрев внимательно всех жителей, он спросил: «А где старичок, весь белый, с бородой?» Ему ответили,

что в деревне такого нет. Тогда капитан рассказал, что, обстреливая район наступления, они направили «катюшу» также и на деревню. Вдруг из клубов дыма со стороны деревни появился бородатый старик, поднял руку, останавливая стрельбу, и сказал: «Здесь только мирные жители». Капитан хотел расспросить старика, кинулся к нему, а тот словно в дыму растаял. Выслушав рассказ капитана, жительница села Обжи Настя Бибикова вышла вперед и сказала, что это их спас святой Адриан Ондрусовский, небесный покровитель тех северных мест.

«Вернусь через 50 лет!...»

Произошло это в старинном городе Угличе Ярославском. В 1942 году, в день памяти преподобного Симеона Столпника, в Воскресенском мужском монастыре рабочие, занятые на строительных работах, обнаружили захоронение. Как часто бывало, в духе безбожного времени, – гроб вскрыли и... «обрели» нетленные мощи! Упокоившийся 250 лет назад насельник обители иеросхимонах Сергей предстал перед кощунниками в полном сохранившемся облачении. Святые мощи погрузили в машину, чтобы отвезти их в музей. Но когда грузовик тронулся с места, громом прогремело с неба: «Вернусь через 50 лет!»

И слово свое угличский подвижник сдержал! В 1995 году его нетленные мощи снова вернулись в обитель. Уже засвидетельствованы случаи чудесной помощи угодника Божия.

На подступах к святой обители

Подмосковная Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь до революции была одной из известнейших русских женских обителей. Основанная великим старцем-подвижником – преподобным Зосимой Верховским, обитель эта, по вере сестер, крепко стояла за святые молитвы

их возлюбленного старца. Вот и в годы войны явила она себя народу как надежная православная твердыня.

Во время Отечественной войны в монастырских корпусах разместился военный госпиталь для наших бойцов, оборонявших подступы к Москве.

– Замечательно, – говорят нынешние насельницы возрождающейся обители, – что наступление немцев было остановлено, можно сказать, перед самым монастырем. К этим святым местам враг так и не подошел!..

Что за сила сдержала, остановила его? По чьим святым молитвам? Явно, что и преподобный Зосима причастен к этому чуду.

Три благодатных явления валаамскому старцу

Перед самым началом Великой Отечественной войны, в 1941 году, одному старцу Валаамского монастыря во время службы в храме было три благодатных явления.

В первый раз он увидел Божию Матерь, святого Иоанна Крестителя, святителя Николая Чудотворца и сонм святых – все они молили Господа, чтобы Он не оставил Россию. Спаситель отвечал, что в России упадок веры и благочестия столь велик, что невозможно терпеть эти беззакония. Все святые и Богородица продолжали молиться со слезами. Наконец Спаситель сказал: «Я не оставляю Россию».

Потом было второе явление: Божия Матерь и святой Иоанн Креститель стояли пред престолом Господним и снова молили о спасении России. И вновь последовал тот же ответ: «Я не оставлю Россию».

В третий раз старец увидел Пресвятую Богородицу стоящей пред Сыном Своим и со слезами умоляющей Его о спасении России. «Вспомни, Сын Мой, – говорила Она, – как Я стояла у Твоего Креста...» – и хотела опус-

титься на колени. «Не надо, — сказал Спаситель. — Я знаю, как Ты любишь Россию, и ради слез Твоих не оставлю ее. Накажу, но сохраню».

Старец, сподобившийся этих пророческих видений, окончил свою жизнь в Псково-Печерском монастыре почти в столетнем возрасте.

«Старчик» саночки везет...

Духовная дочь известного кисловодского старца иеросхимонаха Стефана (Игнатенко) Екатерина Васильевна как-то рассказала бабушке эпизод из своего блокадного детства. И этим рассказом укрепила в нем благоговейное почитание о. Иоанна Кронштадтского еще задолго до его канонизации.

Во время блокады Ленинграда она оставалась в городе. От страшного голода опухла. Единственная надежда спастись была в эвакуации с партией грузовых машин. Однако ни сил дойти до места отправления, ни уверенности в том, что ее возьмут, не было. Тем не менее Катя поползла вдоль железной дороги, под вагонами, чтобы сократить путь. Ей встретился благообразный старчик с санками. Склонившись, он спросил у нее: «Деточка, куда ты ползешь?» Задышавшись от изнеможения, девочка ответила. Старичок помог ей устроиться на саночках и как-то очень скоро довез до станции отправления транспорта из Ленинграда. Машины были облеплены

отчаявшимися людьми. Мужчины грузили детей. Как только появились санки с Екатериной, один из мужчин потребовал, чтобы толпа расступилась, и поднял девочку в кузов грузовика. Передав ее с рук на руки, старчик незаметно скрылся. Катя была спасена. С тех пор прошло много лет. Однажды в гостях она увидела на столе в рамке портрет своего спасителя. Им оказался святой праведный отец Иоанн Кронштадтский.

Бомба из прошлого

Рассказывает Ирина Иванова.

– Дом о. Иоанна Кронштадтского? – переспросил меня таксист, с которым довелось мне недавно ехать в Кронштадте к музею-квартире «всероссийского батюшки», причисленного к лику святости. – Как же не знать! Я этот дом еще с детства помню. А знаете ли вы, что там наши мальчишки... бомбу нашли?!

Я просто опешила. И рассказал мне водитель удивительную историю.

– Это было лет тридцать назад. Да вы спросите старожилов – должны помнить. Ребята любили лазить по чердакам, разные игры придумывали... И вот в доме, который как раз примыкал к дому о. Иоанна – такой красивый трехэтажный – на чердаке в самом углу нашли большую немецкую бомбу. Еще с войны осталась. Как она не взорвалась – непонятно. Вечером о находке узнали роди-

тели. Не поверили. Полезли на чердак – и ахнули. На другой день саперы всех жильцов эвакуировали. Район оцепили. Дом о. Иоанна тоже освободили. А мальчишки с дальних крыш подсматривали. Бомбу вывозили на тихом ходу и взорвали где-то в заливе. Если бы рвануло на крыше, от дома о. Иоанна Кронштадтского ничего не осталось бы.

Вот такая история, которую вполне можно отнести к чудесам Кронштадтского пастыря. Отголосок давней войны... Какое благое чудо, что дом этот сохранился, и мы можем прийти на поклон к дорогому батюшке.

«Великомученица Екатерина спасет тебя!..»

Святые Божии угодники, незримо следовавшие вместе с нашим воинством по дорогам Великой Отечественной войны, нередко приходили к нему и в зримых образах: во сне и наяву, в иконах, неизвестно как оказавшихся рядом с солдатами. Об одном таком чудесном случае рассказал недавно житель города Козельска Владимир Филиппович Краевский. Произошло это с его дядей, Ананием Мефодиевичем Грубовым (ныне уже почившим).

Однажды незадолго до наступления его дядя нашел то ли в окопе, то ли где-то рядом небольшую иконочку с изображением святой великомученицы Екатерины. Не

раздумывая, положил ее в карман и... забыл. Но уже перед самым наступлением, когда солдаты отдыхали, готовясь к предстоящему бою, дядя услышал чей-то голос: «Ананий, не бойся! Ты пройдешь всю войну и вернешься домой живым и невредимым. Великомученица Екатерина защитит и сохранит, спасет тебя!»

– Так оно и случилось, – удостоверяет Владимир Филиппович. – Действительно, мой дядя, со святой иконкой в кармане, прошел эту грозную войну, ни разу не был ранен, а вернувшись домой, до самой кончины благодарил и славил в молитве великомученицу Екатерину – свою благоую защитницу и помощницу в ратном подвиге.

Как Ксения Петербургская спасла солдата в Праге

Эту историю поведала Людмиле Павловне Шпаковой, коренной ленинградке, незнакомая женщина, с которой она однажды встретилась у святой Ксении Петербургской – в часовне на старинном Смоленском кладбище.

– Когда я была пятилетним ребенком, – вспоминает Людмила Павловна, – мама нередко возила меня на Смоленское кладбище, рассказывала о святой блаженной Ксении. В день ее памяти мы ходили с зажженной свечой вокруг часовни и молились. К стыду своему, в дальнейшей жизни проявила я небрежение и нерадение – почти не бывала там. А когда, уже взрослая, наконец приехала на Смоленку в 1990 году, то, по-видимому, в назидание мне и произошла эта необыкновенная встреча. Ко мне обратилась незнакомая женщина с просьбой объяснить, как и что надо сделать, чтобы поблагодарить блаженную Ксению. Вот что она рассказала.

«Мой родной брат живет в Белоруссии. На днях там показали программу „600 секунд“, и в ней был сюжет о Ксении блаженной. Брат увидел эту передачу и очень обрадовался, что может наконец отблагодарить ту, которая спасла его в годы войны. Тогда он был совсем молодой солдат, принимал участие в освобождении Праги — отстреливался в паре с бывалым воином в подвале

одного дома. И вдруг, откуда ни возьмись, возле них оказалась женщина в платке и по-русски сказала, что они немедленно должны уйти (указала, куда), потому что сюда попадет снаряд, и они погибнут. Оба солдата опешили и удивленно спросили: «Кто ты?» – «Я Ксения блаженная, пришла спасти вас!» – последовал ответ. И исчезла. Солдаты спаслись. Но брат тогда так и не узнал, кто такая эта Ксения, искал ее, расспрашивая о ней, и вот только через сорок пять лет – встретились! Такое чудо! После передачи он сразу же позвонил мне, чтобы я съездила в часовню к блаженной Ксении и поблагодарила ее...»

Конечно же, был отслужен благодарственный молебен, поставлены свечи у ее могилы, а память о Ксеньюшке-спасительнице навсегда осталась в сердце воина.

В белом платочке, с посохом...

Раба Божия Марфа, бывшая певчая хора из храма на Смоленском кладбище в Петербурге, где находятся могила и часовня блаженной Ксении Петербургской, вспоминает такой случай из своего блокадного детства.

Во время блокады часовня была закрыта. Мало у кого хватало сил бывать здесь. Но память о Ксении хранили свято, к ней мысленно обращались в самые трудные минуты.

Считаю, что меня она спасла. Было это в самый тяжелый период 900-дневной осады. Она явилась мне ночью – в неизменном своем белом платочке, с посохом в руке. Молвила: «В следующую ночь дома не ночуй» – и исчезла так же внезапно, как и возникла.

...Вечером я отправилась на ночлег к родственникам в другой район. А дом в ту ночь фашисты разбомбили до основания. Даже убежище, в котором пытались укрыться люди, рухнуло под напором смертоносного огня.

Многие верующие уверяют, что даже в те годы, когда часовня была закрыта, слышалось из нее церковное пение, нет-нет да светился огонек за крепко запертыми дверями. И женщину в белом платочке, легкой поступью обходящую Смоленское кладбище, видели будто бы прихожане не раз. Являлась Ксения в окошке часовни, нередко с Евангелием в руках. Впрочем, образ свой светлый позволяла лицезреть далеко не всем.

И это – лишь малая толика бесчисленных свидетельств. Народная любовь к блаженной Ксении безгранична. Посреди мирской суеты часовня живет своей особой жизнью, по горным законам. Здесь, где день и ночь возносятся ввысь горячие молитвы, не слукавишь. Лучше распахни душу блаженной Ксении, и... по вере твоей да воздастся тебе.

Святые молитвы преподобного Лаврентия Черниговского

– Во время войны, когда Чернигов был подвергнут сильному разрушению, отец Лаврентий жил некоторое время в селе Синявка, – рассказывала матушка М. – На другой день по приезде в Синявку старец благословил меня и еще одну матушку идти в Чернигов проведать дом, в котором он жил, и обойти вокруг храма с молитвой ко Господу, чтобы сохранил храм и дом, просить Господа о даровании русскому воинству победы, чтобы наших воинов Господь уберег от смерти, чтобы больше их сохранил для жизни. Мы пытались отказаться от послушания – было очень страшно: взрывы бомб, повсюду пожарища, стрельба, но батюшка нас ободрил и настоял идти дорогой, которую он укажет, и возвращаться в тот же день той же дорогой.

Для нас все это было невозможным, но мы надеялись на милость Божию и на святые молитвы старца. Послушание выполнили и все сделали, как благословил батюшка Лаврентий. Он возрадовался духом, когда мы вернулись, и сказал, что теперь все останется невредимым – храм и дом. Действительно, все сохранилось, нигде бомба не упала.

Все село от мала до велика приходило к батюшке за благословением, особенно воины и раненые. К раненым он сам приходил, молился за них, крестил их раны – исцелял – и ободрял словами и говорил, что они не погибнут, что вернутся с победой домой, что враг будет

недолго, потому что он злой. Батюшка вставал на молитву с воздетыми к небу руками, со слезами в очах просил у Господа избавления Земли Русской от иноплеменного нашествия.

Многие воины присылали батюшке письма и благодарили «дедушку» за добрые пожелания и напутствия, писали, что оставались в живых в самых наитягчайших боях и приписывали избавление от смерти молитвам старца о них. Многие стали истинно верующими.

Перед войной и в самом начале ее отец Лаврентий часто повторял, что идет злой враг: он будет села и города сжигать, женщин с малыми детьми в огонь бросать, сильно плакал и говорил: «Это идет наш бич. Но он будет недолго... Потом люди по воскресеньям не будут работать, храмы и монастыри откроют вновь, и в них будет приноситься Бескровная Жертва Богу нашему. Молитесь за Святую Русь. Она как роза цвела, а иностранцы ввели содомские грехи: чревоубийственные, заразные болезни, чем осквернили и оскорбили ее».

Когда враг отступал с нашей территории, батюшка взывал: «Становитесь на молитву, чтобы скорее вышли из пределов русских эти негодные злодеи. Молитесь и просите Господа и Матерь Божию, чтобы меньше причинили вреда городу нашему и всему нашему Отечеству!»

Как только первые наши войска – воины-разведчики – вошли в Чернигов, батюшка велел открыть ворота обители, сам, со слезами на глазах, встретил их и накормил хлебом и овощами. Благословил воинов и сказал: «Все вернетесь живыми с войны, никто из вас не погибнет».

Рассказ, переданный благочестивым мирянином К.

— Началась Вторая мировая. Всех призывали на фронт, и я со дня на день ждал повестки. Поехал заранее к батюшке за благословением на фронт идти, он сказал так: «С Богом везде хорошо. Когда получишь повестку, зайди ко мне». Я так и сделал. Пришла повестка, и я пошел вновь к отцу. Он был сильно болен в то время, никого не принимал, но ввиду срочности моего дела разрешил войти к нему в келью. Батюшка был весьма слаб, но встал с постели, надел епитрахиль, помолился и напутствовал меня словами: «Будь всегда с Богом, и с тобой будет всегда Ангел-Хранитель, который покроет тебя крылами от пуля, а ты не смущайся и не бойся ничего. Старайся не попасть в плен к врагу и раненых наших русских спасай, чтобы и они не оказались в руках вражиих, потому что погибнут там. Смело их в бою на свою сторону тани, хоть на себе. И всегда помогай ближнему. И главное — не бойся, тебя ничто не возьмет».

Так увещевал меня старец на прощание и, благословив большим крестом и просфорой, отпустил на брань с врагом. Был я в недоумении от слов старца и надеялся только на его святые молитвы и на милость Божию ко мне, немощному и грешному. Когда нас послали в бой, тогда я ощутил на себе величайшую чудодейственную Господню силу. Кругом стрельба, пули визжат со всех сторон, как дождь огненный, а я ползу смело, отыскиваю раненых и доставляю их в санпункт, помогаю товарищам с великодушной любовью, и ничто меня не берет! Так и прошел всю войну, не получив ни одного ранения, ни одной царапины. Кто из читающих усомнится, может

спросить меня, я еще жив... Вернулся я с войны домой – и сразу к батюшке дорогому. Упал ему в ноги и благодарил со слезами за святые молитвы обо мне, недостойном. Поведал о дивных случаях, происшедших со мной, немощным человеком. «Верить нужно и не сомневаться, – ответил старец, – и увидишь, и почувствуешь еще больше: то, что на небе, и то, что в аду».

Во время войны сорок первого года многие обращались к батюшке с вопросами о своих родственниках, воюющих на фронте. Пришла к отцу Лаврентию девушка спросить о своем брате, от которого давно не было известий. «Кто-то пришел из товарищей, – рассказывала она батюшке, – и сказал, что брат находится в плену у немцев, в Гамбурге, и что город сильно разрушен и великое множество людей погибло. Потеряли мы всякую надежду на жизнь брата». Батюшка надел епитрахиль, помолился, посмотрел перед собой, как бы всматриваясь вдаль, и говорит: «Ты права, все разбито, ничего не осталось, американцы всех забрали в плен, но брат живой». «Когда брат мой вернулся, – закончила рассказ девушка, – он подтвердил, что все так и было, как говорил старец».

– Во время оккупации назначили меня в Германию, забрали и погнали с другими такими же несчастными на сборочный пункт. Родных на то время никого дома не было, мать с отцом уехали в село. Стою я и молюсь Матери Божией, Заступнице нашей Небесной, чтобы молитвы старца Лаврентия сохранили меня. Вдруг подходит ко мне один из полицейских и спрашивает: «Что ты суч-

ная, заплаканная? Не хочешь ехать? Жаль мне тебя очень. Давай сделаем так: ты сейчас быстро беги вон к той трубе и спускайся по ней, а я отойду за угол и сделаю вид, что тебя не вижу». Не успел он еще отойти за угол, как одна женщина, слышавшая наш разговор, побежала к трубе и спустилась по ней. Я следом. А тут подходит второй полицейский, но меня не заметил вовсе, я проскочила мимо него – и сразу к батюшке. Документы же мои все у них остались. Говорю старцу: «Теперь могут всю семью расстрелять, что делать?» – «Не бойся, – говорит он, – иди в село, где твои родители, и живи, пока не получишь повестку. Когда получишь и вызовут тебя, то говори, что пошла к маме в село попрощаться и взять что-нибудь в дорогу, а эшелон и ушел без тебя. И не бойся, ничего не будет ни этим полицейским, ни тебе. Не волнуйся». Так все и произошло впоследствии по словам батюшки.

Дождалась я повестки и поехала в комендатуру. Спрашивают меня: «Почему убежала?» – «Нет, не убегала я, а пошла в село с мамой попрощаться». Накричали на меня и отправили домой, вернув документы. Так я была спасена святыми молитвами батюшки.

«Дедушка Кузюка», вагоны и бомба

Немало дивных чудес и подвигов совершил на своем долгом веку ныне прославленный преподобный Феодосий Кавказский.

За год до войны раба Божия Александра приехала к отцу Феодосию, а он ей говорит: «Будет война такая страшная, как Страшный Суд. Люди будут гибнуть тысячами – разнесет их пепел ветер, так что и следа не останется. А кто будет призывать на помощь Бога, того Господь спасет от бедствий».

Во время Великой Отечественной войны отец Феодосий был одним из самых ревностных молитвенников о победе России, постоянно молился он о здравии защитников Родины и об упокоении погибших воинов, тем более что Господь ему открывал даже имена некоторых из них. Неся свой подвиг юродства, он дерзновенно проповедовал, назидая людей и совершая дивные чудеса. Вот одно такое чудо.

В годы войны рядом с железнодорожными путями в Минеральных Водах находилась городская больница. На рельсах стояли огромные цистерны с бензином. Однажды стрелочники заметили быстро бегущего «дедушку Кузюку» (приняв подвиг юродства, о. Феодосий ходил по улицам, одетый в цветную рубашку, играл с детьми, которые называли его «дедушкой Кузюкой»). В одной руке крест, другой – силится столкнуть вагоны с места. «Ну и дед чудной, ему ли сдвинуть такую тяжесть?» Как подумали, глянули – и глазам не верят. Вагоны потихоньку сдвинулись и покатались по путям. Лишь они успели откатиться – мощный взрыв потряс воздух: как раз туда, где только что стояли вагоны, упала бомба, не причинив большого вреда ни больнице, ни людям, работавшим неподалеку.

Прозорливый старец выводит детей из огня

А вот и другой эпизод из достославного жития преподобного Феодосия Кавказского.

Немцы подступили к Минеральным Водам. Во время одного из артобстрелов быстро-быстро, совсем не постариковски, подбегает о. Феодосий к детскому саду и говорит гулявшим на улице детям: «Гулю, гулю, за мной, деточки! Бегите за мной!»

Забавы ради дети побежали за дедом Кузюкой, а воспитатели – за детьми. Как раз в это время снаряд и угодил прямо в здание детского сада и полностью разрушил его. Но никто не погиб – всех вывел прозорливый старец из крошечного ада огня и пепла.

Будни военные, молитвы старца

Незадолго до начала войны о. Феодосий предсказывал: «Будет бойня, страшная, как Страшный Суд. Людей, для которых Бог не дорог, кто Бога не знает, как пепел, ветер разнесет, и признака их не останется. А кто будет призывать Имя Божие, того Отец Небесный спасет от бедствий». – «Дедушка, я к вам, наверное, больше не приеду и вас больше не увижу. Я, наверное, жива не останусь», – говорит Антонина. – «Нет, Боженька

не сказал, что не останешься. Останешься живая, еще приедешь к слепому и глухому старику», – ответил о. Феодосий и протянул ей узел с землей: «Как приедешь домой, возьми эту землю, ходи по городу и посыпай поне-множку».

«Это было за год до войны, а он уже предал земле Новороссийск, то есть отслужил погребение убиенным, а ведь они были еще живы. Вот как старец предвидел, сколько людей ляжет в нашем городе Новороссийске», – вспоминает А. П. Донченко.

Когда началась Великая Отечественная война, отец Феодосий сказал: «Скорби неизбежны. Молитесь Богу, просите Его, чтобы не дал умереть без покаяния». Немцы подступали к Минеральным Водам...

Елена работала в городской больнице медсестрой. Дома у нее было четверо ртов: престарелая мать, сестра-калека, двое детей, а паек скудный. Однажды сынишка потерял карточки, и она с горя решила: кормить нечем, голод неизбежен, всех умертвлю, себя последнюю. Когда все уснули, приготовила яд. В полночь кто-то стучится в ставни. Выглянула, а там старец в цветной сорочке, горсть конфеток-горошинок протягивает: «На вот тебе кусок хлеба и по три конфетки-горошинки, дай всем во имя Пресвятой Троицы, и у тебя никогда не будет переводиться хлеб».

Запалила свечу, пересчитала – ровно 15 горошинок, всем по три, не больше, не меньше. В это время проснулся старший мальчик. Она дала ему три леденца. «Старичок какой-то принес». – «Я знаю, кто принес – это де-

душка Кузюка, он всегда дает такие конфетки, – расплылся в улыбке полусонный ребенок. – А еще он сказал, чтобы нам сделали крестики, и добавил, что наш папа вернется с фронта живой».

Утром, придя на работу, Елена рассказала сослуживцам про странного посетителя. Санитаркой с ней работала послушница о. Феодосия Анна. Она ответила, что хорошо знает этого человека, и с разрешения бабушки привела к нему Елену.

«Что же ты надумала – и своих четверых, и себя погубить? – с укором сказал батюшка, встретив ее на пороге. – Они-то были бы в раю, а куда бы пошла твоя душа? Так вот – теперь у тебя не будут переводиться продукты, голода не узнаешь никогда, даже сама сможешь помогать людям, только Богу молись». – «Голод кругом, откуда возьмется хлеб?» – «Нет невозможного для Господа, только веруй».

В те месяцы Минводы часто бомбили, а больница была рядом со станцией, и люди боялись туда ходить. Елену, как медсестру, стали приглашать по станицам, хуторам, давали продукты, так что она без труда содержала семью и даже помогала голодающим, по слову старца.

Во время войны о. Феодосий показал себя одним из самых ревностных молитвенников о победе России. Матушка Серафима пришла узнать, как молиться за родного брата, который погиб неизвестно где, и отпевать ли его заочно. Отец Феодосий увидел ее и говорит: «Серафима, я за всех воинов отслужил погребение и за твоего тоже».

«Вы спасены...»

Среди многочисленных случаев молитвенного предстательства старца Серафима Вырицкого, его чудесного предвидения и охранительной помощи особенно памятливы те, которые были так или иначе связаны с избавлением людей от неминуемой гибели.

В годы войны, когда фашисты прорвались к Ленинграду, пришла однажды к старцу женщина с дочкой за благословением на отъезд – перед эвакуацией. Батюшка задержал их, подошел к девочке, обнял ее головку и так долго молился, а потом сказал: «Вы спасены...» И благословил на отъезд.

Поезд, в котором они ехали, по какой-то причине вышел из графика, и его задержали почти перед самой станцией. А потом выяснилось, что только что немцы совершили налет на станцию, и составы, которые подошли раньше, сгорели – почти все пассажиры погибли. И только их опоздавший поезд остался невредим. «Вы спасены» – звучал в памяти духовной дочери старца его тихий голос.

«Сталин пришлет тебе вызов...»

Будущее патриаршество владыке Алексию (Симанскому) было предсказано старцем Серафимом Вырицким

в памятный 1944 год – сразу после снятия блокады Ленинграда.

Однажды митрополит Алексей навестил старца в Вырице. Владыка опустился на колени перед лежащим на одре старцем и поцеловал его руку. Отец Серафим попросил митрополита встать, сказав, что он сам должен стоять на коленях перед Святейшим: «Ты будешь Первосвятителем Московским в течение 25 лет, как твой небесный покровитель... Сталин пришлет тебе вызов, и тебя изберут Патриархом».

Так и случилось, как предсказал великий старец. Всю свою жизнь Патриарх с особым благоговением чтит его святую память.

Молитвенный подвиг старца

Во время войны преподобный Серафим Вырицкий, кроме строгих постов и непрестанной келейной молитвы, принял на себя особый подвиг ради спасения России и ее народа от гибели: много раз стоял он на камне в саду, в тиши пред иконой преподобного Серафима Саровского, и с воздетыми руками молился, подражая подвигу своего небесного покровителя. Как-то зимой 1942 года келейнице старца матери Серафиме ночью приснился сон: старец Серафим в валенках и белом халате гонит по заснеженному полю множество вооруженных немецких солдат. Утром, когда мать Серафима

подошла за благословением и хотела рассказать о том, какой удивительный сон ей приснился, старец сказал: «Видела? Пойди теперь посуши валенки и халат». Действительно, ночью он выходил в зимний сад и молился на камне в валенках, набросив на себя белый халат для маскировки. Валенки и халат, как вспоминала мать Серафима, были мокрыми. Как старец выдерживал эти бдения – одному Богу известно.

Призывала на помощь старца

Рассказывает Елена Комарова.

– Однажды мама была у отца Серафима, и вдруг он говорит: «Знаешь, Екатерина Александровна, какие смелые женщины бывают: пули летят, а она села под заборчик и смотрит на них». В тот же день, возвращаясь от отца Серафима, мать попала под обстрел. Она опустилась на корточки под забором у дома Иванцовых: пули свистели над головой, а она мысленно призывала на помощь старца, и ей не было страшно.

Сила молитв отца Серафима Вырицкого была открыта в 1947 году Митрополитом Гор Ливанских Илией, который находился тогда в нашей стране. Он поведал о том, как заступничеством Божией Матери была спасена Россия в войне 1941–1945 годов. Сама Пресвятая Богородица открыла владыке (будущему Патриарху

Антиохии и всего Востока Илии IV) имена некоторых праведников, чьими молитвами Господь помиловал Россию. Среди них первым Пречистая назвала имя старца иеро-схимонаха Серафима, а также имена трех духовно связанных с ним молитвенниц и стариц. Одна из этих дивных стариц – наша современница блаженная Любушка, которую хорошо помнят многие православные христиане, посещавшие ее в Сусанино, а ныне притекающие к ее цельбоносной могилке в Вышневолоцком Казанском женском монастыре.

Чудодейственная молитва преподобного старца Серафима Вырицкого

Сохранилось немало свидетельств о том, как во время Великой Отечественной войны преподобный Серафим Вырицкий оказывал молитвенную помощь своим духовным чадам. Среди них была и раба Божия Екатерина из Вырицы, которую молитва старца спасла от неминуемой лютой смерти.

Однажды, когда она шла на дойку коров, фашист натравил на нее двух собак-волкодавов: «Фас, рус, фас!» Огромные чудища буквально повисли на женщине, но... не оставили даже царапинки! «Не боюсь, не боюсь!» – кричала она в исступлении. Из штаба появился другой немец и крикнул ей: «Беги, беги, вчера на этом же месте собаки разорвали мужчину».

Не помнила даже, как добралась домой. Но лишь только переступила порог батюшкиной кельи, старец сказал: «Екатерина, твоя жизнь была на одной волосинке, а я, не переставая, молился, и Господь пощадил тебя ради детей».

«Ангел-Хранитель нашей округи...»

О своем духовном отце, преподобном старце Серафиме Вырицком рассказывает Елена Михайловна Гарменицкая.

Переступая порог батюшкиной кельи, мы входили в благословенный храм, где за всех нас молятся, где мы под защитой. Скорби и тревоги исчезали, в душу нисходила удивительная тишина. Все страхи и ужасы, страдания нравственные и физические врачевали младенчески добрая батюшкина улыбка, пронзительный взор его небесно-голубых глаз – строгий и ласковый одновременно, и слова – простые и мудрые. От всего этого водворялись в сердцах надежда и спокойствие.

Когда я подходила к кровати отца Серафима (во время войны он чаще лежал), я видела родного, близкого человека. Его лицо всегда сияло духовной радостью. Глаза излучали свет, они были источником невероятного добра. Батюшка смотрел прямо в душу, в его взоре светилась пламенная горячая вера. Летали пули, рвались сна-

ряды, по улицам нашей Вырицы ходили фашисты в чужих черных мундирах, а мы, по слову старца, читали молитвы и 90-й псалом. Голод, бомбежки, нерусская речь, отсутствие каких-либо вестей от братьев, угасание папы на наших глазах и, наконец, его смерть – разве могли бы мы перенести все это, если бы не дорогой наш батюшка. Он был ангел-хранитель нашей округи.

Когда началась война, моих братьев Петра и Евгения призвали в армию. Петя впоследствии стал старшим врачом на фронте. Женя же очень боялся передовой, и отец Серафим сказал ему: «Ты воевать не будешь». Когда Женя пришел в военкомат, ему дали бронь, и он отбывал воинскую повинность в Самарканде, где не было боев.

Однажды Пете дали на фронте краткосрочный отпуск, и он повез Жене в Самарканд сапоги. В это время Петину часть бросили в наступление, и все до единого полегли. Из тысяч людей он один остался жив. Так старец Серафим вымолил моих братьев.

На себе я тоже испытала чудотворную силу его молитв.

Опасаясь отправки в Германию, мама, Пашенька и я устроились на работу в детский дом. Там я заболела сыпным тифом в очень тяжелой форме. Целую неделю не приходила в сознание и была на грани жизни и смерти. Мама не могла найти себе места. За полтора месяца до этого похоронили папу, и вдруг новое горе. «Иисус, Мария, Иисус...» – только и слышали из моего бреда. И вот дома у нас открывается дверь, и входит посланный от

отца Серафима со словами: «Что же вы не идете? Эличка умирает! Батюшка ждет вас немедленно!» Пашенька побежала к нему. Проницательный, строгий взгляд: «Где же вы были до сих пор? Почему не пришли ко мне? Ваш покойный папа приходил за Эличкой и хотел взять ее к себе, но мои грешные молитвы и горячие материнские помогли – она будет жить. Идите и благодарите Бога». Прибегает Пашенька, а мне лучше – вернулось сознание, уменьшилась головная боль. Словом, с этого часа дело пошло на поправку...

Загадочный полковник

Один фронтовик рассказывал о том, как уже в самом конце войны он, бывший тогда старшим лейтенантом и командиром батальона, захватил со своими солдатами в одном немецком городке спиртовой завод. Увидев цистерны со спиртом, они подумали: «Ну вот, теперь поживимся!» Но вдруг появился полковник и сказал комбату: «Приказываю вам – немедленно расстрелять цистерны!»

Старшему лейтенанту и в голову не пришло ослушаться. Дал приказ – и солдаты расстреляли цистерны из автоматов. Спирт лился рекой. Все стояли в недоумении, не понимая, зачем они это сделали. Тогда решили обратиться к полковнику, чтобы узнать, откуда он и почему отдал такой приказ. А тот как сквозь землю провалился! Комбат подумал: «Может, это было наваждение?» Стал

спрашивать солдат, но все отвечали, что действительно был полковник и был приказ. Как выяснилось позднее, в цистернах находился метиловый спирт, так что тех, кто выпил бы его, ожидала верная смерть.

Когда старший лейтенант вернулся с фронта домой, то увидел у матери в уголке с иконами фотографию монаха и узнал в нем того загадочного полковника, который приказал расстрелять цистерны. Он спросил ее, кто это. И мать ответила, что это ее духовный отец, иеросхимонах Серафим Вырицкий: «Он молился о тебе всю войну – и ты вернулся живым!»

Вразумление за обиду епископа

В 1943 году, по окончании ссылки, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) был назначен правящим архиереем Тамбовской епархии. Свое архипастырское служение он продолжал совмещать с врачебной работой. Учительница-пенсионерка из Тамбова О. В. Стрельцова записала со слов своей подруги, врача, следующий назидательный рассказ.

При обходе больных красноармейцев госпиталя в Тамбове владыкой Лукой в качестве врача один больной красноармеец позволил себе нанести ему обиду, сказав – зачем здесь ходит длинноволосый. И что же получилось: в тот же вечер этому обидчику было возмездие

и вразумление. Ночью в двенадцать часов случился с ним смертельный приступ, который вразумил его, и он, больной, потребовал врача с просьбой вызвать к нему профессора, то есть владыку Луку.

Он приехал ночью же, вошел к больному, который со слезами просил прощения у епископа-врача за свою обиду и умолял спасти ему жизнь, так как он, больной, чувствовал уже приближение смерти. Владыка Лука дал команду немедленно приготовить все к срочной операции. Принесли больного, подготовили к операции. Владыка, как он обычно поступал в таких случаях, спросил больного, верует ли он в Бога, так как не профессор возвратит ему жизнь, а Бог через доктора (если на то будет воля Божия).

Больной ответил, что он верует и сознает, что поплатился за грубую насмешку над епископом. Владыка-профессор, сделав срочную операцию, возвратил больного к жизни. Этот случай благотворно подействовал на всех больных госпиталя.

На Архиерейском Соборе 2000 года имя священноисповедника архиепископа Луки Крымского (Войно-Ясенецкого) было внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Чудесные случаи по молитвам архиепископа Иоанна (Максимовича), блаженного чудотворца

Сильная и непрестанная молитва владыки Иоанна сделала его святым старцем, носителем великой традиции русского старчества. Проникая за завесу времени и пространства, он мог читать мысли людей и отвечать на них прежде, нежели они выражали их. И ныне, на небесах, уже прославленный святитель продолжает молиться за призывающих его.

Из множества явленных чудес мы приводим три случая, имевших место в годы Великой Отечественной войны.

– В Шанхае в 1945 году, во время войны, – рассказала нам Анна Петровна Лушникова, – я была ранена и умирала во французском госпитале. Знала, что умираю, и просила передать владыке Иоанну, чтобы он пришел и исповедал меня. Это было около 10 или 11 вечера. На улице была буря с ветром и ливень. Я испытывала страшные страдания (находясь в агонии). На мои крики о помощи пришли врачи и сестры и сказали, что владыку вызвать невозможно, так как время военное, госпиталь на ночь закрыт, и мне придется подождать до утра. Я же не слушала и продолжала кричать: «Владыко, прииди! Владыко, прииди!» – но никто не мог связаться с ним. И вдруг в самый разгар бури я вижу через открытую дверь палаты, как появляется владыка, весь мокрый, и прибли-

жается ко мне. Поскольку в его появлении было нечто чудесное, я потрогала его и спросила, реальность ли он или призрак. Он спокойно улыбнулся, заверил, что «реальность», и причастил меня. Тут я заснула и проспала целых 18 часов. В той же палате со мной лежала еще одна больная, которая также видела, как владыка приобщал меня. Но другие мне не поверили и говорили, что владыка не мог войти в закрытый госпиталь в ту ночь. Я спросила свою соседку по палате, и она подтвердила, что владыка там был, но нам все равно не поверили. Факт, однако, налицо: я была жива и чувствовала себя хорошо. В это время сестра, не верившая мне, убирала мою постель и обнаружила – как бы в подтверждение того, что я говорила, – под подушкой 20-долларовую банкноту, оставленную владыкой. Он знал, что я без средств и много задолжала больнице, и положил мне эту банкноту. Позже он сам подтвердил, что сделал это. С того времени я стала поправляться.

Рассказывает С. Федорова.

– В Шанхае в 1945 году, когда война закончилась и появились первые американцы, мой сын привел к нам в гости трех американских летчиков. Мы ужинали и разговаривали. Предметом беседы была, конечно, только что закончившаяся война. Старший пилот, обращаясь ко мне и моему мужу, сказал: «У вас здесь есть великий молитвенник, благодаря которому вы остались живы».

Когда я спросила, кого он имеет в виду, он ответил, что они однажды получили приказ бомбить Шанхай. Но за несколько минут до вылета приказ был отменен. «Мы

знаем, что кто-то очень усердно молился о вас, о вашем спасении», – сказал летчик.

И в моем сознании, как и у моего мужа, блеснуло только одно имя – блаженный Иоанн! Только он мог просить Бога в своих молитвах помирловать нас. И с кем бы я ни говорила об этом, все без исключения называли нашего возлюбленного блаженного Иоанна, нашего глубоко почитаемого пастыря как единственного, кто мог нас вымолить.

– В годы войны, – рассказывала Ольга Ивановна Семенюк, – мой старший сын Борис был алтарником в шанхайском храме, где служил владыка Иоанн. Однажды 16 ноября 1943 года сын говорит мне, что на всюнощную идти не может (ему было уже 17 лет). Я спросила почему. «Мама, – ответил мой мальчик, – у меня болит голова и страшная боль в желудке». Я встревожилась и уложила его в постель, надеясь, что за ночь боль пройдет. Вдруг в 11 вечера входит блаженный Иоанн и, велев нам покинуть комнату сына, остается с ним наедине и долго-долго молится. Выйдя от него, говорит: «Не бойтесь, все будет в порядке». Я тогда не понимала, какая угроза нависла над нами. Блаженный Иоанн ушел. Утром мой сын впадал уже в бред, у него была сильная горячка, и он жаловался на страшные боли во всем теле. Испугавшись, мы вызвали нескольких врачей. Они созвали консилиум и сказали, что мальчика надо немедленно отправить в больницу. Наш епископ снова вернулся, исповедал и причастил мальчика и вновь утешил нас. Когда мы привезли его в больницу, несколько врачей тщательно осмот-

рели его и поставили диагноз: у сына дизентерия, воспаление левого легкого и начинающийся тиф: «Надежды нет. Ваш сын этого не выдержит».

В полном отчаянии и горе я побежала к блаженному Иоанну. Упала перед ним на колени и, рыдая, молила: «Спасите моего сына! Помолитесь за него! Я верю только в ваше заступничество пред Богом!» Блаженный Иоанн пребывал в суровой сосредоточенности. Как-то ему удалось меня утешить, и он отправился со мной в больницу. С того дня он навещал моего сына днем и ночью и все время молился над ним. Примерно через три дня, когда я пришла проведать сына, он пришел в сознание и сказал: «Мама! Какой страшный сон я видел сегодня! Я видел блаженного Иоанна, видел много врачей и сестер и себя видел тоже – и это было как будто вчера – одетым во все белое, и я проснулся». Я подумала про себя, что вероятнее всего мой сын умрет и мне придется одеть его во все белое. Врачи больше не пытались его лечить, так как считали конец уже близким.

Спустя день после этого мой сын начал поправляться. Он выздоровел по молитвам нашего святого и, как оказалось, тогда во сне даже удостоился увидеть свое будущее. В настоящее время он сам успешно и увлеченно работает врачом и носит «белую одежду».

Слава Богу, давшему нам такого молитвенника в годы суровой войны.

«Ни слуху, ни духу...»

Из рассказов о блаженном старце Иоанне Оленевском.

В годы войны одна женщина всем твердила, что сын ее пропал без вести на фронте: «Ни слуху, ни духу». И решила отдать его белье отцу Иоанну. А он стал настойчиво отказываться:

– Мне не надо! Иди на станцию сейчас же, этими же ногами и иди, не останавливайся нигде...

Она пошла. Торопится, не принятое старцем белье несет с собой и горюет: «Почему не взял белье?» Пришла на станцию, стоит у платформы, оглядывается по сторонам. И вот приходит какой-то военный поезд, во всех вагонах – солдаты, офицеры, громкий смех, приветствия... Вдруг слышит такой родной, знакомый голос: «Мама! Мама! Мама!» Она так и обмерла. Оглянулась – а это ее сын! Поезд несколько минут стоял на станции, и она успела передать белье в окно. И узнала, что он не ранен, и, обливаясь слезами, все махала вслед уходящему поезду.

Блаженная Матрона – спасительница детей наших

– В начале 1941 года, – вспоминает З. В. Жданова, – моя двоюродная сестра Ольга Носкова спрашивала

у матушки Матроны совета, идти ли ей в отпуск: давали путевку, но ей не хотелось ехать зимой. Матушка сказала: «Нужно идти в отпуск сейчас, потом долго-долго не будет отпусков. Будет война. Победа будет за нами. Москву враг не тронет, она только немного погорит. Из Москвы уезжать не надо».

Началась война. Сестра вместе с тремя детьми, свекровью и матерью собралась в эвакуацию и снова спросила блаженную, ехать ли. Матронушка ответила: «Никуда не уезжай. А кто поедет – претерпит большие муки». Сестра послушалась и осталась в Москве. Другая женщина, Вера Кучерова, также в это время спрашивала матушку, ехать ли ей в Себино с семилетним сыном. И ей старица сказала то же: «Оставайся в Москве». А у нее, у Веры, был муж-полковник, он настаивал на поездке в Себино, думая, что в глухом селе в 45 километрах от железной дороги она будет в безопасности. И Вера уехала, не послушавшись матушки, а потом рассказывала: в Себино пришел карательный отряд, немцы жгли дома, собрали всех детей в селе (среди них был и ее сын), закрыли в погребе, а сверху устроили костер... Согнали всех матерей смотреть на этот ужас. Вдруг подъехал немец на мотоцикле, передал какой-то приказ – фашисты куда-то заторопились и выпустили детей. Все верили, что по молитвам блаженной праведницы матушки Матроны спасены были тогда наши дети.

Он поверил без сомнений

Когда началась война, матушка Матрона просила всех приходивших к ней приносить ивовые ветки: она их ломала на палочки одинаковой длины, очищала от коры и... молилась. Пальчики были все в ранках. Часто говорила, что бывает невидимо на фронтах – помогает нашим...

Известен случай, как матушка всю войну охраняла своей молитвой одного человека. Он был на фронте, потом его направили в Горький учиться на десантника. Семья его жила в Москве, и он не имел он нее никаких известий. В школу десантников его не приняли, и вот на обратном пути ему захотелось непременно заехать в Москву – узнать, что с семьей. А это считалось дезертирством. Чтобы попасть в Москву в условиях военного времени, надо было, кроме билета, иметь соответствующие документы – в поездах постоянно устраивались проверки... И он молился Николаю Чудотворцу, просил и Матронушку помочь ему. Чудом добрался до Москвы – в поезде у всех проверяли документы, а мимо него проходили молча. В Москве, на вокзале, тоже стояли шеренги проверяющих, но и здесь он прошел беспрепятственно, с молитвой. Приехал, разыскал семью. Мать его поехала к Матронушке, а та ей и говорит: «Пусть сын твой поживет дома и пусть ходит по Москве не боясь – я буду молитвенно всегда рядом, все устроится». И он поверил без сомнений. Потом вернулся в свою часть и воевал до самого конца войны.

«Война будет!..»

Вологодский краевед Елена Стрельникова в своей книге «Новомученики и исповедники белозерские» приводит интересный эпизод из жизни ярославской блаженной старицы Сергии, слывшей прозорливой.

Владыка Тихон, епископ Кирилловский, жил перед войной в Ярославле. «Мы каждый год ездили к нему, – вспоминает одна из его духовных дочерей, – и заходили к матушке – блаженной Сергии. Однажды были у нее мы с Лукией, с которой девочками у владыки Тихона с посохом стояли... «Ох и гроза будет! Думаешь, гром загремит? Война будет! А ты будешь ходить по лодыжку в крови», – сказала матушка Лукии. Это было перед войной. В войну Лукия попала в блокаду, столько горя видела и перенесла, так и было по словам матушки».

Из воспоминаний об орловском блаженном старце Афанасии Андреевиче Сайко

Во время оккупации Орла немцы хвастались, что скоро возьмут Москву. «Москва – капут», – говорили они. Но Афанасий Андреевич видел дальше их. Однажды он и я сидели на лавочке на Афанасьевском кладбище, смот-

рим: идет немецкий солдат. Афанасий Андреевич подзывает его к себе, достает из кармана горсть мелких немецких денег – пфеннигов – подает их немцу и говорит: «На, пан, возьми, на них больше уже ничего не купишь!» – и высыпал их солдату в руку. Тот заулыбался, поблагодарил за подарок и, конечно, ничего не понял.

Афанасий Андреевич как-то пришел в гости к одной моей знакомой. Сидят они, в это время кто-то вошел на кухню. Афанасий Андреевич говорит:

– Мама, посмотрите, кто там пришел.

Она выглянула в дверь: там стоял немецкий солдат.

– Проклятый немец пришел.

Афанасий Андреевич покачал головой и отвечает:

– Мама, не ругайте их. Они – наши гости: как пришли – так и уйдут!

...Шла я после обедни с незнакомой женщиной. Наш разговор коснулся Афанасия Андреевича. Вот что поведала мне моя спутница:

– Во время оккупации жить было трудно. Ни работы, ни средств у меня не было. Чем жить? А у меня еще маленькая дочка... Иду я с печальными мыслями, а навстречу мне – Афанасий Андреевич. Подходит он ко мне и перед моим лицом помахивает бумажкой от немецкого мороженого, подает мне эту бумажку и говорит: «Возьмите». И побежал дальше. Держу я эту бумажку и думаю, что же он хотел этим сказать? Так просто старец ничего не говорит и не делает.

Когда-то умела делать бумажные цветы, и бумага подходящая. Пошла с ведром и начала собирать эти

бумажки. Набрала, помыла, посушила, разгладила утюгом и стала делать розы. Покрасила лепестки, розы получились замечательные. Принесла их на базар и в один момент распродала. Купила хлеба и еще кое-чего необходимого для ребенка. Эти бумажки по молитве старца оказались поддержкой мне.

В годы оккупации Орла немцы угоняли молодежь в Германию. В облаву попал сын ктитора, и его вместе с другими молодыми людьми отправили эшелоном на чужбину. Мать юноши решила пойти к Афанасию Андреевичу и спросить о сыне. Муж отговаривал ее: «Что пользы идти к больному человеку, он же ненормальный». Но Пелагея Яковлевна все равно пошла к старцу. Афанасий Андреевич подал ей учебник химии со словами: «Читайте, читайте, углубляйтесь в страницы. Ну, страницы, страна... Углубляйтесь». Положила она эту книгу в сумку, пожалала плечами и пошла домой. Приходит и говорит мужу: «Лучше бы не ходила, он действительно ненормальный...» А после освобождения города получают они с мужем письмо от сына, который писал, что сбежал из эшелона, пробрался в глубь страны и работает сейчас на химическом заводе. Вот и стало понятно, почему Афанасий Андреевич дал книгу по химии со словами: «Читайте и углубляйтесь».

...Моей знакомой, Анне, прислали две похоронки с сообщением о том, что ее муж погиб на войне. Анна жила со свекровью. Мать мужа, не глядя на эти бумаги, пошла к Афанасию Андреевичу спросить, как поминать

сына – «о здравии» или «за упокой». На ее вопрос Афанасий Андреевич ответил:

– Очень интересно смотреть, как это живых «за упокой» поминать? – и засмеялся.

Мать не стала поминать сына «за упокой», а через несколько месяцев получила от него письмо, где он писал, что жив и здоров.

...В голодное время войны Параскева Пухова работала на хлебозаводе и брала хлеб «украдкой». Проверяли, конечно, но она все равно брала и заносила хлеб в соседний дом детям. Их было семеро – мал мала меньше, а родители погибли в начале войны.

Однажды Параскеву с мешком задержали, сложили в ее мешок и хлеб, отобранный у других. Долго не отпускали, а к ночи выпустили, и Параскева поспешила, расстроенная, к Афанасию Андреевичу. А он сказал: «Мешок под стол, самовар – на стол, будем чай пить», – и старался увести Параскеву от мрачных мыслей.

На другой день все обошлось, словно ничего и не было – так доходчивы оказались молитвы старца к Богу.

Город Орел. 1943 год... Немцы готовились к отступлению. На всех заборах и домах расклеивали приказ, чтобы население Орла в такой-то день отступало по направлению к Брянску, на Запад. Те, кто не подчинятся приказу и останутся в городе, будут расстреляны как партизаны. И вот в тот день по всем улицам по направлению к Западу шли люди толпами, с детьми, с чемоданами и узлами, семьями и в одиночку.

Виктор Широков вспоминает:

– Я спросил у Афанасия Андреевича, что нам делать, как поступить. Афанасий Андреевич взял меня и соседа, подвел к зданию школы рядом с нашим двором, и, указав на плиту, которая находилась рядом с фундаментом в земле, сказал: «Вот здесь крепче всех крепостей». Мы постучали по плите: звук глухой. Когда плиту подняли, под ней обнаружилось подвальное помещение. Тогда Афанасий Андреевич перекрестил нас обеими руками, как архиерей, сказав: «Идите».

Мы быстро втащили туда матрацы, рюкзаки и все необходимое. В дальнем углу постелили матрацы. Я посадил свою мать и жену, закрыл люк, и мы притаились. Вдруг люк открывается, и в него заглядывает эсэсовец, а с ним собака-овчарка. Немец спустил собаку в подвал. Собака обнюхала три угла, а в наш не пошла. Немец ушел.

Это чудо нашего спасения было по молитвам Афанасия Андреевича.

Пророчество Оптинского старца исполнилось в годы войны

В самом начале XX века в Оптиной Пустыни в монастырской больнице жил на покое архимандрит Агапит (Беловидов). Он слыл прозорливым. Свидетелем одного его предречения оказался известный духовный писатель

С. А. Нилус. Как-то пошел он провожать гостивших у него друзей. Встретив старца Агапита, решили взять благословение. Но когда подошел маленький Сержик со словами: «Благословите, батюшка!», тот неожиданно сам поклонился ребенку и сказал: «Нет, ты сам сперва благослови!» И, к общему удивлению, ребенок, сложив как надо персты, благословил почтенного старца. Все недоумевали. «Что-то выйдет из этого мальчика», – записал в дневнике С. А. Нилус. Пророчество старца исполнилось и открылось много лет спустя, во время Великой Отечественной войны.

В 1941 году, когда немцы уже рвались к Москве, Наталия Владимировна Урусова (мать репрессированных в 1937 году двух сыновей) посещала тайные богослужения в подмосковном Можайске. Однажды она узнала, что в двух верстах от города живет некий старец высокой духовной жизни. Друзья помогли ей посетить старца, чтобы поисповедоваться и причаститься. Звали его о. Серафим.

«Прошло три месяца, – вспоминала Н. В. Урусова позднее, – немцы уже были в Можайске... Монахиня Н. пришла как-то ко мне со словами: «Старец Серафим – в Боровске, который сутки был занят немцами, и прислал меня к вам передать свое благословение, и велел открыть вам, что он тот мальчик Сережа, которому когда-то поклонился оптинский архимандрит Агапит».

Так один старец прикровенно явил очевидцам будущее неизвестного ему отрока, которому впоследствии суждено было нести подвиг старчества в суровые годы военных испытаний.

«Немцы отступили...»

Преподобный старец Амвросий Балабановский, начинавший свой иноческий путь в Оптиной Пустыни, — один из самых выдающихся подвижников нашего времени. Великая Отечественная война застала батюшку в калужском селе Иклинском. Здесь и были явлены старцу случаи чудесного заступничества свыше. Мы располагаем подлинными свидетельствами самого преподобного.

Немцы заняли Иклинское. И сразу же хотели солдаты разместиться в церкви. Батюшка несколько часов подряд неустанно молился, призывая на помощь Пресвятую Богородицу и заступничество Сил Небесных. И вот появляется в немецком штабе один местный верующий человек и так смело говорит: «Наши коммунисты храм не трогали, а ваши солдаты хотят его занять!»

— А вы служили в этом храме? — спросили штабисты.

— Да, служили!

Тогда пришел их начальник и выгнал всех из церкви: «Здесь служили, и пусть служат!»

Так Божия Матерь спасла храм от поругания.

Батюшка вспоминал, что немецкие солдаты находились в Иклинском два месяца и пять дней: 22 октября заняли они село, а 25 декабря (н. ст.) советские войска выбили их оттуда в два часа ночи. «В эту ночь была такая канонада, что невозможно описать: смерть витала у нас над головой. «Господи, прости, Господи, помоги! Не остави нас, спаси и сохрани...» — молились все мои до-

мочадцы. Я, недостойный и грешный, мама моя, Наталья Семеновна и раба Божия Евдокия решили причаститься Святых Христовых Таин, так как со мною были Святые Дары. И ждали мы смерти – вот попадет снаряд в дом... Но Господь Своею благодатию сохранил нас от напрасных и внезапных смерти и даровал нам жизнь для покаяния – немцы отступили...»

Война продолжалась. В марте 1942 года старец Амвросий был назначен настоятелем храма в селе Спас-Прогнань. Во весь период военных действий церковные богослужения в этом приходе не прекращались ни на один день. И снова батюшка явил себя благодатным молитвенником, способным испросить у Господа чудесного вспомоществования.

Сельский Преображенский храм XVIII века, редкий по красоте, буквально был спасен от разрушения по молитвам старца – так считают сегодня оставшиеся в живых очевидцы.

Помощь преподобного

Преподобный Никон Оптинский был одним из последних старцев разоренной в 1920-е годы Оптиной Пустыни. Его духовные чада свято верили в благодатную силу молитв своего духовного отца. И даже после его исповеднической кончины (в далекой северной ссылке) они обращались в тяжкие минуты жизни за помощью к воз-

любленному Оптинскому старцу – к его небесному предстательству пред Господом. Вот о каком чудесном случае военных лет рассказала духовная дочь преподобного Никона – козельчанка Мария Семеновна Добромыслова, оказавшаяся в годы фашистской оккупации в Калуге.

...Началась война. Несколько месяцев Калуга была оккупирована немцами. Однажды в дом Марии Семеновны вошел немецкий офицер. Она очень испугалась, так как никого рядом, кроме старенькой матери, не было. И мгновенно, взглянув на фотопортрет о. Никона, взмолилась к нему о заступничестве: «Отче родненький, умоли Господа защитить нас!...» Офицер застыл на пороге, не отводя глаз от стоявшей напротив у стены старинной фисгармонии. Жестом приказал стереть с нее пыль, сел и стал играть. И словно забыл, зачем пришел. Поиграл около часа, молча встал и... ушел! Мария Семеновна до конца дней своих была уверена, что это отец ее духовный отвел беду.

Тишина среди войны

Заслуженный врач РСФСР Виктор Львович Лapidус в годы Великой Отечественной войны возглавлял хирургический госпиталь № 1830, который дислоцировался в Козельском районе – сначала вблизи Оптиной Пустыни, а с июля 1942-го – в Шамордино. Благодать этих мест

была столь велика, что некоторые события тех тягостных дней воспринимались военными медиками как чудодейственные.

С самого начала войны госпиталь располагался в казармах возле железнодорожной станции. Поезда часто бомбили, поэтому, после очередного налета, госпиталь укрылся в вековом оптинском лесу. Рядом был мост через реку Жиздру. Он часто подвергался обстрелам – но... безуспешно! Мост оставался неповрежденным. Военные медики, далекие от истинной веры, все-таки усматривали в этом чудо.

«Однажды на рассвете, – рассказывает Виктор Львович, – авиаснаряд разорвался в пяти метрах от госпитальной кухни. Завтрак был уже готов. Котел с кашей поднялся вверх над очагом, а затем плавно опустился точно на свое место. Кухня уцелела. Чудо, везение? Толки были самые разные...»

Оптина Пустынь была совсем рядом. Правда, до войны медикам о ней слышать не приходилось, а теперь... Они чувствовали, что даже стены монастырские излучали некую таинственность. «Когда мы проходили мимо, – вспоминает начальник госпиталя, – громкие разговоры, смех сами собой стихали». И это им тоже казалось чудом.

Не менее чудесным оказалось и размещение госпиталя в Шамордино. «То, что мы увидели, приехав на место, превзошло все ожидания. Мы нашли здесь все, что хотели. Это место наполняла особенная чистота воздуха. Подумать только, в двадцати километрах рвутся снаряды,

перестрелки, окопы, а здесь такая благодать. В Шамордино царила, я бы сказал, целебная тишина, – это отмечали все наши сотрудники и подопечные». Они так и говорили: «Дышится здесь легко!» Удивительным было и то, что в Шамордино, по словам В. Л. Лапидуса, все делалось «как-то исправнее, чем где бы то ни было».

«Командованию армии Шамордино тоже пришлось по душе, – завершает свой рассказ Виктор Львович. – На базе госпиталя проводились различные армейские совещания. Нас посещал сам командарм И. Баграмян. И еще одна деталь. Известно, что в военные годы было узаконено употребление «наркомовских» ста граммов. В те времена у молодых солдат и офицеров в почете были бравада, лихачество, ухарство. Так вот, ступая на Шамординскую землю, все как бы притихало. В поведении заметна была не то чтобы скованность – скорее умиротворенность, не было нарушений дисциплины, – причем это не зависело от командования, а получалось как бы само собой...»

Тишина среди войны... Благодатная, целительная – ниспосланная с неба для врачевания истомленных, исстрадавшихся душ.

Молитва в... «отдельной келье»

Об этом замечательном случае рассказала о. Марку шамординская монахиня Херувима (ныне уже покойная), которая в годы войны, будучи подростком, стала очевидицей происшедшего.

Бывший оптинский звонарь о. Тихон, старенький, седой, плохо уже слышащий и слабо видящий, доживал на покое в соседнем с Оптиной Козельске, в маленьком домике возле Благовещенского храма. Там же оставался он и во время оккупации города фашистами. При отступлении немцы нещадно бомбили древний Козельск. И вот однажды при такой бомбежке домик оптинского старожилы весь почти разворотило. Но – о чудо! – в своей отдельной келье (без стен и потолка!) стоял перед иконами живой и целехонький старчик – молился, медленно опускался долу в земных поклонах. И – ничего не слышал! Так и застали его после налета – углубленным в молитву ко Господу, к Царице Небесной и святым угодникам.

«Она колокол спасла...»

Этот рассказ был записан в Оптиной Пустыни писательницей Н. А. Павловой по воспоминаниям местных старожилов.

В деревне Стенино возле Оптиной Пустыни жила матушка Устинья, о которой все говорили: «Она колокол спасла...» Было это в 1920-е годы, когда закрыли Оптину Пустынь и святая обитель стала местом глумления для богоборцев. С особой ненавистью они уничтожали монастырские колокола. Сброшенные с колокольной и не-сокрушимые под ударами кувалд, они были обречены на другую святотатственную гибель. Колокола обложили дровами и подожгли – днем и ночью пылали костры, плавилась малые колокола, а самый большой не поддавался варварскому уничтожению. Ярость против непокорного колокола достигла такой силы, что, когда он наконец распался на части, богохульники в исступлении решили... утопить его в нечистотах. И вот тогда из толпы плачущих женщин выскочила юная боголюбивая Устинья, схватила обломок колокола и убежала, прижимая его к себе. Вслед убегающей раздались хохот и ругань.

Шли годы, и люди заметили, что жизнь этой девушки складывалась на редкость удачно: муж и дети – лучше не бывает, в огороде – редкое изобилие, в хлеву – приплод, а значит, и в доме прибыток, в семье – мир и любовь. «Так ведь она же колокол спасла», – стали говорить тогда богомудрые люди. А неверующие отмахивались: «Везет ей просто».

В войну народ снова потянулся к Богу. После Победы в дом благочестивой стенинской Устиньи вернулись с фронта невредимыми и муж, и сыновья. Устиньин дом был единственным за всю войну, куда не приходили похороны. И в этом все видели Божие чудо – и

деревенские солдатские вдовы, и матери, потерявшие сыновей. С той поры и говорили люди в единомыслии: «Она колокол спасла – а Господь весь род ее спас на войне!»

Разумеется, в те далекие 20-е годы слабой девушке не под силу было спасти огромный, тяжелый колокол – унесла от гибели только его частицу. Но всевидящий Господь благословляет и наши добрые намерения. И как защитила она от поругания священный обломок колокола, так и Господь защитил и помиловал ее близких, даровав им долгую, счастливую жизнь.

«Божия Матерь дала послушание...»

Петербургский православный писатель Валерий Лялин в 1960-х годах встречался с известным старцем-святителем Зиновием (Мажугой), митрополитом Тетрицкаройским. Вот что он рассказал об этой встрече.

...Я спросил владыку, что бы это могло означать, что день полного снятия блокады Ленинграда 27 января совпадает с днем памяти св. равноапостольной Нины – просветительницы Грузии и другини Божией Матери? – пишет автор. – Владыка задумался, осенил себя крестным знаменiem и сказал: «Многие народы оплакивали и скорбели, молились и помогали, как могли, осажденному и гибнущему населению Ленинграда. И мит-

рополит Гор Ливанских Илия ушел в затвор, и ему было явление Божией Матери, Которая ему сказала, что пока власти России не снимут цепи и оковы с Церкви, до тех пор победы над врагом не будет. Потому что на страну нашла не просто военная сила Германии, а сила демоническая. В основе всего злодейского плана нападения на Россию были тайные языческие и оккультные доктрины сатанистов Востока, Гималаев и Тибета.

И когда наконец Сталин, как бывший студент духовной семинарии, понял это и освободил Православную Церковь, вот тогда и сатанинские полчища покатались обратно на Запад. Все жалели ленинградцев. Даже казахский акын – мусульманин Джамбул прислал в осажденный город свои чудные стихи: «Ленинградцы – дети мои». В это же время и мне под утро в тонком сне привиделось, как св. Нина предстоит перед престолом Божиим на коленях и молит Господа пожалеть и помочь страдающим людям осажденного города одолеть врага и супостата. И при этом из ее глаз по щекам катились крупные, величиной с виноградину, как бы хрустальные слезы. Я это растолковал, что Божия Мать дала послушание св. Нине быть споручницей этому осажденному городу.

Издравле на Руси было принято считать, что в день какого святого одержана победа над врагом, значит, этот святой и способствовал ей.

И посему хорошо бы, чтобы жители Санкт-Петербурга, в знак Божией милости к ним и в знак признательности св. Нине за ее предстательство пред Господом, в каждом

храме имели бы образ св. Нины с соответствующей надписью в память полного снятия блокады, чтобы потомки помнили и знали о наших скорбях и радостях. Ну, а если и храм созиждут в память св. равноапостольной Нины и всех мучеников блокадных, то благо будет им и потомкам их».

И вот по прошествии многих лет, когда я из Грузии вернулся в Санкт-Петербург и в один из дней пошел в часовню блаженной Ксении на молебен, а после зашел в Смоленский храм, там увидел я икону св. равноапостольной Нины с дарственной надписью в память снятия блокады. Исполнилось то, о чем говорил митрополит Зиновий.

Свет блокадной лампы

«Святая преподобномученице Евгение, моли Бога о нас!» – слова этой молитвы можно услышать каждую неделю в стенах больницы св. Евгении, что на Старорусской улице, дом 3. На базе районной больницы № 46 был создан Центр реабилитации жителей блокадного Ленинграда. При больнице устроена часовня св. Евгении, которую окормляет приход св. Апостола Иоанна Богослова (подворье Леушинского женского монастыря, затопленного безбожниками накануне войны водами Рыбинского «мертвого моря»). Каждую неделю по четвергам о. Геннадий и о. Валериан служат здесь молебны

о болящих, совершают таинство крещения, исповеди, проводят духовные беседы с больными. Для кого-то это возможность не оставлять церковную молитву и в больнице, для кого-то – первая встреча со священником, первая исповедь.

После молебнов блокадники рассказывают о пережитом. Прихожанин храма св. Иоанна Богослова Сергей Смирнов записал некоторые блокадные рассказы.

«Осталась жива, конечно, только с Божией помощью, – вспоминает Мария Ивановна Дорошенко, которой было пятнадцать лет, когда началась война. – Один за другим умирали близкие, а сил хватало только на то, чтобы спускать их, моих дорогих, завернутых в старенькие одеяла, по лестнице во двор. На кладбище уже было не доехать...»

Но девочка-подросток нашла для себя духовный источник сил: она начала усердно молиться. Всю блокаду в ее одинокой комнатке висела икона, которую она так и называла – «Моление». «Фигура Спасителя там с синей лентой поперек, а сверху Ангел», – припоминает Мария Ивановна. Обледенелые окна, изморозь на стенах – а огонек зажженной лампы перед любимой иконой Маши согревал сердце, и доверительная, тихо струящаяся молитва поддерживала еле теплющуюся жизнь. Так, чудесным образом, и выжила. А та икона и по сей день находится в квартире блокадницы.

«Бомбили порт, все горело кругом, было так страшно...» – уходит в свои детские воспоминания Людмила

Васильевна Петухова (было ей тогда всего пять годочков). Мама брала ее с собой на работу в трамвайное депо. «Соберутся женщины в дежурке – плачут, кричат. А я их успокаиваю: „Тетеньки, не плачьте! Боженька нас спасет, молитесь Боженьке!..”» Люду так и называли – «наш ангел-хранитель».

А вокруг дома, где они с мамой жили, во время бомбежек ходила женщина с иконой – дом не пострадал, и даже окна остались целы. Была икона Божией Матери и в их убогой комнатке, над обеденным столом. А весь «обед» – крошечный кусочек хлеба, который мама резала на дольки. Но Пресвятая Дева внимала их бесхитростным молитвам – и насыщала, поддерживая горение «блокадной лампы» жизни.

Дети вспоминают своих матерей. Верующие православные христианки, они молились, чтобы Силы Небесные отвели беду от города, чтобы их дети остались живы. Девочки в то время считали себя неверующими, но в минуты предельного отчаяния обращались за помощью к Отцу Небесному, и эта помощь приходила.

Рассказывает Марина Ивановна Шаботковская: «Во время блокады я, моя мама Прасковья Иосифовна и сестра Лариса находились в Ленинграде до 23 июля 1943 года. 8 июля у мамы украли все карточки, и мы уехали в Ярославскую область.

На Рождество 1943 года мы все спали на одной кровати. У нас ничего не было – все под одним одеялом. И вот мы маму стали спрашивать об этом празднике, мама нам рассказала и прочла молитву. Нам молитва очень

понравилась, и мы почти целую ночь пели эту молитву, заучив ее наизусть. А перед этим три месяца от нашего отца (находившегося на фронте под Сталинградом) не было совершенно никаких известий, и мы думали, что он погиб. И вот – я не знаю, я считаю, что свершилось чудо: на следующий день мы получили от отца письмо. Отец был жив! Потом снова воевал – и снова остался жив».

Вот слова молитвы, которую Марина Ивановна пела с мамой и сестрой зимой 1943 года: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащий звездою учахуся, Тебе кланяться Солнцу Правды и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!»

Текст этого праздничного Рождественского тропаря Марина Ивановна и сейчас не может произносить без волнения.

Пережил блокаду

Кулич и пасха – традиционное угощение в Светлое Воскресение Христово. Но вот чудеса: увидеть их довелось на этот раз не на праздничном столе, а... прямо на улице! Церковь эта петербургская так и называется – «Кулич и Пасха». Настоятель, протоиерей Виктор Голубев, уже 25 лет в этом храме. В прошлом – ленинградское блокадное детство, чудесное спасение от гибели,

есть что вспомнить. И поделиться с нами – во славу Божию и для нашего назидания.

– Мальчиком я пережил блокаду, был ранен снарядом, умирал в переполненной больными детьми палате. Но выжил чудом, и вот уже скоро сорок лет как служу Господу в священническом сане...

Видно, ради этого служения и отвел от него Господь надвинувшуюся смерть тогда, в 43-м, в блокадном Ленинграде.

Чудо о блокадном сахаре

Эту «блокадную историю», которая произошла с его прабабушкой, рассказал молодой журналист из газеты «Православный Санкт-Петербург» Георгий Шевченко.

– Прабабушка Настя еще до войны стала болеть туберкулезом. Жила она с мужем Феодором, моим прадедом, и детьми в комнате большой коммунальной квартиры на Синопской набережной. Все соседи, узнав о болезни, перестали с ней общаться, боясь заразиться. Но вот пришла война. Голод. Сорокаградусные морозы. Страх перед будущим.

Еще в начале войны немцы разбомбили Бабаевские продовольственные склады. Прабабушка с прадедом пошли и откопали возле него большие комья сахара, смешанные с землей. Они сильно обрадовались находке

и окрепли духом, ведь теперь можно было еще долго бороться с голодной смертью. А сколько еще дней будет длиться это «долго», они не знали.

Когда начался страшный голод и перед блокадниками встал вопрос жизни и смерти, чтобы спасти близких своих, соседей по коммунальной квартире, прабабушка Настя и прадед кормили всех квартирантов тем самым, найденным у взорванного склада, сахаром до тех пор, пока он не кончился. Выжили почти все – разве это не чудо?!

А после войны, когда прабабушка Настя пошла к врачу для дальнейшего лечения и получила результаты анализа, радости ее и врачей не было границ – она была совершенно здорова. Так все стали свидетелями еще одного чуда, явленного Господом.

Я уверен, что подобных чудес за время Великой Отечественной войны было немало. Иначе не выстоял бы мой родной далекий Ленинград, не победила бы наша страна сильнейшего врага.

«Выжили мы – вот главное чудо...»

В музее обороны Ленинграда хранятся удивительные рисунки: 14-летний мальчик, житель осажденного города, замерзшими непослушными пальцами зарисовывал очереди за хлебом, разрушенные здания... Рисунки живые, меткие, в них нет отчаяния, есть даже своеобразный юмор – теплый, сочувственный. Автор этих замечательных

работ – Дима Бучкин, сын знаменитого петербургского живописца, профессора Академии художеств П. Б. Бучкина. Ныне Дмитрий Петрович Бучкин – известный художник, чьи работы хранятся в разных музеях страны и за рубежом. Он согласился поделиться воспоминаниями о своем блокадном детстве.

Тринадцать лет мне исполнилось на второй день войны – 23 июня 1941 года. Нас, мальчишек, насмотревшихся фильмов про Чапаева и танкистов-трактористов, война просто манила. Мы даже вырыли окоп вокруг дома, чтобы оттуда первыми увидеть приближение врага.

Первая милость Божия, явленная мне, подростку, запомнилась на всю жизнь. Командиром нашей домовой бригады, дежурившей на крыше во время авианалетов, была соседка Мария Афанасьевна. Она и погибла на боевом посту, на моих глазах: рядом с домом разорвалась бомба – и взрывной волной ее смело с крыши, а я успел зацепиться за печную трубу – без чудесной помощи свыше вряд ли это было бы возможно в тех экстремальных условиях.

Меня часто спрашивают о «настоящих чудесах» той страшной 900-дневной блокады. Их было множество – о них не устают вспоминать блокадники. Выжили мы – вот главное чудо. Город не сдали. Все это ничем, кроме помощи Божией, не объяснишь.

Расскажу вам такой случай. Однажды вечером отец почувствовал себя особенно плохо и отказался идти в бомбоубежище. «Лучше дома погибнуть, – сказал, – чем быть заваленным в подвале». Раз отец не идет, то

и мы остались дома и так пересидели бомбежку. И что же? На следующий день оказалось, что на бомбоубежище, где мы обычно прятались, рухнул дом и засыпал его наглухо. Было это в самую тяжелую пору блокадной зимы, и расчисткой завала никто не занимался. Так и погибли люди в этом бомбоубежище, а мы остались живы. Господь спас – по молитвам нашей мамы...

Во время блокады неверующих не было. И моя мама достала припрятанные иконы, повесила их над кроватью больного отца и каждый день молилась... Все уповали на Господа, на Его милость.

Несколько чудесных случаев

Из рукописного дневника исповедницы веры православной, ленинградки Анны Сергеевны Иговской.

На площади у Московского вокзала стоял храм во имя Входа Господня во Иерусалим – в просторечии его называли «Знамение». Эту церковь закрыли после смерти физиолога И. П. Павлова. При нем сделать этого не решились: ученый некогда венчался в этом храме и поставил условие, чтобы он был открыт, в противном случае пригрозил прекратить работу. Тщетно его супруга Серафима, похоронив мужа, хлопотала о сохранении дорогого и ей храма, который она постоянно посещала, – безбожники безжалостно его закрыли, а потом взорвали.

Произошло это в 1941 году под праздник Вознесения, поздно вечером в среду. Живущие окрест были предупреждены заранее, им было предписано заклеить полосками бумаги стекла окон. Вандалы XX века не пощадили редкий памятник архитектуры – белоснежный, оформленный внутри белым камнем, крестообразный храм, украшение района, да и всего города. Над главным алтарем на фоне настоящего золота была написана замечательная копия фрески Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Когда я утром в четверг Вознесения проезжала в трамвае из дома в Никольский собор (ближе храмов не осталось!) мимо свежих руин, то увидела, что из всех стен святого храма чудом уцелела только одна небольшая часть алтарной апсиды с образом (он был снаружи) Знамения Божией Матери. До взрыва по сторонам этого образа были две иконы: святая Варвара и святая Мария Магдалина. Эти иконы не уцелели – стояла Одна Пречистая, воздев за нас богоносные руки Свои! Многие в трамвае крестились, видя явное чудо в сохранении лика Богоматери, кое-кто даже прослезился.

Четыре дня стояло это чудо, а когда мы ехали к обедне в воскресенье Свв. Отец I Собора, то застали такую картину: бригада комсомольцев какими-то железными орудиями, вероятно кирками, скалывала с оставшейся апсиды лик Пречистой. Ужас и негодование объяли многих ехавших в трамвае. Много терпел Ты, Господи, но такого надругательства над силой Твоей, сохранившей лик Тебя Рождшей – не потерпел! Вскоре началась Великая Отечественная война.

В ночь на 19 сентября, на день воспоминания чуда Архистратига Михаила, видели мы с братом Борисом и одной верующей женщиной и ее детьми удивительное небесное явление, несколько похожее на северное сияние, но в южной части неба. Лучи колеблющегося света исходили из одного центра, в самом почти зените неба. Лучи огромной величины. От нас это явление виделось как бы со стороны Александро-Невской Лавры. Брат, подметавший двор, вызвал меня – он первый увидел эти лучи. Мы опустились на колени, и брат, потрясенный, зывал: «Свят, свят, свят Господь Саваоф...» Я повторяла за ним те же ангельские слова. Потом вызвала соседку Серафиму – и она, выйдя из своего жилища в подвале каменной пристройки нашего дома, в трепете сказала те же самые слова ангельского славословия, хотя была и малограмотная, и в церковь не ходила, разве что очень редко. Долго мы стояли, созерцая дивное видение славы Божией. А центр, откуда исходили лучи, казался то лежащим наклонно Крестом, то Всевидящим Оком. Явление это началось около девяти часов вечера и длилось, меняя силу и постепенно, с 12 ночи, ослабевая, – до трех часов пополудни. Один луч, самый широкий, зашел за западный горизонт, и я подумала, что он означает славу России. Много раз выходили мы с братом во двор и снова с трепетом смотрели на небо... Папа лежал совсем слабый и спать не мог. Я рассказала ему о небесном явлении, и он воспринял это со вниманием и благоговением. Наутро весь город говорил о знамении с неба, а в газете напечатали, что это было обыкновенное северное сияние. Но никто не верил газете.

Во время бомбежек осенью 1941 года было два известных мне (наверное, их было больше) чуда. Близко знакомая мне Ольга Кузьминична Столярова, келейно принявшая постриг с именем Сергии и воспитавшая двух сирот, во время бомбежки стала на молитву в свой иконный угол... Бомба попала в их трехэтажный дом и как отрезала уголок с невредимо стоящей м. Сергией. Тогда еще можно было вызвать пожарных – приехали, приставили лестницу к углу 3-го этажа и сняли матушку. С собой она взяла икону Божией Матери, очень ею чтимую. Это было на 5-й Советской улице, напротив Афонского подворья (давно закрытого).

Рассказывали мне и о втором случае. На Тверской улице женщина также уцелела во время бомбежки: сохранился угол комнаты, где она в молитве стояла перед Казанской иконой Царицы Небесной.

Однажды я, изнемогая от мук голода, просила св. пророка Илию о милости. И вдруг мне и Наде Зверевой одновременно пришла мысль – полезть в дымоход печи покинутой комнаты Орловых. И – о чудо! Я вытаскиваю оттуда мешочек сухарей! Мы разделили их на три части – мне, Наде и Коле. Каждому досталось понемногу, но восторг от чуда пророка поднял мои силы и укрепил уверенность в том, что я все-таки выживу. Надежды я не теряла: я помнила слова отца Серафима Вырицкого, что мне должно быть в монастыре и во всем помогать игумении.

«Скоропослушница» – блокадному городу

Поселок Заборье Бокситогорского района Ленинградской области – это начало легендарной «Дороги жизни». Здесь, на станции, в годы войны формировались автопоезда, следовавшие по Ладожскому озеру, а затем – в блокадный город на Неве. При создании музея «Дорога жизни» выяснилось, что первый автопоезд, оказывается, был отправлен в те далекие 40-е годы в день празднования иконы Божией Матери «Скоропослушница». Дрогнули сердца православных музейщиков – вот оно, обыкновенное русское чудо! Заступница России, Пречистая Дева, скоро услышала нашу мольбу – и поспешила в осажденный город во главе автоколонны с продовольствием.

А сегодня в поселке возведен высокий шатровый храм – также в честь «Скоропослушницы». Это наша памятная свеча благодарности Богу и Пресвятой Богородице.

«Сохранен по Божией воле...»

Так считают все петербуржцы, на глазах которых восставал от беспамятства и заброшенности великолепный храм у Летнего сада – «Спас на Крови». Да, именно

по Божией воле, за святые молитвы русского царя-мученика Александра II уцелела эта жемчужина отечественного зодчества, дивный храм-памятник в годы войны.

Здесь, на набережной Екатерининского канала, 1 марта 1881 года был смертельно ранен террористом Гриневицким император Александр II. Взошедший на престол после кончины отца Александр III повелел на месте его гибели возвести храм, как бы осененный глубокой скорбью русского народа.

В Петербурге к «Спасу на Крови» всегда испытывали особое чувство. Но не спасла даже великая любовь верующих храм от закрытия в богоборческие 1930-е годы. А вот во время ленинградской блокады чудо Божие зримо было явлено в судьбе храма-памятника: в купол собора попал снаряд и... не разорвался! Так и застрял там, и лежал долгие годы нетронутым – конечно же, всегда была угроза взрыва, но Господь внял молитвам убиенного русского самодержца. И только в 1961 году мужественные саперы под руководством Виктора Демидова, рискуя жизнью, обезвредили снаряд – угроза миновала.

«Спас на Крови» – на крови царственного мученика, на крови тысяч ленинградцев, погибших в блокадные годы Великой войны...

Святость Победы

Так же, как старые русские солдаты любили и уважали Суворова, так и сейчас наши солдаты и все советские люди уважают и любят Вас. Я сам бывший фронтовик, инвалид Отечественной войны, солдат Вашей армии. И если потребуется, то я готов по первому Вашему зову снова взять в руки боевой автомат, и я никогда не подведу Вас...

Из письма ветерана войны маршалу Жукову

Рассказывает Мария Георгиевна Жукова.

Отец рассказывал, что во время войны катастрофически не хватало высокопрочной стали для производства танков и другой военной техники. Положение, по его словам, было отчаянным. Ведь ничего решительно не было: ни стали, ни пороха. Ничего! И ведь бралось откуда-то. Откуда только что бралось! Чудом было то, что высокопрочную сталь нашли в количестве 300 тысяч тонн на месте разрушенного в 1931 году храма Христа Спасителя, где был возведен фундамент будущего Дворца Советов. Это было действительно чудо, что в нужный момент, в решающие дни войны высокопрочная сталь, найденная на святом месте (хоть и оскверненном, ибо Ангел-Хранитель даже разрушенного храма продолжает оставаться на его месте до Второго Пришествия Господа Иисуса Христа), пошла на святое дело защиты Отечества.

Даже враги удивлялись. Геббельс в январе 1943 года заявил: «Кажется каким-то чудом*, что из обширных степей России появлялись все новые массы людей и техники».

В Белоруссии, в Каменецком районе Брестской области, в селе Омеленец находится Свято-Крестовоздвиженская церковь. В годы войны фашисты сняли с нее все колокола и отправили на переплавку в Германию. В период освобождения Белоруссии на звоннице находился наблюдательный пункт советских войск. Кругом рвались снаряды, но церковь осталась нетронутой. Настоятель храма отец Евгений Мисиюк с церковного амвона призывал верующих молиться за спасение Отечества, был инициатором сбора и отправки посылок для бойцов, за что получил благодарственное письмо от маршала Г. К. Жукова.

В день Победы 9 мая 1945 года в омеленецкой церкви был отслужен благодарственный молебен. Отец Евгений в письме к Жукову написал о молебне и, поздравляя его с Победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Письмо дошло до адресата, и маршал, несмотря на занятость, поручил найти колокола.

В районе Познани удалось обнаружить колокола, которые фашисты не успели переплавить – они были не омеленецкие, но все равно отлитые русскими мастерами. Вскоре от маршала пришел ответ и посылка... весом в

* Правда, он понимал это не как Божие чудо, а как волшебство.

тонну – три колокола! Колокола повесили при помощи прихожан и воинов соседней части. Но тут случилась неувязка: колокола повесили, а звонить местное начальство не разрешило. Тогда отец Евгений с прихожанами написали письмо в Минск, дескать, как же так – колокола подарил сам Жуков, а звонить в них не разрешают! Высокому начальству ничего не оставалось, как дать «добро». Такого благовеста еще не слышала округа! По сей день во время богослужений над селом и окрестностями раздается призывный и умиротворяющий колокольный звон.

Отец не мог не осознавать и святость победы в Великой Отечественной войне. Он ходил до революции на службы в храм Христа Спасителя и не мог не знать, что построен он был, дабы увековечить благодарность России Господу Богу за святую победу, победу в Отечественной войне 1812 года над христорборцами-французами. Мраморные доски на стенах храма с именами воинов-героев, спасших Отечество, говорили о святости их подвига. То же – и в этой войне. Он говорил: «...для нашей Родины навсегда останется святым день 9 мая». Иначе и быть не может.

Сразу после войны, 6 июля 1945 года, отец узнал о бедственном положении православного храма-памятника русской военной славы в Лейпциге (построен в 1913 году в честь столетия «битвы народов» под Лейпцигом, когда была разбита армия Наполеона русскими, прусскими и австрийскими войсками) и многое сделал для его восстановления. Саперные бригады работали там

по его указанию. Работу он принимал лично, приехав на открытие храма, и возжег в нем лампаду.

Чудо веры – в душе полководца

Многие предания военных лет так или иначе свидетельствуют о силе веры маршала Г. К. Жукова. Некоторые из них приводит дочь полководца Мария Георгиевна Жукова.

Под Сталинградом это было, в разгар немецкого наступления со стороны Дона. Наши войска держались на Дону сколько могли, но уже стали истекать кровью. Нет больше сил держаться: кто в окружение попал в степи между Доном и Волгой, кто погиб. А оставшиеся в живых к городу начали отходить. А немцы наседают, уже к Волге вышли и город вот-вот захватят. В Москву пошли тревожные телеграммы: «Стоим, но не уверены, что удержим. Просим помощи».

Сталин вызвал с Западного фронта Жукова. Тот ознакомился с обстановкой, донесениями штабов и предложил Ставке свой план: организовать отвлекающий удар по немцам с северной, степной стороны. Немцы вынуждены будут отбиваться, перебросят часть сил, сосредоточенных для штурма города, и сталинградцы успеют подготовиться к обороне. Прилетел Жуков в сталинградские степи, а тут неразбериха, войска смешались, командиры

иные за Волгу уходить намерились: потом, мол, соберемся с силами, отберем город назад у немцев. «А что солдаты думают? – спрашивает Жуков. – Вы с ними говорили?» – Молчат. Глянул он строго на генерала, командующего группой, – и на передовую. Пришли в боевые порядки одного стрелкового полка. И увидел Жуков иконку на бруствере солдатской траншеи, на позиции пулеметного расчета. Солдаты в траншее готовились к бою, а Пресвятая Богородица смотрела на них с иконы, прилаженной к горке глинистой земли. Командир полка, командир дивизии кинулись было извиняться – мол, недоглядели. Замполит кинулся к брустверу. Жуков взглянул на них, махнул рукой, как делают, когда человеку бесполезно что-то говорить: «Эх, вы!» И пошел к солдатам, узнал, что сержант с женой, оба воронежские из деревни Тимонинской, перед войной иконку в церкви освятили. Жуков пожал его крестьянскую руку.

Моя старшая сестра Эра вспоминает, что отец, выросший в деревне, знал и отмечал православные праздники – Пасху, Троицу, Рождество Христово и другие. Он помнил их с детства и не мог не радоваться им.

Иногда ведутся споры о верующей душе отца. В силу духовного целомудрия (я не боюсь громких слов в данном случае) не обсуждал он этого с людьми. Смешны разговоры о том, что если один из его водителей или кто-то из его близкого окружения не видел Казанскую икону Божией Матери, которую, как говорят в народе, он возил с собой по фронтам, то и не было ее. Маршал Борис Михайлович Шапошников, как рассказывал

священнику Валериану Кречетову его сын Игорь, а отец Валериан, в свою очередь, поведал мне, всю войну носил в нагрудном кармане образок Николая Угодника (я думаю, что его шофер тоже мог этого не видеть!).

Один человек рассказывал, что в начале войны Жуков прислал в их деревню под Наро-Фоминском машину со священником, чтобы окрестить всех детей.

Есть свидетельство о том, что маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, сын протоиерея, окончивший перед революцией духовную семинарию, тайно приезжал в Троице-Сергиеву Лавру и причащался Святых Христовых Таин. И в двадцатом, сложном веке, как и прежде, Господь Иисус Христос невидимо обитал в сердцах полководцев, укреплял их и помогал одерживать победы над врагами.

«Я скоро умру, ты останешься сиротой, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту придду», – сказал отец, чувствуя приближение неотвратимого конца, мне, шестнадцатилетней тогда девочке. Много лет пришлось мне осмысливать эти слова. Все годы, что отца нет в живых, они всегда были в моем сознании. Мне казалось это самым важным, что оставил он после себя. Только недавно я осознала, что этими (странными, как мне тогда казалось) словами посеял отец во мне веру в вечную жизнь души и в невидимую связь нашего мира с миром загробным, и не только связь, но и помощь наших усопших родных нам, их молитвы о нас. В этих словах не было сомнения (он не говорил «может быть»), они были сказаны кротко, спокойно, но и со знанием и силой. Это

и есть, по-моему, главное свидетельство его веры. В народе сохраняется предание о том, что Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери. Несколько лет назад архимандрит Иоанн (Крестьянкин) подтвердил это.

Старческое благословение

— Недавно стало известно еще об одном свидетельстве верующей души Г. К. Жукова, — рассказывает Мария Георгиевна Жукова. Лет пять назад было опубликовано мое «Письмо к отцу», в котором были такие строки: «Семилетней девочкой повез ты меня в Троице-Сергиеву Лавру. Из памяти стерлись подробности той поездки, но помню, что был большой церковный праздник. Так впервые я побывала у преподобного Сергия. Потом ты рассказал мне, как Дмитрий Донской сражался на Куликовом поле, а преподобный Сергей благословил его, сказав: «Ты победишь».

Я иногда задумывалась, кто же был тем Сергием, который шепнул в страшные дни 1941-го: «Ты победишь». Откуда мой отец черпал уверенность в победе? Когда многие пали духом, он, не колеблясь, сказал: «Москву мы не отдадим». Тот риторический вопрос, кто же был «тем Сергием», не остался без ответа. Им, как стало недавно известно, был последний Оптинский старец Нектарий.

О том, как приезжал к старцу Жуков, тогда командир полка, рассказала дочь хозяина дома*, у которого жил о. Нектарий, – Екатерина Андреевна Денежкина (ныне уже покойная). Это было примерно в 1925 году. По некоторым свидетельствам, встреча была не одна: будущий маршал приезжал несколько раз, оставался даже ночевать. Подробности этих встреч – для нас пока тайна. Благословляя моего отца, старец Нектарий сказал: «Ты будешь сильным полководцем! Учись. Твоя учеба даром не пройдет. Тебе везде будет сопутствовать победа...»

Все дивно и поучительно в этом рассказе дочери маршала. Чудесная прозорливость великого Оптинского старца вдохновила молодого офицера на совершенствование своих «талантов» – он стал замечательным военачальником. И с Божией помощью учил русских ратников искусству побеждать!

«Война – это попущение Божие»

22 июня. Начало Великой Отечественной войны. Забывать этот день нельзя. Это была самая кровавая и жестокая война за всю историю человечества...

* В селе Холмищи Брянской обл., где старец жил в изгнании, после закрытия Оптиной Пустыни в 1920-х годах.

Архимандрит Кирилл (Павлов) вспоминает, что все-народная молитва россиян во вновь открытых храмах воистину творила чудеса, склоняя на их сторону милость Божию. «После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов. Там только что открыли единственный храм. Собор был весь голый, одни стены... Народу – битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник, отец Иоанн, который стал впоследствии епископом Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнес, что все, сколько было в храме народа, навзрыд плакали. Это был сплошной вопль... Конечно, такой вопль, молитва простой верующей души до Бога дошла! Я в это верю на все сто процентов! И Господь помогал... Людям кажется невидимой помощь Божия – люди Бога не видят, не знают. Но связь невидимого мира с миром вещественным – непосредственная. Господь и нужных людей воздвигает, дает им опыт и мужество. Дает успехи в тылу и на фронте...»

И свершилось истинное чудо: война обратила людей к вере. А это подвигло милость Божию к нашей стране, к нашей Церкви, к нашим людям. По-человечески, конечно, можно сказать, что победил высокий воинский дух наших солдат. Несомненно, было и это. Но во всем переломе войны, в нашей великой Победе мы должны усматривать прежде всего присутствие Господней милости к нам и повсеместную чудотворную помощь скорбной России, восставшей от своего неверия.

«В прежние времена Господь воздвигал для России Суворова, Кутузова. В наше время Георгий Жуков – это была милость Божия. Мы обязаны ему спасением. Сразу же поднялась, окрепла и усовершенствовалась у нас военная техника. По-человечески мы все это относим к тому, что люди объединились и успешно работали на передовой и в тылу. Это правильно. Но силу, энергию и ум дал им Господь».

«Когда я читал воспоминания маршала Жукова, мне бросился в глаза момент, где он пишет о том, как он поражался в начале войны гениальности стратегических планов немецких генералов. Потом он удивлялся тем ошибкам и просчетам, которые впоследствии они же совершали.

Это со своей стороны говорит Жуков. Я со своей стороны скажу: это все совершила премудрость Божия! Господь, кого хочет наказать, всегда лишает разума, ума... И тот же человек, который вначале проявлял мудрость, когда благодать Божия отступила, совершает ошибки. Когда Господь уже решил дать помощь нашему народу, нашей армии, Он омрачил умы фашистам, а нашим военачальникам дал мудрость, воинскую смекалку, мужество и успех. Господь давал силы, энергию, разум нашим конструкторам и инженерам для того, чтобы одержать победу. Как говорится, без Бога – не до порога!»

Так ковалась Победа. И на этот раз, как и в давние времена, чудодейственная небесная помощь спасла Россию от конечной гибели. «В первые месяцы войны на-

ша страна входила в нее в тяжелом состоянии: поражение следовало за поражением. И дошел враг до Москвы, до Сталинграда. Когда Церковь, верующие люди молились со слезами, просили в молитвах Господа о победе русского оружия, молитва дошла до Господа. И Он вскоре переменял гнев на милость. Москва была спасена чудом... Будь немцы посмелее, взяли бы ее голыми руками. Москва на волоске висела. Действительно, Господь страхом удерживал немцев...»

И завершает свои размышления о. Кирилл (Павлов) тем же, с чего начал: «Война – это попущение Божие». За наше отступление от Бога, за наше малодушие и неверие. И предупреждает старец о горестных последствиях и сегодняшнего хаоса: «Если народ не опомнится, глубоко не раскается, не прекратится разложение нравов, – то хорошего ждать нечего. Можно ждать только гибели».

Сталинградское Евангелие старец пронес через всю жизнь

В начале войны совсем еще молодой человек, хотя и из благочестивой крестьянской семьи, но с двадцати лет росший в семье брата, в среде совершенно атеистической, рядовой Павлов (будущий архимандрит Кирилл) задавался вопросами: «Почему война, почему воюем?»

«Много непонятного было, — пишет о том богоборческом времени старец, — потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь».

И вот в Сталинграде с ним случилось чудо. Вот как это описывает сам отец Кирилл: «После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома. Был апрель, уже пригревало солнце. Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение!.. Собрал я все листочки вместе (книга разорвана была), и оставалось то Евангелие со мною все время...» И вдруг все непонятное ушло, все волновавшие вопросы стали отпадать сами собой: «Когда стал читать Евангелие — у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события. Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся. Дошел до Австрии. Господь помогал и утешал, а после войны привел меня в семинарию — возникло желание учиться чему-то духовному...»

Так в самых простых, понятных словах рассказывает архимандрит Кирилл о самой сложной в жизни человека дороге — дороге к Богу. Что было у него потом? Учеба в семинарии, монашеский постриг и долгая — длиною в полвека — служба в Православной Церкви.

Сегодня архимандрит Кирилл является одним из наиболее известных служителей Церкви, он духовник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и духовный наставник

множества людей. Казалось бы, позади остался целый ряд ступеней, преодоленных на пути духовного восхождения. Однако на вопрос, что же все-таки было самым важным в его жизни, старец неизменно отвечает: сталинградское Евангелие! Та самая книга, которую он пронес через всю жизнь.

Герои войны

Эти два военных эпизода связаны с земными судьбами людей, очень близких известному ныне писателю, в недавнем прошлом боевому вертолетчику-афганцу Виктору Николаевичу Николаеву. Мы заинтересовались этими достоверными случаями, так как они свидетельствуют о том, что Промыслом Божиим и Виктору, как и его предкам, уготовано было военное поприще, оваянное боевой славой.

По отцовской линии дед Виктора – Василий Кряжин в годы Великой Отечественной войны был танкистом: во время знаменитой Курской битвы он командовал ротой «тридцатьчетверок». Так вот в момент атаки противника Господь явил такую силу и боеспособность на людях своих, что горстка дедовских солдатиков-танкистов расстреляла в момент восемь фашистских танков.

– «Тигры» шли так густо, – рассказывает Виктор, – что дедовский танк с пустым стволом и без правой

гусеницы танковыми ударами раздолбал еще трех «тигров»...

А в общей сложности рота деда отбила атаку тридцати вражеских танков, пока не возобновилось наступление свежих наших сил. И свидетельствовать об этой чудесной победе Господь оставил в живых из всего дедовского экипажа только двоих: самого тяжело раненного Кряжина и его наводчика.

— За этот подвиг мой дед Василий был удостоен звания Героя Советского Союза.

Да, воистину — «пращурские гены»! Верится без сомнений: Виктор Николаев — плоть от плоти военной косточки. По линии его матери в роду оказался еще один фронтовик, геройски прославивший свое имя невиданным подвигом.

— Другой дед, Григорий Астафьев, был связистом, званием сержант. В конце апреля 1945 года их группе, состоявшей из трех человек, было приказано восстановить прервавшуюся телефонную связь между ставкой Жукова и бункером Гитлера, по которой маршал вел переговоры о немедленной капитуляции. Разрыв нашли, но в перестрелке двое связистов были убиты, а Григория Астафьева смертельно ранили — трижды в грудь и в голову...

То, что последовало далее, — произошло только силой благодатного чуда. Смертельно раненный Астафьев за считанные секунды своей уходящей земной жизни соединяет разрыв провода... зубами! Это было единственное, на что ему хватило сил. Вот оно, чудо: ток пошел

через тело умирающего сержанта – связь была восстановлена!

– Маршал Жуков спрашивал потом, почему прервалась связь. Когда ему доложили обстоятельства ее восстановления, он тут же, опершись ногой на подножку машины, на своем планшете написал представление о награждении Григория Астафьева званием Героя Советского Союза – посмертно...

Вера – главный залог Победы

С детства он верил в Бога, пел в церковном хоре. На войну Тихон Омелин пошел из родного села Полхов-Майдан Нижегородской области. Вот там, на фронте, он и познал, что такое ад! Был рядовым связистом: с катушкой телефонного провода шел в цепях наступающей пехоты... Первое ранение получил от разорвавшейся мины – осколок пропахал ногу вдоль берцовой кости. Госпитальная койка, а потом – снова в строй... А в жестоком бою под Ржевом, когда подразделение атаковало железнодорожный узел, разрывная пуля попала ему в ту же ногу, раздробив всю голень. Было это под Рождество Христово в 1942 году. Когда санитар потащил его по снегу, Тихон не переставая молился и вдруг увидел, как в то самое место, где он, истекая кровью, лежал еще минуту назад, рухнул сбитый фашистский самолет. А его, Тихона, Господь успел вывести из этого ада.

Отвоевался солдат – ему ампутировали ногу. Вернулся домой, стал председателем сельсовета и, как мог, помогал родному сельскому храму. А в 1951 году окончательно посвятил свою жизнь служению Богу: сначала был псаломщиком, затем его рукоположили в диакона, потом стал и священником – настоятелем церкви...

Судьба отца Тихона Омелина была типичной для многих солдат и офицеров, ставших после войны священнослужителями, ибо на фронте они осознали, что главным залогом Великой Победы была святая православная вера.

Переправа, переправа...

Фронтовик Василий Андреевич Чичагов участвовал в переправе через Днепр осенью 1943 года. Свое спасение от неминуемой гибели он сам называет «чудом Божиим» и с нескрываемым волнением в который уже раз вспоминает этот эпизод из своей воинской биографии.

– Дивизию нашу сосредоточили на левом берегу Днепра. Для форсирования было приказано изготовить самим плоты и лодки – из заборов, сараев, разбитых повозок... Минут за двадцать до начала переправы наша артиллерия вела шквальный огонь по правому берегу для подавления немецких огневых точек. Но как только враг обнаружил движущиеся по Днепру плавсредства – немедленно открыл ураганный огонь. Люди шли на дно,

кое-кто барахтался в ледяной воде, было много раненых... Рядом с моим плотиком упала большая мина – взрыв подбросил его, поставив почти вертикально. Мы с сержантом Петровским ухватились за поднявшийся край... И тут я услышал нечто неожиданное для меня – молодого и неверующего. Мой боевой товарищ шептал слова молитвы: «Помилуй меня, Господи, прими дух мой с миром, а если сохранишь жизнь – уйду в монахи и стану иереем. Но пусть будет не как я хочу, Господи, а как Ты, по воле Твоей святой! Помилуй меня, Господи».

Хотелось и мне остаться живым, и я, с истинной верой внутренней и мольбой, тоже перекрестился несколько раз и сказал: «Господи, помоги и спаси! Обязательно приму крещение. Помоги, Господи!» О таинстве крещения я из разговоров в семье, хотя и неверующей, знал. И пока мы плыли, все время просил Бога спасти нас. Плотик перестал крутиться. Сержант сказал: «Грести буду я, а ты людей из воды вытаскивай». Вытащили мы с сержантом восемь человек, некоторых с оружием, двое были ранены. Плотик сильно перегрузился, до берега оставалось метров пятьдесят, гребли все спасенные солдаты – палками, руками, кто чем мог. Немецкие мины и снаряды нас больше не достигали, высокий берег Днепра защищал... Тогда я еще не очень понимал, что главная защита ниспосылалась свыше от Всемилостивого Спаса нашего, и все-таки нет-нет да и повторял свои кратенькие молитовки.

...Кончилась война, потекла мирная жизнь. О своем обещании креститься я всегда помнил, но почему-то все медлил, хотя и читал Евангелие и кое-какие

святоотеческие книги. Стал твердо верить в бытие Божие, но о своем обете военных лет так и не сказал никому из близких – и мучился от этой раздвоенности. Избавиться от нее помог счастливый случай – и тоже не без Промысла Божия. Вот как это было.

Однажды мы с женой посетили наших близких друзей – были они людьми верующими, часто ходили в церковь. Сначала за столом разговор велся на самые разные темы, но потом каждый стал вспоминать, как и когда пришел к вере. Напротив меня сидел человек моих лет – хозяин дома называл его Сергеем. И вот совсем неожиданно для меня он начал рассказывать о переправе через Днепр в 1943 году. Многие совпадало с тем, что и я пережил тогда. Но больше всего меня поразило, что и он, Сергей, также дал обет Господу и преподобному Сергию стать священнослужителем. И вот теперь он в церкви иподьяконом служит, но мечтает о рукоположении. И так я смутился тем, что до сих пор не исполнил своего обещания – не крестился! А Сергей снова обращается ко мне: «Друг у меня есть, он же – и отец мой духовный: о. Феодор Петровский, хорошо бы вам с ним познакомиться!»

...Так состоялась наша встреча с моим бывшим сержантом Петровским – отцом Феодором. Он сразу же узнал меня – и помог исполнить обещанное в дни войны перед лицом Господним. Крестился и я сам, и жена моя, и дети – тоже крестились. Только тогда и осознал я великую силу Божия смотрения и заботы о каждом из нас. Потеряв, по своему неразумению, двадцать лет, я все-таки обрел истинную веру. Божиим чудом было когда-то

мое спасение в водах Днепра, чудесными оказались дарованные мне встречи на жизненном пути, но главное чудо – это обретение веры, вхождение в святую Церковь, жизнь по христианским заповедям.

На фронте атеистов нет!

Марина Эдуардовна Шелкова записала следующий рассказ Героя Советского Союза, полковника запаса Евгения Викторовича Шкурдалова о случае, происшедшем с ним в годы войны, во время Прохоровской битвы.

– Когда я в очередной раз подбил немецкий танк, как будто кто-то мне говорит: «Женя, посмотри направо!» Я посмотрел: чуть поодаль стоит «фердинанд», целится в мой танк. Единственное, что я успел, – это крикнуть механику: «Назад!» Мы отскочили на метр в сторону. Выстрел в упор был такой сильный, что пушку отбросило куда-то далеко, сорвало подъемный поворотный механизм, снесло голову стрелку-радисту. Я потерял сознание. Когда проскочил второй снаряд, я вдруг пришел в себя и увидел свет: наш танк прошило насквозь. Затем раненый механик-водитель все-таки вывел танк. Почему я повернул голову направо? Если бы не это чудесное предупреждение, мы бы непременно погибли...

– По большому счету, – говорит Марина Эдуардовна, – атеистов на фронте не было: хоть самая малая

искра веры зажигалась в сердце. Перед атакой многие крестились, мастерили крестики из подручного материала и надевали на себя (чтобы сохранить жизнь, а главное – выиграть бой). Чувство уважения к святыне всегда было присуще русскому солдату. Так, уже в начале сорок пятого года танкист Евгений Шкурдалов не дал разрушить колокольню всемирно известного собора в венгерском городе Эстергом. Хватило бы нескольких прицельных залпов, чтобы подавить противника, но русский офицер не посмел превратить храм в груды развалин. Пока танки держали под прицелом колокольню, Шкурдалов посадил автоматчиков в бронетранспортер-амфибию, и по Дунаю они незаметно подошли к собору, бесшумно сняли часового и поднялись на колокольню.

«Образ Христа был живым...»

Я, Свидетелев Михаил Алексеевич, 1922 года рождения, инвалид Великой Отечественной войны, расскажу о главном чуде своей жизни – об обретении веры в годы войны. Был я одним из простых рядовых командиров артиллеристов. На фронте был командиром взвода и батареи, начальником штаба дивизиона. Волею судьбы мне довелось быть участником боев на Кавказе, на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

Я уроженец бывшего монастырского села Вороново, в старину принадлежавшего Троице-Сергиевой Лавре, а потом Дмитровскому Борисоглебскому монастырю. Но в годы моей юности многие, в том числе и я, стали отдаляться от веры. А в годы войны, после долгих лет безверия, вновь прозрел я. В одном бою, когда немцы разбили мою батарею на подступах к городу Орджоникидзе (Владикавказу), я с восьмью бойцами ночью пришел в станицу Архонскую, где нас накормила и напоила добрая русская женщина. Она крестилась, плакала. Я смотрел на образ Христа Спасителя, находившийся среди других икон. Образ Христа был живым, он освещался голубой лампадкой. Такой же образ Христа был у нас в селе. В дни скорби и печали, во время бед и страданий мы, грешные, просили у Христа простить нам грехи и дать милости. В чужой избе я душой ощутил присутствие Бога, которого забыл в годы атеизма, и ужаснулся своих страшных деяний. («Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний...» — эти слова из покаянного канона прп. Андрея Критского очень точно определяют то давнее состояние моей души.) Мне вдруг стало ясно, за какие грехи наказан наш народ Богом! Он был наказан за отступничество от Бога, от веры, от святынь, от традиций, от всего духовно-нравственного, чем держалась Великая Русь — Россия. Подтверждением этого было отступление нашей армии в самом начале войны с многочисленными потерями и непомерными страданиями всего народа.

Я не мог оторвать глаз от образа Христа Спасителя. И молитва снова затеплилась в сердце.

Вот такое чудо обретения Бога – живое свидетельство веры Михаила... Свидетелева!

Молитва под гусеницами танка

По-настоящему верующим человеком о. Олег (Олег Викторович Киселев) стал в годы Великой Отечественной войны. В 1944 году, уже пройдя немало фронтовых дорог, он оказался под Ленинградом. Немцы отходили с тяжелыми боями и большими потерями, но дрались ожесточенно.

– Была долгая вражеская артподготовка, – вспоминает отец Олег, – потом пошли немецкие танки, наши подбивали их из орудий, а я с напарником – из противотанкового ружья. Подбили мы два танка, но немцы провались и стали «утюжить» наши окопы: наезжали на окоп и, пройдя по нему гусеницами, пытались раздавить солдат, оружие, разрушить окоп...

Мы стреляли по танку, но он двигался вперед: земля осыпалась, танк ревел, заглушая все. Я оказался под ним, гусеницы почти задевали меня, окоп оседал, оседал также и танк. Меня засыпало землей, танк ворочался надо мной. Вот-вот буду раздавлен. Не страх охватил меня, а беспредельный ужас! И тогда вспыхнула в моем сознании молитва: «Господи Иисусе, Сыне Божий! Пресвятая Богородица! Спаси и помоги!» Всю свою душу вложил я в эту неистовую мольбу к Богу и Пресвятой Богородице.

В сотые доли секунды пронеслась вся моя жизнь передо мною, но особенно четко пронзила мысль о Боге, моей вине перед Ним.

А далее...

Танк, проутюжив окоп, пополз дальше, но был подбит — об этом я узнал позже. Меня солдаты отрыли, вытащили, влили в горло водку — и я быстро пришел в себя. Подошел лейтенант и удивленно воскликнул: «Ребята! Взгляните на Киселева, он весь седой!» Действительно,

за несколько минут, проведенных под гусеницами танка, я поседел.

Там же, на поле боя, дал я обет Господу Богу и Пресвятой Богородице стать после войны священником, что и исполнил.

«Рус, ты крестишься?!»

Монахиня из Пюхтиц матушка Сергия (Клименко) рассказала следующую историю об одном сотруднике ЧК:

– В 1921 году в одной коммунальной квартире жили священник и... чекист. Он вызывал «на допрос» богатых людей и под страхом смерти грабил их. Как-то батюшка сказал ему: «Если ты и дальше будешь так делать, то через 20 лет Бог тебя накажет». Он, конечно, не послушал батюшку, но и не предал его властям.

Прошло 20 лет. Наступил 1941 год. Того чекиста-коммуниста сразу же отправляют на фронт, и он в первые дни войны, как и многие, попадает в плен. «О, коммунист!» – и дают немцы ему лопату и конвоира с ружьем: «Веди его, убей!» Фашист приказывает: «Рой себе могилу!» И вдруг этот коммунист вспоминает о давно услышанных словах: «Через 20 лет Бог тебя накажет». И он заплакал от всей души первый раз в жизни и впервые за всю свою жизнь перекрестился. Немец удивился: «Рус,

ты крестишься?! Пошел вон!» – и, выстрелив в воздух, отпустил его.

И когда этот бывший чекист вернулся с войны, то, разыскав жену и дочь батюшки (самого его уже не было в живых), рассказал им обо всем. А сам, раскаявшись в своих грехах, сдал партийный билет и стал верующим христианином...

«Есть Бог, есть Промысл Божий...»

О своей военной юности вспоминает протоиерей Василий Михайлович Брылев, настоятель Спасского храма в селе Большое Свинорье Наро-Фоминского района Московской области.

– В 1943-м году пошли в наступление... Вот летит снаряд – посреди нас упал. Мы уже с жизнью попрощались... Не разорвался. Связист-напарник, как разрыв случится, сам не торопится исправлять, меня посылает. Без связи в бою невозможно. А любой снаряд, осколок, пуля могли оборвать и провод, и жизнь связиста. Немцы это хорошо понимали – открывали непрерывный огонь. Как-то под городом Козельском немцы оставили свой кабель, а у нас кабель кончился, весь измотали, не хватает. Командир приказал намотать немецкий кабель, обеспечить связь для своих. Я попросил напарника: хоть раз сходи. Тот ругается крепко в ответ. Хулит Бога и Церковь. А я молюсь, прошу его помолчать. Слезно прошу. Ему

нейдется. Пополз я под ураганный огонь, соединил кабели, обеспечил связь. А когда вернулся, места не узнал. Столь яростен был огонь немцев, всю землю взорвало. Тяжелораненого напарника своего еле откопал... Начальник штаба батальона перед всеми ротами объявил: вот как надо выполнять приказ командира... Медаль «За отвагу» вручили...

Рассказывая об этом, Василий Михайлович смущенно оправдывается: «Не думайте, что я это ради похвалы бы рассказываю, нет. Я хочу, чтобы люди поверили, что есть Бог, есть Промысл Божий, задумались бы над этим. На войне для верующего человека спасение было в уповании на Бога, чудесным образом избавлявшего от смерти».

На войне отец Василий дал обет Богу: «Выживу, вернусь – стану священником, буду служить Богу и людям, чего бы мне это ни стоило...»

«За Русь Святую!»

Ялта после войны. Война оставила много больных и раненых, нуждающихся в климатическом лечении. Так я повстречалась с фронтовой медсестрой Оксаной. У нее ранение, у меня болен брат и муж – инвалид войны. Много было воспоминаний...

Врезался в память рассказ Оксаны об одном бое. Наши никак не могли взять высоту. Политруки выкрикивали лозунги: «За Сталина!», «За Родину!». Много было попыток, но высота оставалась неприступной. Вдруг кто-то громко закричал: «За Русь Святую!» И как пошли лавиной наши! Высота была взята.

Оксана рассказала свою историю. До войны ее отец был председателем колхоза где-то на Украине. В соседнем селе была церковь. И вот, когда бабули шли на

службу, Оксана бросала в них камни. Настала страшная война. Она оказалась в рядах армии санитарным инструктором в боевых частях. «Меня тяжело ранило в легкие, и я слыхала, как врачи констатировали мою смерть, накрыли простыней и ушли. В это время я увидела старца, который пришел ко мне и спросил: «Хочешь жить?» Я ответила утвердительно. Он назвал какое-то село и сказал: «Иди туда». Я очнулась, пришла в себя и попыталась встать. Тут подоспели медики. Очень скоро я встала и пошла в назначенное село. Не буду описывать свой «поход» – еле хватило сил. Зашла в церковь и узнала в большой иконе Николая Чудотворца своего спасителя».

Оксана стала очень крепкой, я бы сказала – «воинствующей» православной христианкой. Много делала добра и была хорошей проповедницей. Но не много было ей отведено Господом. В 60-х годах она скончалась и была похоронена в Ялте по всем церковным канонам как воин Христов.

Я, Прохорова Нина Васильевна, тоже была на фронте. Личных подвигов не совершила кроме того, что сидела с больными ногами в штабе весь день и до глубокой ночи. Наши войска ПВО (отдельный зенитно-прожекторный батальон) шли вторым эшелоном. При передислокации в Киев под Фастовом попали под очень сильный налет вражеской авиации. Как уцелел наш эшелон – не знаю. Кто-то из девчонок крикнул: «Ну, девки, кто-то сильно молился!» В Киеве мы встречали Новый 1944 год, глядя вверх, где трассирующие пули расчерчивали ночной небосвод своими зелеными линиями.

Обет перед смертью

В книге монаха Власия «Сияние святости» приводится следующий случай.

В годы Второй мировой войны, когда немцы вторглись в Грецию, они отдали большую часть Македонии болгарам, поскольку те были их союзниками. Болгары с давних времен враждовали с греками, поэтому в тех краях, куда ступала их нога, они предавали грабежам, насилию, издевательствам, избиениям и убийствам невинных греков.

В одном из оккупированных районов болгары собрали множество молодых людей и крестьян и, после пыток и избиений, убивали их.

Там жил некий юноша, весьма богобоязненный и добродетельный. Он был арестован вместе с другими своими односельчанами, и их группу повели в плен, в концентрационный лагерь.

Болгары, время от времени приходя в лагерь, отделяли некоторых узников и, жестоко избив их, убивали. Тогда благочестивый юноша, видя, что приближается неизбежная смерть и скоро придет его черед, стал искать помощи и заступления Божия со словами: «Господи! Помози ми и избави мя от рук их! Тогда я не женюсь и стану монахом».

Вскоре что-то произошло, палачи получили приказ прекратить избиения и казни, и через несколько дней узников освободили.

Благочестивый юноша, благодаря и славя Бога за свое неожиданное избавление, отправился домой. А потом ушел на Святую Гору Афон.

Причастие на пороге вечности

Этот удивительный случай рассказала московскому священнику о. Димитрию Дудко его прихожанка – женщина средних лет, а ей рассказал об этом знакомый священник.

Однажды пригласили его причастить тяжелобольного. На вид он был вполне здоровый, а на самом деле – чахотка у него оказалась уже в последней стадии.

Священник даже сначала смутился:

– Вы бы могли и сами прийти в храм. Вы верующий?

– Был неверующим, – ответил больной, – а сегодня в четыре часа утра уверовал...

Дело было так. Во время Великой Отечественной войны он дружил с одним бойцом. Договорились: кто погибнет раньше – сообщит, как «там». Прошло с того дня немало времени, многое уже и забылось. И вот заболел он чахоткой и теперь стоит на пороге вечности.

– Сегодня не во сне, а наяву, – рассказал больной, – пришел ко мне погибший товарищ – он стоял на том месте, где вы стоите, батюшка, и сказал: «Я пришел сообщить тебе, что завтра ты умрешь. Позови священника

(назвал его имя и храм), поисповедуйся и причастись. Кто причастится, тому будет хорошо». – «А ты же погиб без причастия?» – спросил я у товарища. «Да я свои грехи омыл собственной кровью».

Больной поисповедовался и причастился, а на следующий день и в самом деле умер.

Обет был исполнен

Об этом эпизоде из своей юности рассказала дочь протоиерея Симеона Таборанского, служившего у владыки Иосифа (Чернова) в г. Умани, в годы фашистской оккупации.

Раиса Семеновна однажды была предупреждена, в какую ночь будет происходить облава. (Немцы по ночам устраивали облавы на трудоспособных молодых людей.) Раисе дали одноконную коляску с лошастью, и она всю ночь провела в поле за городом. Трудно представить, что пережила молодая девушка одна в поле этой ночью. Тогда-то она и дала обет Богу, что если останется жива и спасется от германского плена, то не будет выходить замуж. По этим слезным, горячим молитвам Господь и сохранил ее. А Раиса Семеновна исполнила свой обет: всю свою дальнейшую жизнь посвятила служению Богу и ближним.

Пуля и крест

Рассказ пожилого священника.

— На войну меня призвали весной 1942 года и, наскоро обучив пулеметному делу и штыковому бою, отправили с эшелоном под Сталинград. Вскоре нас перебросили в район кипящего боем Котельникова, где в штыковой

атаке я был ранен в грудь. Из боя меня вынесли две молодые, крепкие санитарки. Я лежал, дожидаясь своей очереди, у медсанбата на заскорузлых от чужой крови носилках и, задыхаясь, старался набрать в легкие побольше вольного степного воздуха. Мне это никак не удавалось, и я умирал... В операционной, очнувшись во время перевязки, услышал разговор военных хирургов, что на мое счастье пуля, ударившись в крест, отклонилась от сердца и прошла легкое. Из медсанбата меня перевезли в прифронтовой госпиталь. Крест, спасший мне жизнь, хирурги из медсанбата привязали к моей руке. Он был погнут, но носить его было можно. Я надел крест на шею, и соседи по палате с удивлением разглядывали его... Потом был госпиталь в Иваново. Здесь я, окрепнув, часто тайно уезжал в Сергиев Посад: посещал церкви и соборы, навещался в духовную семинарию. Ректор семинарии прямо мне сказал: «Поправляйся и приходи. Примем, не сомневайся». И я пришел к ним в солдатской форме, с медалью «За отвагу» на гимнастерке.

А заветный крест мне выпрямил ювелир, и я ношу его до сих пор.

Нательный крестик

Он уже умирал на операционном столе от гангрены. Врачи отчаялись спасти его. И лишь один из них, чех по национальности, православный по вероисповеданию,

увидев у офицера на груди нательный крестик, не переставая молился о спасении этого воина. Господь явил Свое чудо – офицер остался живым.

– Услышаны наши молитвы – ты будешь жить! – облегченно вздохнул врач.

– Но ведь я коммунист, атеист, – прошептал офицер.

– А как же крестик? – спросил чех.

– Это мама дала, когда уходил на войну.

Тогда врач подарил ему святое Евангелие со словами: «Теперь сам постарайся разобраться с собой...» В госпи-

тале у офицера Петра Бахтина оказалось достаточно времени, чтобы обдумать все пережитое в этой жестокой войне и заглянуть в себя. После войны он подал заявление в духовную семинарию, но свой партийный билет, конечно же, пришлось сдать. А через какое-то время, по клеветническому предлогу, прямо из семинарии попал он в лагерь...

Сегодня отец Петр Бахтин служит настоятелем храма в подмосковном Талдоме. Его сыновья тоже стали священниками. Растут восемнадцать внуков...

Спас нательный крестик

Священник Петр Деревянко из г. Можайска в годы войны прошел через суровые испытания, были в его юной жизни и такие незабываемые случаи, которые он относит к разряду чудесных.

– В 1943 году мои земляки, спасаясь от голода, выращивали табак и несли затем его на рынок – меняли на самое необходимое. Ходили мы иногда с товаром далеко, километров за восемьдесят. И вот однажды возвращался я домой без отца – и меня, шестнадцатилетнего, схватил полицаи: заподозрил, не партизан ли...

Привели паренька в комендатуру.

Эсэсовец, допрашивавший его, смотрел злыми глазами, сверкая жуткой кокардой с черепами и скрещенными костями. Приказав пареньку раздеться донага и тыча

кулаком ему в грудь, фашист что-то грозно выкрикивал по-немецки. Ставилось в вину не только нарушение заведенного немцами порядка – выход из города, но и причастность к партизанам. Нависла смертельная угроза. Видя издевательства эсэсовца, переводчица заплакала. Нетрудно представить, чем могло все закончиться для юноши. Но произошло воистину чудо: спас нательный крестик, блеснувший на груди.

«Коммунисты крестиков не носят, а у него крестик», – убеждала фашиста переводчица. Петю отправили в подвал. 14 ступеней вели в темноту и сырость. Казалось, его спускали в преисподнюю. Вдруг прогремели раскаты грома. Пареньку стало жутко, внезапно подступила бездонная, неопишуемая тоска. Спустя почти 60 лет с того кошмарного вечера отец Петр вспоминает:

– Я тогда стал молиться, пел духовные песнопения, взывал к Богу: сохрани мне жизнь, Господи, и я послужу Тебе...

Услышав странное пение, доносившееся из подвала, фашист спросил переводчицу, о чем поет юный «партизан». Она объяснила, что это молитва. Фашист несколько смягчился и «великодушно» позволил бросить пленнику хлебных корок, оставшихся от ужина. Когда совсем стемнело, его вывели наверх и велели помогать конюху, пояснив, что отныне это станет его обязанностью, а коли бежать надумает, затравят собаками. Петр продолжал молиться, надеясь на спасение. И остался жив, и вернулся домой. И уже после войны исполнил свой обет – стал священником.

Ничто не сравнится с молитвой матери

Старец архимандрит Тихон (Агриков) не раз в своих воспоминаниях возвращается к этой теме – к чудодетственной силе материнской молитвы. Он и о своей любимой маме говорил: «А как она умела молиться! Два сына ее были в пекле войны. Сколько они видели смертей!.. А вот вернулись невредимыми. Вымолила... Она ночью молилась. И так целыми ночами...» Будущий старец всегда, как ни просыпался, слышал этот тихий шепот молитвы. «О, эта материнская молитва! В воде не тонет и в огне не горит. А как она сильна, эта материнская молитва! Кажется, ничто не может сравниться с ней».

Война. В госпитале делают сложную операцию. Молодому воину под наркозом удаляют из брюшной полости острый осколок снаряда. Мать узнает об этом. Она рвется в госпиталь. Ее не пускают. «Сын мой, сын мой...» – стонет она. Но вот каким-то чудом ей все-таки удалось пройти, и она совсем неожиданно оказалась на пороге операционной. «Боже мой, – невольно по ходу операции воскликнул профессор, – все пропало». Но мать не издавала ни малейшего звука. При общем оцепенении присутствующих она тихо, как привидение, подошла к сыну, который лежал под наркозом, покрытый простыней, положила свою руку на пылающее чело, и... совершилось невероятное: сын, будучи под наркозом, почувствовал материнскую ласку и, не открывая глаз, тихо произнес: «Мама, милая мама, я знал, что ты придешь ко мне в этот трудный час...» (многие из присутствующих заплакали).

Сила материнской молитвы

Великую силу материнской молитвы подтверждают рассказы из книги «Петербургский батюшка».

Произошло это во время оккупации немцами города Пушкина. Я хорошо владела немецким языком и работала медсестрой в оккупационном госпитале. Во время болезни мне передали распоряжение главврача собраться в дорогу, чтобы сопровождать колонну русских, которых немцы отправляли подальше от фронта – в поселок Веймарн. Мама, показав на меня, лежавшую в постели, сказала: «Вы видите, Зоя больна – как же может больная отправиться в такую дальнюю дорогу?» Но собираться все же пришлось, несмотря на сильную слабость. Можно себе представить, каково было матери отправлять родную дочь, больную, ослабевшую от голода, да еще и без куска хлеба, в неизвестность! Только и оставалось, что постараться потеплее одеть: вот шапка-ушанка, валенки с галошами, а под зимнее пальто – одну и другую кофту. «Ты, Зоенька, шапку поглубже надвинь на лоб, чтобы не застудить, и шарфом обмотайся. Дорога-то дальняя, и мороз сильный. Ну, иди с Богом. Вот я тебя благословлю!» Еще долго стояла она на дороге, крестя и благословляя уходившую вдаль дочь.

С большими трудностями пришли в Гатчину. Я направилась в больницу и здесь встретила со знакомым по институту врачом. Во время беседы с ним к нам подошел немец-полицейский маленького роста с плоским удли-

ненным лицом. Он внимательно и как бы сочувственно посмотрел на меня, потом отвел в сторону и сказал: «Тебе нельзя дальше отправляться с колонной, ты там погибнешь. Видела вдоль дороги, сколько людей нашли себе смерть? И ты там останешься. А ты совсем еще ребенок, тебе жить надо. У меня в Германии осталась семья и такие же дети. Разве виноваты дети, что взрослые воюют? Нет, нет, я не дам тебе погибнуть. Я помогу тебе. Сейчас пойдем к коменданту». Комендант направил меня к врачу, а молодой врач и осматривать не стал, а сказал: «Она вполне здорова, но ослабела от голода. Дайте ей поесть, только много не давайте». В столовой дали тарелку супа и каши. Полицейский снова повел меня к коменданту, и тот, к моему удивлению, тут же согласился, что меня надо отправить назад, к матери и сестре. Написал разрешение и сказал, чтобы я шла по дороге и при встрече с машиной поднимала «мандат» повыше: «Тебя обязательно должны подвезти, разве ты сможешь дойти пешком, по холоду, такая слабая?»

Полицейский, проявивший такое горячее участие, не оставил меня и потом. Вечером отвел в сарай, в котором хранилось сено, и, закрыв на замок, пообещал прийти утром. Я забралась в сено и вскоре уснула крепким сном. Утром, еще когда было темно, пришел полицейский и выпустил меня. «Иди теперь на дорогу и постарайся сесть в машину. Да поможет тебе Бог благополучно добраться до дома». — «Спасибо вам за все, да поможет и вам Бог остаться в живых и вернуться к семье», — вытащила руку из рукавицы и перекрестила его. Он улыбнулся и, помахав на прощанье, исчез в темноте.

Я пошла. Дорога была безлюдной, мороз крепкий, а силы на исходе. Несколько раз поднимала руку с разрешением, но машины, не останавливаясь, проезжали мимо. Отчаяние и глубокая тоска охватили душу. Господи, Господи... Помогите мне!!! Жить хочется! И вдруг увидела на дороге идущего человека. Кто он, друг или враг? Господи! Господи!.. Со мной поравнялся молодой мужчина в военной форме, среднего роста, лицо необыкновенно привлекательное, располагающее к доверию. Теперь уже вместе пытались остановить машину.

Военного соглашались брать, а меня нет, боясь проверок, но он не хотел без меня. Вдруг вдали показалась машина. Он поднял руку, машина остановилась, в кузове были какие-то баки. Теперь голос его стал повелительным, даже с угрозой. Солдаты недоумевали, куда же меня спрятать, разве что посадить в бак? Так и сделали. Попутчик взял меня под мышки и опустил в бак, прикрыв сверху тряпками.

Машина тронулась, а я погрузилась в глубокий сон и не слышала, как машина остановилась, и не почувствовала, как меня вытаскивали из бака. Наконец, с трудом открыла глаза и никак не могла понять: где же я нахожусь и почему окружающие меня немецкие солдаты смотрят на меня и смеются. Попутчик дал мне бутерброд с сыром – пришла в себя.

Мы были уже в Пушкине, почти дома. После еды и глубокого сна я почувствовала себя настолько окрепшей, что стала уговаривать попутчика оставить меня. Тот не соглашался, говорил, что не будет спокоен, пока не доведет меня до дома. И мы пошли. Говорили о разном.

Коснулись религии. Я объясняла значение восьмиконечного креста и даже остановилась, чтобы изобразить на снегу его очертание, но вдруг услышала за спиной чей-то голос: «Зоя Владимировна, что вы тут развлекаетесь? До того ли. Бегите скорее домой и утешьте матушку». Это был отец Федор, хорошо знавший нашу семью. Мы поспешили домой. Мама открыла дверь и всплеснула руками, увидев меня живой и невредимой. «Подожди, мама, не закрывай дверь, я не одна, со мной молодой человек...» Оглянулась кругом – никого. Как же так? Не мог же он раствориться! Чудо, что ли, какое?! Да, это было именно чудо.

«Мать благословила!»

По материалам Ирины Николенко.

Отец Николай, духовник Богородице-Табынского женского монастыря в Башкирии, пожалуй, сегодня в республике единственный из священников – участник Великой Отечественной войны.

Николай Константинович Тихонов в ряды Советской Армии был призван 7 ноября 1943 года. Прошел курсы по подготовке артиллеристов и был направлен на Второй Белорусский фронт в распоряжение 336-го противотанкового дивизиона. Фронтовые дороги начались с эстонского города Тарту. Затем Львов, Тернополь, Винница, Чехия, Будапешт, Венгрия, Австрия – вот далеко не пол-

ный перечень пройденных им городов и даже стран. Там, на войне, и задумался, почему одних сразу наповал убивают, а от других пули, словно «заговоренные», отскакивают. Уже потом, спустя какое-то время, стал опрашивать таких уцелевших: почему? Ответ был один: «Мать благословила!»

А как известно, материнская молитва во все времена была сильна. Батюшка и сам таким же, благословленным, на войну пошел. И не раз замечал: материнская милостыня, поданная нуждающимся в тылу, к нему на фронт, пусть другими дарами, но доходила. Сейчас отец Николай посмеивается: «Матушка дома молоко подавала, а мне на войне вино подносили». Но случилось и так, что не до смеха было: как-то танк подбили, башня отлетела на семнадцать метров, а Николай Константинович внутри уцелел. Другой танк подбили – сгорел полностью, а его словно Силы Небесные из горящей машины вынесли и по воздуху переместили. Вспоминается и другая встреча с танком один на один. Сержант Тихонов забежал в дом. Сначала ударом снаряда снесло крышу, затем – фундамент, но самому удалось спастись, спрятавшись между бревнами. Однажды в разведке мина разорвалась буквально в полуметре, кровь из ушей хлынула... Второй раз рвануло в семидесяти сантиметрах: брючину сорвало, а нога вместе с ботинком уцелела. Видно, материнское благословение надежно хранило сына.

Подобных историй за несколько лет войны накопилось немало. Заканчивал армейскую службу Николай Константинович в Хельсинки, в морском флоте. Служил с ним на корабле мичман Заборовский, который сам того

не ведая, «благословил» тогда уже старшину второй статьи Тихонова, сказав: «Его судьба – по алтарю плавать». Вот и «плавает» о. Николай уже полвека – служит Церкви.

Незримая защита

Однажды в марте погода стояла холодная, но солнышко уже пригревало, особенно это чувствовалось, если прислониться к стене с подветренной стороны. Так приятно было постоять, подняв лицо и подставив его навстречу солнечным лучам, которые приносили живительную силу телу, ослабленному от длительного недоедания.

Во время артобстрела нас заставили спускаться в подвал, где было сыро, холодно и тесно. Теперь разрешили выйти, и мы стояли – молодые русские женщины, похожие на подростков: изможденные и худые лица выражали усталость и равнодушие ко всему происходящему.

В это время на крыльцо противоположного дома вышел начальник немецкой команды – рядом с ним на поводке огромная собака. Начальник оглядел двор, что-то сказал по-немецки проходившему мимо солдату и хотел уже сойти с крыльца, как вдруг взгляд его упал на группу стоявших у стены русских женщин. Злобное и презрительное выражение появилось у него на лице. Посмотрев

на собаку, а потом на нас, он вдруг наклонился, отстегнул поводок и что-то приказал ей. Собака огромными скачками рванулась вперед, подскочила ко мне и, став на задние лапы, передние положила мне на плечи. Крик ужаса вырвался у людей, видевших это. Некоторые от

страха закрыли лицо руками, боясь увидеть ужасное... Но что же? Совершилось невероятное! Собака, известная своей свирепостью, вдруг совершенно дружелюбно лизнула меня – от подбородка до лба, затем, приветливо вильнув хвостом, умчалась назад к хозяину. Все это произошло так быстро, что я не успела испугаться и с недоумением смотрела на убегавшую собаку. А люди (даже немецкие солдаты), на глазах у которых все это произошло, возмущались поведением хозяина собаки, который, видно, решил позабавиться, натравив пса на беззащитных женщин.

Под шепот маминых молитв

– Шел апрель 1942 года, когда ушли на фронт мои два старших брата, сестра и отец. А уже в июле получили треугольник-извещение, что отец мой, Василий Иванович Галкин, пропал без вести. Поздно вечером, прежде чем уложить меня спать, мама долго читала Псалтирь. Она всегда перед сном молилась, стоя на коленях перед иконами, отбивая земные поклоны. А потом тихо подходила к моей кровати, крестила, и я спокойно засыпал. Порой я засыпал под тихий шепот ее молитв. А утром беспокойно спрашивал: «Мама, а ты меня вчера перекрестила?» – «Перекрестила, сынок», – улыбка трогала мамины губы, добротой светились ее глаза. А то вдруг скажет, желая меня испытать: «Ой, сынок, я ведь забыла

тебя вчера перекрестить, все думала о нашем папе». – «Ну вот, теперь меня Боженька накажет», – расстраивался я. «Не тебя, а меня, старую», – вздыхала мама. А «старой» было тогда 42 года.

Так и прошла война для малыша, не задев его своим огненным крылом, под шепот маминых молитв, подаривших ему чудо умиротворенной жизни. И теперь, в благочестивой старости, словно слышит иногда Валентин Васильевич Галкин милый матушкин голос: «Перекрестила, сынок, перекрестила! Спи спокойно...»

«Вымолила я тебя...»

Десять сыновей было в крестьянской семье Беловых из Уфимской губернии. Да одна дочка. И когда грянула Великая война – братья один за другим покидали отчий дом, становясь в ряды защитников Отечества. А сестрица Татьяна день и ночь молилась за любимых братиков-воинов.

– Она еще девчонкой нянчила и растила младших братьев, являясь для каждого из нас ангелом-хранителем, мудрой наставницей, – вспоминает Михаил Ипатович Белов, доктор военных наук, генерал-майор в отставке. – С первых дней Великой Отечественной сестра тревожилась за ушедших на фронт братьев. Шила теплые вещи для действующей армии, помогала в уборке хлебов на

колхозных полях. Молилась Всевышнему о сохранении братьев от вражеских пуль и снарядов. Помню первую встречу после войны, и ее сияющие радостью глаза, и глубоко тронувшие мое сердце слова: «Вымолила я тебя у Бога, братик, вымолила. За всех молилась, а тебя уж больно жалела. Ведь самым молоденьким воевать ты ушел...»

Солдаты вернулись домой

Об этом случае рассказал протоиерей Вячеслав Тулупов.

В годы Великой Отечественной войны раба Божия Зоя и ее сестра были маленькими девочками. Бабушка постоянно заставляла их молиться об отце и двух его братьях, ушедших на фронт, – это были ее сыновья. Девочки молились по-детски просто: «Боженька, верни домой нашего папу, дядю Мишу и дядю Леню». Все братья вернулись домой живыми и даже не ранеными.

Став взрослыми, сестры рассказали дяде Лене, к тому времени уже старику, как они молились о нем во время войны. «Вот оно что, – выслушав рассказ племянниц, сказал дядя. – А я в дни войны, когда мы отдыхали и чистили оружие где-нибудь на привале в поле или лесу, часто наблюдал, как надо мной кружатся два голубка».

Отец же Зои, вернувшись с фронта, рассказывал о том, как несколько раз чудом оставался жив. Так совпало, что как только он уходил с какого-нибудь места, тотчас туда попадали пули, снаряд или бомба, убивая его однополчан. Раба Божия Зоя вспоминает, что их детская просьба: «Боженька, приведи папу домой» – часто исполнялась. Отца несколько раз направляли с какими-то поручениями в тыл, и он имел возможность заезжать домой, привозя семье такие тогда необходимые продукты. Все многочисленные родственники и соседи считали

бабушку этих девочек необыкновенно счастливой женщиной. Ведь вокруг не было ни одной семьи, которая не получила бы с фронта похоронки, а у нее с войны вернулись невредимыми все три сына!

На крыльях детской молитвы

Воспоминаниями из своего военного детства поделился житель г. Козельска Владимир Ильич Балашов.

– Началась Великая Отечественная война. Моего отца призвали в действующую армию артиллеристом и отправили на передовую. В той части, где служил отец, потери были огромны.

Наша мама была верующая, она молилась об отце неустанно и меня с сестренкой ставила на колени, научив молиться такими словами: «Господи, спаси нашего папу!» Молились об отце всей семьей. Горячее всех была молитва мамы, сестренка тоже усердно молилась, как могла. А я был тогда еще совсем маленьким (мне было не более двух лет) и, мало что понимая, молился так: «Господи, спаси папашку!» И бежал во двор играть.

Видно, дошла наша семейная молитва до Бога, потому что за всю войну отец не был ни разу ранен и лишь однажды контужен, а в 1945 году вернулся с Победой домой.

Детские мольбы доходят до небес

Известная петербургская журналистка Людмила Иванова, отличные фотоснимки которой публикуются во многих российских православных изданиях, рассказывает о своей дорогой маме, ребенком пережившей войну.

– В юном возрасте моя мама попала в детский дом г. Полоцка. Спустя годы стало известно, что он был предназначен для детей репрессированных родителей. Маме запомнилась добрая воспитательница – дочь осужденного священника, она любила чужих детей, учила их молитве «Отче наш». В самом начале войны к ним пришел священник и всех окрестил. Скоро начались бомбежки.

– Боженька, спаси! Боженька, спаси! – жалобно просили сиротки, падая на пол.

В Полоцке было несколько детских домов, многие дети были обречены на медленную смерть, так как фашисты стали брать у них кровь для своих раненых. Но этому детдому повезло: директор был связан с партизанами и в одну из темных ночей сумел увести детей в лес. Затем переправил всех в тыл.

Любимую молитву «Отче наш» дети неустанно повторяли и здесь, веря, что Отец Небесный, выведший их из мрака фашизма, не оставит и в тылу, на родной свободной земле.

По молитвам отца великого маршала

В жизни известного советского военачальника маршала Александра Михайловича Василевского был один эпизод, который свидетельствует о чудодейственной силе молитв его родного отца.

А. М. Василевский был сыном священника. Еще до войны, в один из переломных моментов своей жизненной судьбы, он, под давлением извне, прекратил всякие отношения с отцом – служителем Русской Православной Церкви. Но мало кто знает, сколько душевных мук перенес от этого разрыва Александр Михайлович, сколько раз ему советовали переменить фамилию, отказаться от отца полностью. На это он не пошел. И вот тогда Василевский-старший, деревенский священник, умудренный житейским опытом, исполненный христианского смирения и незлобия, видя мучения и колебания сына, сам настоял на разрыве. «Не мучайся ты так, Саша, – тепло сказал он, перекрестив сына. – Понимаю, время ныне такое, многих сильных людей смололо. Кто в гордыне смерть нашел, кто погряз в скверне. И я ведь грешный... Но все от Бога, все от Спасителя, – надеюсь отмолить и твой грех и своих ближних грехи. Будь честен в служении людям, но не себе...»

И Бог услышал отцовские молитвы. Известно, что лично И. В. Сталин велел А. М. Василевскому возобновить отношения с родителями. Отец воспринял это как Божию милость. «Услышал, значит, Бог мои молитвы, – писал он в письме к сыну. – Видно, не совсем мы,

Василевские, пропащие люди. За то, что не забыл отца, тебе воздастся. Служи честно и помни – стоишь на защите Отечества, и это твое главное дело...»

И ведь воздалось! Все свои победы, успехи, достижения он связывал и с тем простым отцовским напутствием. Александр Михайлович так и не успел стать воцерковленным человеком, но молебны и явления икон Богоматери под Сталинградом, Курском, в Крыму, под

Кенигсбергом воспринимал, как истинно православный христианин. О том есть множество свидетельств его адъютантов и сослуживцев, а также донесений контрразведчиков в высшие инстанции по поводу не всегда понятных отношений маршала Василевского с прибывающими на фронт служителями Русской Православной Церкви.

Молитва хранила молящихся

Старец Антоний (Семенов), погребенный в подмосковном Свято-Екатерининском монастыре, прожил долгую жизнь, наполненную тяжкими страданиями и беззаветным служением Господу. В годы Великой Отечественной войны ему, слепому иноку, приходилось скитаться по стране. Батюшке было тогда всего лишь 28 лет, и его часто останавливали на путях странствий, хотели забрать на фронт, но отпускали, когда убеждались, что он незрячий. Нередко выпадало ему терпеть еще одну пытку: считая его дезертиром, ему тыкали пальцами в глаза, чтобы проверить, не притворяется ли он слепым.

4 апреля 1942 года, в Страстной четверг, вместе со своими благочестивыми спутниками о. Антоний добрался до Краснодара, где еще не было немцев. Бездомным странникам приходилось ночевать на чердаках, в коровниках, в подвалах. А когда в начале августа немцы заняли Краснодар, потаенный, странствующий монастырек

о. Антония разместился на чердаке шестикомнатного дома одной благочестивой женщины. Молитва была непрестанной – она и хранила подвижников. Батюшка потом вспоминал: «Мы подвизались, как в монастыре. Как только немцы придут, мы поем. Им говорят: не надо сюда никому ходить, слышите – здесь молятся, поют. Так мы и дом спасали не раз и самих себя». Немцы, действительно, в этом доме так и не останавливались, удержанные силой непрестанной горячей молитвы. Она, словно невидимый покров, осеняла будущего старца и его сподвижников – тайных молитвенников за страждущую Родину.

Молитва крестных творит чудеса

– Отступали от Ростова, добрались до Кавказа, сперва участвовали в боях в предгорьях, потом вошли в горы – часть нашу разбили, осталось человек двадцать. И стали мы самостийными партизанами. Но вскоре объединились с местным партизанским отрядом и сильно досаждали немцам на железных дорогах и шоссе, – так начал свой рассказ фронтовик Константин Шевров, вспоминая самые удивительные случаи из своего давнего военного прошлого. И в каждом из них – явное присутствие помощи Божией, дарованной по слезной, покаянной молитве, которая исходила из самых тайных глубин страждущего сердца.

Однажды штурмовой группе Константина Шеврова приказано было взорвать мост над бурной горной рекой, усиленно охранявшийся немецкими часовыми.

– Четверо наших подрывников уже вошли в воду, за ними – Илья Сванидзе и я. Холод сжал тело, парализовал руки, ноги, дыхание словно остановилось. Плыть или сопротивляться течению было невозможно – оно швыряло, било, бросало на камни. И вдруг молитвы, выученные когда-то с тетей Ньюшей, мгновенно возникли в памяти. Я знал, да и все мы знали, что 120 метров с мешками взрывчатки нам до средней опоры не пройти, мы обязательно погибнем, как погибли шедшие до нас группы. И, понимая это, я стал молиться Матери Божией. Молился я не о спасении наших жизней (все мы были уверены, что гибель ждет нас), а о том, чтобы Господь принял наши души. Чудом было уже то, что все-таки доползли до опоры и стали укладывать мешки со взрывчаткой около нее. Время от времени луч немецкого прожектора пронзал темноту, а пулемет продолжал обстреливать пространство около опоры. Последние силы и последний запас тепла, сохранившиеся в теле, уходили; руки не гнулись, ноги не действовали, я лежал и молился: «Господи Иисусе Христе, помилуй! Не остави нас, грешных! Пресвятая Богородица, помилуй нас!»

Внезапно погасли прожектора, замолкли пулеметы. Сванидзе вскочил, перекрестился широким крестом и, сказав по-русски: «С Богом!» – бросился в воду. Опять забили пулеметы, вспыхнули прожектора, осколок камня ударил меня по голове, я потерял сознание. От режущей боли в спине очнулся и опять начал молиться. Все

было готово к взрыву, но отползти от опоры не было сил. Продолжая молить Господа и Матерь Божию, просил принять душу мою. Осталось только произвести взрыв. Умолял Господа простить меня, защитить и сохранить мать, отца, сестру и еще и еще раз простить меня за прежнее неверие. Мысль, что сейчас умру, не беспокоила меня – молился только о спасении души. И вдруг внезапно возник передо мной о. Павел, крестивший меня и ставший моим крестным отцом. Строгий и в то же время какой-то лучезарный стоял он около меня, благословил и четко и властно произнес: «Иди, Константин! Иди! Матерь Божия защитит тебя!»

И я, лежащий на ледяном скальном основании почти бездыханный, окоченевший, вдруг поднялся и шагнул в темень ночи, в бушующую реку. Огромный столб пламени, грохот взрыва потрясли берега, а я оказался за двести метров от моста и держался за ветки деревьев, потом бойцы поста, дежурившие у поворота реки, вытащили меня на берег. Я был все еще во власти молитв и слов о. Павла: «Иди, Константин, Матерь Божия защитит тебя».

...Много лет спустя Константин Шевров рассказал обо всем случившемся тогда с ним на мосту одному почтенному священнику, и вот что тот ответил: «Я верю, что с вами произошло подлинное чудо. Испокон веков известно, что молитва крестного отца и крестной матери (а у вас крестный отец был иерей!) творит чудеса. Благодарите Господа Бога и Матерь Божию за проявление великой милости. Молитесь перед иконами «Взыскание

погибших» и «Нечаянная Радость» – в благодарность за явленное чудо спасения на краю гибели».

Как важно поддержать и сохранить пламя этой молитвы наших возлюбленных о Господе крестных и в мирные дни! Охранительная сила их молитвенных воздыханий да будет всегда с нами – на жизненном пути, таком сложном, преткновенном, многоскорбном...

Две похоронки – ни одной не верь!

– Это было с моим отцом, – так начал свой удивительный рассказ священник Михаил Махов. Ушел его отец на фронт молодым, тридцатилетним. «Вот бабушка наша Феодосия, его мать, и начала утром и вечером молиться о сыне-воине». Молилась неустанно – перед иконами свечи зажигала, поклоны земные неисчислимые клала. Но... пришла похоронка. И в семье решили не показывать бабушке. «А она все продолжает о здравии своего Сережи молиться – об отце моем».

И вот однажды, встав поутру, говорит: «Странный сон сегодня приснился. Будто Сергей прошел задами, за огородами, чтобы мальчишки его не опередили, вошел в дом, а я у печки хлопочу. Он закрыл мне руками глаза и молчит.

А я говорю:

– Сережа, пусти, я тебя узнала! – Повернулась к нему, а он говорит мне:

– Я, мать, ненадолго, покажусь, что живой, и пойду. А потом я приду. Что скажут про меня – не верь. Живой я, живой!

– Странный сон! Наверное, надо за него помолиться, – и она снова пошла к иконам. И тут не выдержало у деда сердце:

– Не плачь, мать! На, вот и за упокой помолись! – и дает ей похоронку. А она посмотрела на похоронку и отвечает:

– Да нет, живой он! Сам сегодня сказал.

И продолжает молиться о здравии. Отец смотрит и молчит. Он-то думал, что сейчас слезы будут, а она спокойная.

И вымолила-таки...

Однажды бабушка Феодосия стояла у печки, вдруг глаза ее кто-то закрыл ладонями.

– Сережа, – воскликнула она, – да отпусти ты! Я узнала тебя.

И повернулась. Сын стоял перед нею. Он прошел задами, за огородами, чтобы мальчишки вперед него не прибежали, вошел тихонько в дом, подошел к матери и закрыл ей глаза руками. Возвращению его были все удивлены и рады. Вот что мы узнали из его рассказа.

...Их часть стояла под Ленинградом. Отец был артиллеристом. Однажды их батареею ночью перебросили в другое место. На них была новая, сшитая в городе Иванове форма. Когда рассвело, соседний артиллерийский полк увидел, что через поле орудия стоят. И форма на солдатах странная. Позвонили своему командованию,

а там говорят, что никого не перебрасывали. Ну, полк и расстрелял батарею, подумав, что это немцы. Так накрыли, что от леска ничего не осталось, от батареи тоже. Когда пошли посмотреть, то сильно напугались: разбили-то своих. Отца, контуженного, вытащили санитары и отправили в Тихвин. А дело так запуталось, что командование, которое их послало, подумало, что батарею немцы уничтожили. И отписали похоронки на всех. Отец три месяца в Тихвине пролежал. Потом отпуск на родину и... опять воевать.

Когда из Сталинграда на него пришла вторая похоронка, где говорилось, что он «геройски погиб», то уже не только его мать, но и все близкие этой похоронке не поверили. Так и продолжали молиться о его здравии до 1944 года. Пришел он с войны инвалидом, но живой.

«Это молитвы матери меня спасли», – часто повторял он.

Строгий пост наших матерей

Живущая в поселке Оптино писательница Нина Александровна Павлова вспоминает:

– Однажды архимандрита Кирилла (из Лавры) спросили, как объяснить то чудо, что он прошел войну невредимым. Старец ответил, что его хранила молитва матери, которая все военные годы держала за него строгий пост по средам и пятницам.

Про строгий пост я тогда услышала впервые и поспешила поделиться новостью с художницей Еленой Евдокимовой.

«А моя бабушка, – рассказала Елена, – четверых детей в войну так спасла. Дочка и трое сыновей ушли на фронт, а бабушка всю войну держала строгий пост по средам и пятницам. Все четверо вернулись с войны невредимыми, а она продолжала поститься. „Мама, –

говорят ей дети, – мы ведь живыми вернулись. Зачем ты постишься теперь?” – „Из благодарности Господу, – ответила бабушка. – Покажите мне такую семью, где бы четверо ушли на фронт и все живыми вернулись! Нет, буду поститься до самой смерти, чтобы Господа возблагодарить”. Так и постилась моя бабушка до конца жизни».

Ладанка «тальянская»

Стяжать любовь благодатную, которая прощает даже врагов, – это великий труд души, а скорее всего – дар Божий. Вот таким даром и обладала бабушка Акилина – сестра моего деда. Много добра делала людям бабушка. К ней шли соседи со всякой бедой и находили у нее поддержку – и мудрым советом и сердечным утешением...

Однажды я спросил у нее: «Бабушка, а что это у тебя рядом с крестиком?»

«Да ладанка, сынок, тальянская». И она рассказала мне, как попала к ней эта итальянская ладанка.

Слобода их во время войны была оккупирована немцами. Но когда наши войска стали подходить ближе, на передовую пригнали итальянцев. Немцы-эсэсовцы подпирали итальянцев сзади – на тот случай, если бы они вздумали отступить. И когда наши войска повели решительное наступление, итальянцы между двух огней оказались. Когда начался бой, бабушка спрятала в погребе

своего младшего сына, тринадцатилетнего Николая, а сама наверху осталась, как птица в гнезде над птенцом во время опасности. Кругом грохот взрывов, свист пуль и удары осколков. А она стоит в горнице как вкопанная – только молитву творит да крестится. И вдруг вбегает в дом солдатик-итальянец, винтовку бросил, а сам перед ней на колени пал – руки в мольбе протягивает: «Мама, мама!...» – и по-своему что-то жалобно причитает. Молоденький совсем, весь в слезах... Открыла бабушка

погреб и указала на него итальянцу. Тот спрятался там. Привалила она выход чурбаками и снова встала «на часах». Но теперь уже за три жизни молила Господа.

Немецкий танк разворотил плетень, смял овечью кошару. Заполыхала соседняя изба... А бабушка так и стояла до конца боя у погреба. А когда все стихло и на улице появились наши бойцы, открыла погреб. Николай сразу убежал на свою мальчишескую разведку. А итальянца бабушка подвела к нашему командиру и объяснила, что, дескать, этот Аника-воин есть безвинный человек. А он плачет, все еще не верится ему, что жив в этой мясорубке остался. Потом снял с груди ладанку со святынькой, приложился к ней и протянул бабушке Акилине, низко поклонившись ей.

В благословение — ладанка со святыней

Это случилось с солдатом Борисом Юрхановым в годы Великой Отечественной войны, о чем рассказала работающая ныне в Оптиной Пустыни его благочестивая дочь.

Провожая Бориса на фронт, мать дала ему ладанку со святыней. Возможно, эта святыня как-то связана была со святителем Николаем Чудотворцем, которого особенно почитала мать Бориса и любовь к которому привила с детства и своему сыну. По молитвам матери,

заступничеством Божия угодника солдат Борис Юрханов трижды был спасен от неминуемой смерти.

Первый раз это произошло при следующих обстоятельствах. Только что укомплектованную из 17–18-летних солдат бригаду привезли на ночлег в маленький поселок на границе Чечни и Северной Осетии. Утром они должны были отправиться на фронт. Тогда шли жестокие бои за Кавказ. Устроив на ночлег первую группу солдат, командир сказал Борису: «А ты пойдешь ночевать в другой дом». Выставив на ночь охрану возле обоих домов, все легли спать. А утром оказалось, что все солдаты, ночевавшие в первом доме, были убиты. Борис возблагодарил Господа и святителя за спасение.

Второй случай произошел во время боев под Майрамадагом. Немецкая армия отступала. Борис был в противотанковой роте, которая находилась в авангарде основных наступающих частей армии. Ожидая подхода остальных частей, его рота окопалась вблизи позиций немцев. Каждый день кто-нибудь из назначенных солдат ходил в расположение наших войск за обедом. И вот однажды посланный в очередной раз солдат на обратном пути был тяжело ранен прицельным огнем снайпера. Борис пополз к раненому товарищу, спеша оказать ему помощь. Наскоро перевязав раны бинтами из своего медпакета, Борис взвалил бойца на спину и пополз к своим. Вначале раненый пытался ему помогать, отталкиваясь ногами от земли. Но вскоре Борис почувствовал, что тот как-то обмяк, повиснув на нем, и тащить раненого стало гораздо тяжелее. Пули свистели над ними, но они продолжали продвигаться вперед. Ползти становилось все

труднее и труднее, силы Бориса были уже почти на исходе. «Надо спешить», – подумал Борис и, поднявшись от земли, шатаясь под тяжестью ноши, быстрыми шагами двинулся к окопам, собрав последние свои силы. Он понимал, что снайпер совсем рядом, и ничего не стоит ему убить их, но Бориса занимала только одна мысль: донести и спасти раненого! И вдруг – о чудо! – выстрелы прекратились, и Борис с раненым солдатом добрался до своей роты.

А через несколько недель и в третий раз спасен был Борис от гибели. Приснился ему сон: его часть переправляется на другой берег, переправу бомбят, он плывет вместе со всеми, кто-то падает в воду, тонет, он тоже падает, хватается за край лодки и кое-как переправляется. Проснувшись, Борис понял, что в бою его ранят, но он останется жив. В том бою из всей их части (около восьмисот человек) в живых осталось только семнадцать. В самый разгар боя рядом с Борисом разорвался снаряд: его слегка ранило осколками в голову и перебило суставы на пальцах обеих рук. Но милостию Божией он снова остался жив! Материнская ладанка со святыней, как святая броня, хранила его.

Рядовой войны Николай Трусков

...12 июля 1943 года. После изнурительного 280-километрового марша 186-я стрелковая дивизия, в которой

воевал Николай Трусков, заняла боевые позиции, прикрыв собой один из участков ставшей вскоре легендарной Курской дуги. Через несколько часов мощная артподготовка возвестила о начале величайшей во Второй мировой войне битве. Сотни танков и самоходных установок с обеих сторон двинулись навстречу друг другу. Следом за боевыми машинами пошла пехота.

В одной из цепей с ручным пулеметом наперевес навстречу врагу бежал Николай. Перед бойцами расстиралось огромное поле перезревшей ржи. Молодой солдат наступал на хлеб, как на раскаленные угли. Ярость кипела в нем: эх, какой урожай пропадает! В памяти всплыла до боли знакомая деревенская картина: налитые колосья клонятся к земле, потная, уставшая лошадь мотает головой, отгоняя слепней, полуденное солнце заливает поле слепящим светом... Почти не целясь, Трусков бил короткими очередями по маленьким серым фигуркам, рассыпанным за приземистыми «тиграми» и «пантерами», чем-то похожими на странных фантастических животных со стволами-хоботами. В пылу атаки о смерти не думалось: вперед!

Враг не выдержал напора наших войск и отступил. Дивизия с ходу заняла три деревни, но удержать завоеванные позиции не сумела. Немцы перегруппировались и перешли в контрнаступление. На глазах Трускова запылали два десятка наших танков. Теперь уже отступить пришлось нашим бойцам.

Воспользовавшись небольшой передышкой, тыловики подогнали походные кухни. Но перекусить пехотинцам не пришлось. В небе загудели немецкие бомбардировщики,

и на боевые порядки дивизии посыпались сотни бомб. На несколько минут все вокруг превратилось в крошечный ад. Когда самолеты улетели, Николай поднялся из окопа и посмотрел вокруг. От повозок и кухонь остались одни обломки.

За четверо суток непрерывных боев под Прохоровкой погибли более семи тысяч наших бойцов. Позже Николай получит из дома письмо и узнает, что его отец, Пантелей Алексеевич, пал смертью храбрых под... Прохоровкой. Возможно, где-то рядом с сыном шел он в свою последнюю атаку.

Война, однако, продолжалась. Николай из своего стрелкового взвода перешел в подразделение разведчиков. Однажды, потеряв надежду взять высоту малой кровью, командир дивизии отдал приказ привести «языка». Первая попытка окончилась неудачей – разведчиков «засекли», и они, отбиваясь гранатами, вынуждены были отступить. Не повезло и во второй раз. И тогда командование решило провести разведку боем. В разведгруппу вошли 280 человек.

– Это было самое страшное для меня испытание за всю войну, – говорит Николай Пантелеевич. – Немцы нас обнаружили и беспрепятственно пропустили в свой тыл. А потом ловушку захлопнули.

Командир отряда приказал окопаться и занять круговую оборону. Немцы обрушили на смельчаков всю мощь своего оружия, буквально перекопав позиции разведчиков. За пять суток сплошного боя в живых остались всего 82 человека, из которых 75 были тяжело ранены. Иссякли вода и пища, подходил к концу боезапас.

Перевязанный окровавленными бинтами командир отряда приказал радисту передать своим: «Погибаем, но не сдаемся!» Прошло еще немного времени, и вдруг в нескольких километрах от места боя раздались звуки канонады. Это на выручку разведчикам спешил стрелковый полк. Вклинившись в оборону немцев, он спас оставшихся в живых разведчиков и спешно отступил, даже не успев забрать тяжелораненых, чтобы самому не оказаться в окружении.

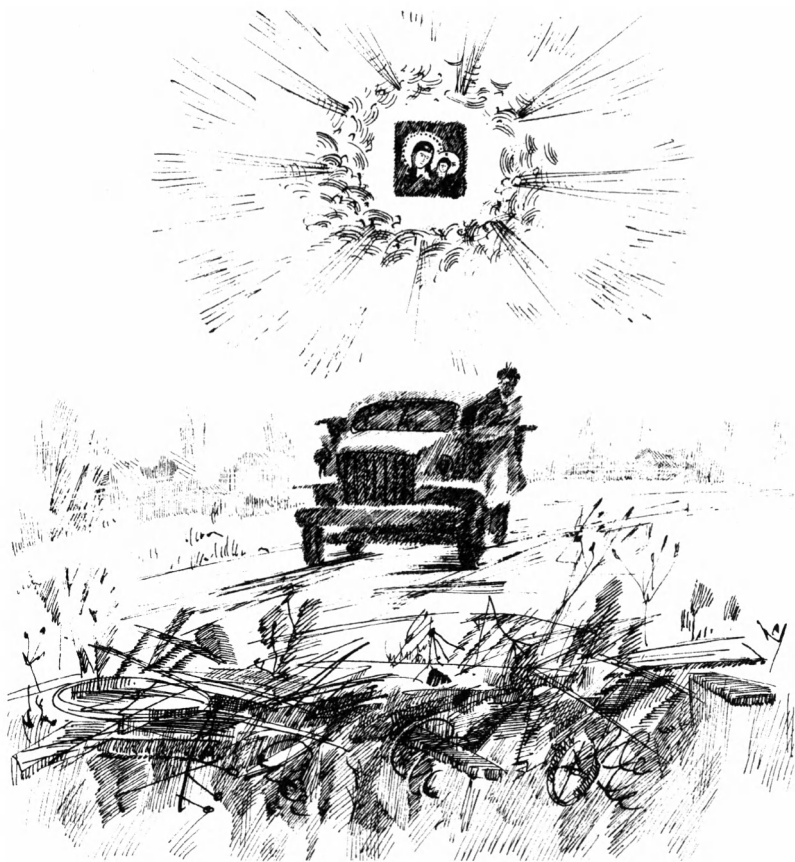
На другой день мы взяли-таки эту треклятую высоту. И я увидел моих раненых товарищей. Фашисты их закололи штыками...

После Прохоровки у Николая Пантелеевича были Ленинградский и Прибалтийский фронты. Иконка, которую, провожая на войну, дала мать, уберегла Николая. Немецкий снаряд разорвался, можно сказать, под ногами. Чудом выжив, Трусов тринадцать месяцев лечился в госпиталях. Поврежденные ноги почти не слушались, и это больше всего пугало солдата. Кому нужен безногий мужик в деревне? Фронтowej хирург настаивал на ампутации, но медсестры Николаю нашептывали: «Не давайся, выходим тебя». И слово свое сдержали. В 1946 году Николай вернулся на родину.

А в кармане его гимнастерки – образок чудотворный

У известного нашего старца, архимандрита Тихона (Агрикова), ныне отошедшего ко Господу, в келейном архиве сохранились записи нескольких историй, повествующих о том, как благословленные родителями святыни охраняли их сыновей на дорогах войны.

В дни минувшей войны один солдат, военный водитель, ехал на автомашине, вез снаряды на передовую. Подъезжая к городу Ченстохову (дело было в Польше), он стал подниматься на своем «газике» по горной дороге. Когда он достиг уже середины подъема, вдруг увидел, что шедшая впереди огромная, как вагон, машина, на которой был целый госпиталь – раненые и обслуживающий персонал, – скатывается обратно под гору и на полном ходу приближается к «газику». Дорога была очень узкая, по бокам ее – маленькие дорожные столбики, а за ними налево и направо – пропасти. Солдат не успел опомниться, как эта громада налетела, перевернула его «газик», сдавила, изуродовала, превратила в кучу железа. Притормозив раздавленной машиной о камни, вагон-госпиталь остановился у самой пропасти. Шофера изувеченной машины нашли невредимым – только лицо было поцарапано разбитым стеклом. Оказалось, что в кармане своей гимнастерки он хранил маленькую иконочку Казанской Божией Матери – благословение родителей.

В другой раз он вез командира на небольшой быст­ро­ход­ной машине. Светало, и туман застилал доро­гу. Ма­шина неслась полным ходом. Вдруг – он скорее почув­­ствовал, чем услышал, – чей-то го­лос: «Сбавь ход, поти­ше, дай самый тихий». Во­ди­тель неволь­но сбросил газ, притормозил и... замер от страха: перед самыми ко­ле­сами машины зияла мрачная пропасть. Он сдал назад

и вышел из кабины: впереди взорван огромный мост. Пропась была так обширна и глубока, что вызывала головокружение. Заглянув вниз, он увидел там, на дне, слабые очертания разбившихся машин, которые на полном ходу низринулись в пропасть. Туда была и ему дорога... Но в кармане его гимнастерки лежала маленькая иконочка, образок чудотворный.

Крест остановил карателя

— Хотя и был я с детства крещеным, но в храм не ходил да и креста не носил, — с горечью признается ветеран, прошедший войну, уверовавший в Бога и ставший уже в глубокой старости по-настоящему церковным человеком. — И вот матушка моя родная, провожая меня на войну, благословила нательным крестиком — надела мне, юному, его на шею и слезно просила никогда не снимать.

И сын послушался. И за святое послушание матери — Господь спас его от руки карателя.

Случилось ему со своей воинской частью оказаться в окружении и попасть к немцам в плен. Выстроили всех пленных длинными шеренгами, и пошел вдоль них фашистский офицер в сопровождении охранников. Внимательно всматривался каратель в лица военнопленных, выискивая «джудов» (евреев): ткнет пальцем в грудь — выходи из строя, ждет тебя расстрел. Так постепенно росла группа смертников.

– Так и до меня дошел черед. А был я в юности чернявым да кудрявым – вот и показался офицеру тем самым «джудом». Тычет он мне в грудь пальцем, и вдруг взгляд его скользнул по расстегнутому вороту моей гимнастерки – блеснул крестик, офицер опустил руку, помолчал, а потом скомандовал: «Отставить!..», то есть не надо выводить меня из строя. И пошел каратель дальше. А я дрожащей рукой пот со лба отираю, шепчу слова молитвы и благодарю матушку свою за ее крестное благословение...

О, всерадостное знамение христиан православных – крест наш спасительный! Мы пронесли его свято через всю Великую войну.

С верой и надеждой

...Для отвлекающих маневров их батальон неоднократно бросали на позиции немцев, и в это же время удар наносился в другом месте. Но наших бойцов становилось все меньше.

– А мой тесть каждый раз живым и невредимым возвращался из этих атак: так и дошел он до самого Берлина, даже без серьезных ранений, – рассказывает Стефан. – Уходя на фронт, мой тесть взял с собой иконку святителя Николая и молитву «Живый в помощи» – молился с верой и надеждой...

А вот рассказ и еще одного фронтовика. В начале войны он окончил военное училище и перед отправкой на фронт предложил двум своим товарищам пойти в храм помолиться, поставить свечи перед иконами. Но один из его друзей отказался идти в церковь, другой, поколебавшись, все-таки пошел. И что вы думаете? В первом же бою тот, миновавший храм Божий, не миновал гибели. А второй его товарищ был ранен и отправлен в госпиталь. Самого же рассказчика, молившегося всю войну, так и не достигла ни одна пуля!

«Господь меня уберег!»

Рассказывает один из старейших клириков Саратовской епархии, ее духовник – протоиерей Николай Архангельский, участник войны.

Сам я из священнической саратовской семьи – мой отец, дед и даже прадед были священниками. Когда началась война, мне было 17 лет, поэтому в армию меня призвали только в 1942 году. Так что собрался и, помолившись, пошел с зашитым матушкой мне за подкладку 90-м псалмом «Живый в помощи...». А ведь в то время на Церковь были большие гонения и афишировать свою веру было небезопасно. После подготовки на курсах младшего командного состава я стал командиром легендарной «катюши» и в составе 29-й гвардейской

минометной бригады прошел всю войну до самой Победы, которую встретил в Австрии.

До мельчайших подробностей помню все сражения, но особенно бережно храню в тайниках памяти те эпизоды из моей военной биографии, которые я смело могу отнести к разряду чудесных. Пришли мы как-то в одну деревню и стали располагаться на постой. Вдруг срочный приказ выступать. Все машины в спешном порядке выехали к позициям, и только машина с нашим орудием забарахлила. Только тронулись – налетели немецкие самолеты. Началась бомбежка. Оказалось, немцы знали о наших передвижениях. Большая часть тех, кто выехал вовремя, погибли. Погибли бы и мы, если б не поломка. Случайность? Да нет же – помощь Божия! Или похожий случай: когда рядом с моей «катюшей» в трех метрах от меня разорвался снаряд. Кого-то ранило, стоящего рядом со мной лейтенанта убило, а у меня – ни царапины. Сначала я как-то особенно не вдумывался в эти факты, только потом понял – Господь меня уберег! Матушкин охранительный псалом, который я знал наизусть, живоносной струей вливался в мое сердце.

Два служения

Ветеран Великой Отечественной протоиерей Дмитрий Хмель из Минской епархии вот уже 55 лет служит Богу и людям в сане священника. В судьбе этого человека

слились воедино два служения – ратное и пастырское. И это глубоко символично. Ибо армия и Церковь имеют одинаковое призвание: защищать людей от врагов.

– Я видел, – вспоминает отец Дмитрий, – что почти все солдаты не только кричали: «За Родину, за Сталина», но и молились. И так с молитвой рвались в бой. Немцы часто отступали в страхе, потому что понимали – идут уже не простые бойцы, а мстители, защитники своей Родины. У нас при виде спаленных деревень, трупов убитых мирных жителей сердце обливалось кровью...

Не только простые солдаты, но и офицеры наши носили крестики, иконки. У меня тоже была иконка святителя Николая Чудотворца, которую я пронес через всю войну и вернулся с нею домой. Словом, у всех воинов было особое настроение, духовное.

Не раз убеждался молодой солдат, что на войне трудно остаться атеистом. И чувствовал он над собой некий покров – Промысл Божий охранял его даже в те моменты, когда выжить, казалось, было невозможно. А фашистская пуля, застрявшая в позвоночнике, вот уже 60 лет напоминает батюшке-ветерану, как тонка грань между жизнью и смертью.

...Уже забылось название того населенного пункта в Восточной Пруссии, где немцы крепко держали оборону. Но помнится: там таких дзотов понастроили, что ни один снаряд не брал. Когда после сильного обстрела разрывными пулями погиб весь боевой расчет его орудия, Дмитрий взял противотанковую гранату и двинулся

в обход, чтобы взорвать вражескую огневую точку в самом уязвимом месте. Он успел бросить гранату, но фашистский солдат, охранявший подступы к блиндажу, тоже успел выстрелить. Тяжелораненого артиллериста засыпало землей и обломками взорванного дзота. Только через сутки совершенно случайно его нашла похоронная команда. Вначале бойца приняли за мертвого. Только чуть заметное дыхание показало санитарам, что найденный ими солдат жив, но об этом не знали его сослуживцы, и домой, к родителям, пошла похоронка...

Но Господь распорядился иначе: сохранил жизнь воина для будущего служения Своей Церкви. Дмитрий после лечения в госпитале, где врачи так и не решились достать злополучную пулю, снова отправился на фронт. Особенно врезался в память штурм Кенигсберга. Огромные силы были собраны фашистами на подступах к самой мощной цитадели Германии. Конечно, и советские командиры, и солдаты понимали, что «битва будет злая». В душах людей пробуждалась вера предков, молитва, ибо все они стояли перед лицом смерти. Все это будущий священник видел собственными глазами.

— Я сидел тогда в углу штаба над картами, внимательно занимался своим делом, потому что перед артподготовкой и штурмом надо было сделать очень много вычислений, расчетов. Но заметил, что наши командующие Николай Иванович Крылов, Александр Михайлович Василевский, Иван Ильич Людников принесли икону Казанской Божией Матери, поставили ее на стол, склонив головы, помолились. И 6 апреля 1945 года в шесть часов утра начался штурм Кенигсберга.

После демобилизации, в 46-м, он вернулся на родину, поступил в Одесский технологический институт. Но бывшего солдата ожидал иной путь, иная служба. Однажды ему приснился удивительный сон, который напомнил о таком же необычном видении, случившемся накануне войны. Тогда, в 40-м, юному Дмитрию привиделось, что святитель Николай Чудотворец призывает его стать священником. Теперь же ему было показано некое здание, куда нужно поступить на учебу. Молодой человек никогда ранее не видел этого здания, но вскоре случайно нашел его на одной из улиц. Это была Одесская духовная семинария. Призыв свыше был услышан.

Восстание из мертвых

— В военное лихолетье мы все ходили под Богом, — так начал свой удивительный рассказ офицер запаса Михаил Король, ветеран Великой Отечественной войны, долгое время служивший потом в УВД г. Красноярска.

В свои восемнадцать лет Михаил имел тогда за плечами уже три года войны. Сражался мужественно, прямо-таки геройски — в память о расстрелянном фашистами родном брате.

— Во время уличных боев в Будапеште, — вспоминает ветеран, — из четырнадцати бойцов нашего разведвзвода в живых остались лишь двое. Местных жителей

попросили захоронить погибших. Эту скорбную миссию взяли на себя монахини близлежащего монастыря...

Среди убитых оказался и Михаил Король – но только он был жив! Монахини сразу же заметили это и увезли солдата в свою обитель.

– Так и пролежал я там целый месяц, находясь как бы между жизнью и смертью. Очнусь – вокруг иконы, горящие свечи, шепот молитв. С мыслью, что я уже на том свете, – впадал в забытие...

А в далеком российском Красноярске мама Михаила, получив похоронку на сына, не хотела верить в его гибель и продолжала молить Господа и Богородицу и всех святых Божиих угодников вернуть домой любимое чадо. Вот так и вымолила ему «восстание из мертвых»! Через два месяца он поднялся со смертного одра, догнал свой полк, переброшенный к тому времени уже под Бухарест.

Да, мы все ходили под Богом, уповая на Его милость и защиту в той священной народной войне.

«Знамение», прошедшее всю войну

Знаменитое Царскосельское «Знамение» – чудотворная икона из Знаменской церкви г. Пушкина (Царского Села)... Дева Мария с воздетыми к небу руками – наша Оранта, молящаяся за Россию... Этот образ, привезенный в Россию из Греции еще в XVII веке, прошел по

дорогам Великой Отечественной войны, чудом уцелел и вновь вернулся в Россию.

После закрытия церкви в самом начале войны «Знамение» хранилось в г. Пушкине у одной из прихожанок храма. В 1943 году кто-то из пушкинцев, которых угоняли немцы в Германию, взял икону с собой. Так сохранили, донесли чудотворный образ до Латвии – перепрыгивали там, оберегали святыню. И только в 1948 году обрели ее в Риге, вывели из «заточения» и привезли в Ленинград. Но вернулась икона не в Знаменскую (поруганную) церковь – оказалась она в Духовной академии, в храме св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Это одна из самых чтимых икон города на Неве – «Знамение».

Возвращение святыни

Разве не чудо – что она, наша российская национальная святыня, в дальних странствиях обретавшаяся с 1941 года, все-таки уцелела и только-только вернулась в родное Отечество. Для тех, кто всем сердцем принимает это чудо – рассказ о чудотворной иконе Божией Матери из Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области.

Как Тихвинская икона попала за границу? Святыня была вывезена из обители в декабре 1941 года немецкими солдатами и отправлена в оккупированный Псков, где

тогда находился центр Православной Псковской миссии. В Псковском Троицком соборе чудотворный образ пребывал почти два года, а при приближении фронта к Пскову икона была эвакуирована в Ригу. Из Риги епископ Иоанн (Гарклав) вывез Тихвинскую икону в Либаву (Курляндия), а оттуда морем – в США. Умирая, владыка Иоанн поручил хранить святыню своему приемному сыну о. Сергию Гарклаву и оставил завещание, согласно которому возвращение иконы состоится, когда поруганная Тихвинская обитель возродится в прежнем благолепии.

Рассказывает настоятель Тихвинского Успенского монастыря игумен Евфимий (Шашорин):

– В апреле 2002 года мы побывали в США для поклонения Тихвинской иконе Божией Матери, находившейся тогда в Чикаго (штат Иллинойс) у ее хранителя, протоиерея Сергия Гарклава. Он рассказывал нам, что встретился с иконой уже в Риге – немцы передали святыню в Рижский кафедральный собор, где служил тогда викарий экзархата епископ Рижский Иоанн (Гарклав). Сергию тогда было 16 лет, он был иподиаконом владыки. Настоящая его фамилия – Кожевников. Сам он родом из Воронежа... Когда советские войска подошли близко к Риге, владыке Иоанну предложили эвакуироваться. Он думал: эмигрировать или остаться? И тогда он отдал икону в Рижский женский монастырь, попросив матушку игуменью, чтобы она сохранила святыню и передала потом в Тихвин. Но она не смогла выполнить его благословения, потому что Рижский монастырь стали разорять, разгонять... И икона вновь вернулась к епископу (он

тогда был в Лиепае), и он при встрече сказал такие слова: «Да откуда мне сие, да придет Матерь Господа ко мне». Юноша Сергей в эмиграции носил икону на себе – они мыкали горе по лагерям Ди-Пи (перемещенных лиц), где были русские люди, не желавшие возвращаться под иго советчины, до 1949 года – и там они служили молебны перед чудотворным образом в утешение беженцам. А икона-то большая: 90х60 см, да и оклад тяжелый. Когда я увидел, то подумал, что моей физической крепости не хватило бы, чтобы ее носить. А вот юноша небольшого роста, в голодное послевоенное время, носил, чудесно укрепляемый Господом...

В России всегда верили и в новое Божие чудо – в то, что святыня непременно вернется в Россию. И вот спустя 60 лет Тихвинская икона снова вернулась в родную обитель: 9 июля 2004 года наша национальная святыня заняла в Тихвинском монастыре свое прежнее историческое место.

По дорогам войны...

Среди святынь Николо-Одринского монастыря Орловской епархии особо почитаемой является старинная икона Богоматери «Споручница грешных». Запись чудес, истекавших от образа, началась еще в первой половине XIX века. Одринская чудотворная икона находилась в монастыре вплоть до самого начала Великой Оте-

чественной войны. В годы оккупации святыню удалось вовремя унести из обители. С тех пор началось ее странствие – по оккупированным русским деревням и селам. «Споручница грешных» шла из дома в дом, где тайно молились пред ней солдатские матери, жены, малые дети в ожидании возвращения своих родных и близких. Военное странствие иконы затянулось на долгие годы – почти на тридцать лет: переходила она из рук в руки, творя чудеса, и вот уже очутилась на Украине. Там и обрел ее схимонах Макарий. Собрав средства (от подаваний верующих людей), он выкупил икону у частного владельца. Пройдя по дорогам войны, побывав «в пленении» уже в мирное время, одринская святыня 24 октября 1996 года вернулась в родную обитель и заняла в храме свое прежнее историческое место.

Одринская святыня

Глубокой радостью верой в чудеса Господние проникнут написанный схимонахом Макарием рассказ о сохранении во время Великой Отечественной войны и возвращении в Одрино-Николаевский монастырь его святыни – напрестольного Евангелия: «С чудесами не рождаются, но во многих местах они являются. И до Рождества Христова, и после, когда Спаситель ходил по земле с проповедью; да и в наши дни они сияют, как звездочки. Воистину они неисчислимы; и, как писал Иоанн

Богослов, не вместить миру книг сведений о чудесах, которым зачастую многие из нас являются свидетелями. Событие, о котором желательно поведать, с радостью и трепетом подтвердят истину оного.

Когда грянула в России гроза Великой Отечественной войны, не обошла она и Брянщину. Многое разорвалось и уничтожалось, но что-то тайно и под спудом сохранялось. Немецкий солдат зашел в храм, увидел на полу варварское глумление над святыней, взял напрестольное Евангелие, и тут его осенила благодарная мысль: как сохранить его и где спрятать, чтобы осталось оно в целостности. Взял он его с собой и дал Богу обещание: „Господи, если меня сохранишь в живых, я сию святыню возвращу в обитель, Одрину Пустынь, что в 10 верстах от города Карачева, для дальнейших богослужений”.

И Господь воистину защитил во всех его опаснейших путях. Пройдя горнило войны на передовой линии, неразлучно с Евангелием в рюкзаке, был так чудесно защищен, что ни единой царапины на теле своем не получил. Вернулся на родину к себе в Германию.

Прошло 50 лет. Когда он узнал, что наконец-то открывается Одрин монастырь, то приехал на Брянщину уже стариком и привез с собой св. Евангелие. Но в монастыре еще не было подготовлено помещение для богослужений; тогда он оставил св. Евангелие в городе Карачеве, в церкви Архангела Михаила, и завещал по открытии церкви в монастыре вернуть его в обитель. Прошли шесть месяцев. Оборудовали в монастыре церковь в уцелевшем братском корпусе. И, когда на пре-

стольный праздник святителя Николая Чудотворца на освещение храма приехал владыка Мелхиседек, архиепископ Брянский и Севский, святая путешественница заняла свое благодатное место на престоле для богослужений. И теперь в праздничные и воскресные дни выносит священник из алтаря эту святыню; прихожане со страхом и трепетом прикладываются к ней, и чувствуется благодать, исходящая на всех молящихся. А на душе такая неопишуемая радость, что ни пером описать, ни устами передать. Воистину чудесам Господним несть числа».

У Бога все живы!

В 2001 году поисковый отряд занимался розыском непогребенных останков наших воинов на территории Ульяновского района Калужской области. В этих местах в годы Великой Отечественной войны шли тяжелые бои. Каждый год бойцы этого поискового отряда находят останки воинов. После захоронения совершается торжественное гражданское поминовение и церковное отпевание. Летом того же года произошло следующее.

В конце экспедиции, когда все уже собирались уезжать, неожиданно к одному из поисковиков подошел сзади человек и, положив руку на плечо, сказал: «Там, в кустах, лежит еще один солдат!» – «Ладно, спасибо», – ответил боец поискового отряда и, повернувшись,

от неожиданности вскрикнул: перед ним стоял русский солдат в военной форме времен Великой Отечественной войны. Это же увидели и все остальные поисковики. Видение исчезло. А в указанном солдатом месте – в овраге, в кустах – действительно лежали останки воина.

У Бога мертвых нет – у Бога все живы!

«Восстань же, русский человек!...»

(Вместо послесловия)

Вопрос о православном понимании духовного смысла войны в наше время нередко обсуждается в обществе. В связи с этим иногда можно услышать от людей, не слишком сведущих в православном учении, такое утверждение: «Людей нельзя убивать даже на войне. Вообще нельзя брать в руки оружие». Такая позиция не имеет ничего общего с православным воззрением, ярко и лаконично сформулированным святителем Филаретом (Дроздовым): «Люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими». Раскрывая эту мысль, современный православный богослов, архиепископ Аверкий (Таушев) пишет: „Закон Христов совсем отменяет месть, проповедуя любовь к своим врагам. Но изречение «не противься злу» никак нельзя понимать в смысле непротивления злу вообще. Господь воспрещает нам восставать с ответной злобой против человека, причинившего нам зло, но ко всякому злу как таковому христианин должен быть совершенно непримиримым и должен бороться со злом всеми доступными ему мерами, не допуская только зла в свое собственное сердце».

Призыв русского народа к покаянию и возрождению Православия в России – в этом и состоит духовный смысл Великой Отечественной войны. Судьба нашего Отечества непосредственным образом всегда зависела и зависит от нравственного состояния народа. За

преступления против веры и заповедей Божиих неминуемо грядет наказание, за покаяние и молитвы – помилование и новый расцвет. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек!»

...В простреленной шинели русского солдата, погибшего в годы Великой Отечественной войны, было найдено его последнее в земной жизни, прощальное письмо. Не к родным и близким обращено оно, а к Всемогущему Богу, в Которого свято уверовал наш воин в свой предсмертный час.

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
с Тобой не говорил я, но сегодня
мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
что нет Тебя, и я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любуясь мерцаньем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:

не странно ль, что среди ужаснейшего ада
мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя?
А кроме этого мне нечего сказать,
вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
но мне не страшно: Ты на нас глядишь...
Сигнал. Ну что ж, я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
что, как Ты знаешь, битва будет злая,
и, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду. И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь.

Александр Зацепя, 1944 г.

При подготовке сборника были использованы материалы из следующих изданий:

Агафонов Николай, протоиерей. Неприкаянное юродство простых историй. СПб.: ВІΒΛΙΟΠΟΛΙΣ, 2004.

Богомолова Р. Возвещайте чудеса Его. М.: Русский хронографъ, 2003.

Валентин, протоиерей. На земле мы только учимся жить. М.: Свято-Данилов м-рь, 2004.

Вениамин (Федченков), митрополит. Записки епископа. СПб.: Воскресение, 2002.

Власий, монах. Сияние святости, или Рассказы и изречения святогорских старцев. М.: Русский хронографъ, 1999.

Гребенников Г. А. Дневник православного воина. Троице-Сергиева Лавра. Благо, 2003.

Гребенников Г. А. Заступники Руси Святой. М.: Благо, 2004.

Добромыслова М. С. Житие Оптинского старца Никола (Беляева). Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

Емеличев Владимир, священник. Чудеса в православии: Сборник рассказов о чудесах. ОЛМА-Пресс, 2002.

Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / Авт.-сост. З. В. Жданова. Свято-Троицкий Ново-Голутвин м-рь, 1999.

Жукова М. Г. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М.: Сретенский м-рь, 1999.

Жукова М. Г. Маршал Жуков – мой отец. М.: Сретенский м-рь, 2004.

Ильинская А. Духовное наследие преподобного старца Серафима Вырицкого. Блаженная Любушка. Исповедница Анна. М.: Паломникъ, 2003.

Ильинская А. Судьбы шамординских сестер. М., 1999.

Кирилл (Павлов), архимандрит. Ближе к Богу! М.: «Российский писатель», 2003.

Лука Крымский (Войно-Ясенецкий), святитель. «Я полюбил страдание...». М.: Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, 2001.

Нечаев Л. Донный лед. Рассказы о чудесных спасениях. М., 1999.

Николаев В. Н. Живый в помощи: Док. повесть в 2-х частях. 8-е изд. М.: Софт Издат, 2004.

Николаев В. Н. Из рода в род: Док. повесть. 2-е изд. М.: Софт Издат, 2004.

Никон (Муртазов), иеродиакон. Сила Креста: Быль земная. М., 2003.

О жизни схиархимандрита Виталия: Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. М.: Изд. Новоспасского монастыря, 2002.

Орловский Христа ради юродивый Афанасий Андреевич (Сайко). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

Отец Арсений. 5-е изд. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2004.

Петербургский батюшка: Жизнь, служение, творчество протоиерея Владимира Шамонина. М.: Отчий дом, 1997.

Под сенью любви. Архимандрит Исаакий (Виноградов). Изд. Московской Патриархии, 2000.

Православные чудеса в XX веке: Свидетельства очевидцев. (Вып. 1 – М.: Русский хронограф; Вып. 2 – М.: Паломник, 2003; Вып. 3 – М.: Сретенский м-рь, 1999; Вып. 4 – М.: Паломник, 2003; Вып. 5 – М.: Паломник, 2003.)

Преподобный Лаврентий Черниговский. Лествица, 2003.

Преподобный Серафим Вырицкий / Сост. Александр Трофимов. 4-е изд. М.: Изд-во Братства свт. Алексия, ООО «Феофания», 2004.

Преподобный старец Амвросий Балабановский. М.: Паломникъ, 2000.

Прияшников А. Не умру, но жив буду... М., 2002.

Россия перед вторым пришествием / Сост. Сергей Фомин. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

Россия под покровом святителя и чудотворца Николая. М.: Паломникъ, 2004.

Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. М.: Паломникъ, 2004.

Серафим (Роуз), иеромонах, Герман (Подмощенский), игумен. Блаженный Иоанн Чудотворец. Российское отделение Валаамского общества Америки, 1993.

Сергия (Клименко), монахиня. Минувшее разворачивает свиток. М.: Казак, 1998.

Сказание о жизни и чудесах блаженного старца Иоанна Оленевского. СПб.: Сатись, 2001.

Соколова Н. Н. Под кровом Всевышнего. М.: Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2001.

Старец протоиерей Тихон Пелих: Жизнеописание. Проповеди. Дневники. Троице-Сергиева Лавра, 2001.

Стрельникова Е. Новомученики и исповедники белозерские.

Схиеродиакон Антоний. Свято-Екатерининский монастырь. ПСТБИ, Свято-Екатерининский монастырь, 2002.

Тихон (Агриков), архимандрит. У Троицы окрыленные: В 3 ч. Изд-во Троице-Сергиевой Лавры. М., 2002.

Филадельф, иеромонах. Заступница Усердная. М.: Русский духовный центр, 1992.

Черных Н. А. Последний старец: Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Китеж, 2004.

Шипов Я., священник. Долгота дней. М.: Лодья, 2002.

Шполянский Михаил, священник. Чудо: Богословский взгляд и личный опыт. М.: Отчий дом, 2003.

Явления и чудеса Божией Матери. М.: Сретенский м-рь, 2001.

Газета «Горница» (Приложение к «Православному Санкт-Петербургу»).

Газета «Десятина». 2004. № 6 (93). Черкашин Н. «Чудо о пяти кораблях».

Газета «Никольские листки» – издание прихода храма свт. Николая г. Зарайска.

Газета «Православная Москва».

Народная газета во славу святителя Николая Чудотворца «Правило Веры».

Газета «Ростов официальный». 2004. № 10 (484).

Газета «Русь Державная». 1995. №№ 4–6.

Газета «Экономика и духовность». 2001. № 16.

Газета «Оренбургские епархиальные ведомости». 2005. № 1 (71), январь.

Газета «Православный Санкт-Петербург». 1999–2003 гг.
«Православные святыни». Календарь на 2004 г. М.:
Фавор, 2003.

Журнал «Голос совести». 2003. № 5.

Журнал «Духовный собеседник». Самара. 2004. № 1.

Журнал «Отечество». 2004. № 5.

Журнал «Россия Православная». 2003. № 1.

Журнал «Русский дом».

Интернет-источники:

www.russ-soldat-1945.ru

www.nikola-ygodnik.narod.ru

www.orthodoxkuban.com.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Расскажу тебе, брат...	8
Митрополит Илия возвещает Божию волю	11
Таинственное знамение над Сталинградом	17
Сам Господь – Главнокомандующий!	19
Во имя любви святой	21
Господь внял молитвам	22
Спаситель, озаренный светом	25
«Господь подсказал: уברי солдат...»	27
Воля Божия	29
Чудо о спасении из «горящего гроба»	32
Без каски – в терновом венце	34
И Ты напоил меня!	37
Господи, благослови!	38
Под покровом милосердия Божия	40
«Только верой живу и держусь...»	45
Вся душа изливалась в молитве...	47
Из «Записок епископа Вениамина (Федченкова)»	50
Три смерти на одной войне	53
«Бог поругаем не бывает...»	57
Человек, истерзанный войной	59
О чудных делах Божиих	60
«Это тебя точно Бог спас!...»	64
«Сохрани в деснице Своей!...»	66
Три чуда – за одну войну	67
«Господь даровал мне жизнь...»	70
Взрыв	71
В дни оккупации	74
Прямое попадание	77

«Самолет... не убивай меня, не убивай!...»	78
Пасха в 42-м	80
Явление Божией Матери на Курской дуге	82
И вывела по тропочке к своим... ..	84
Исполнилось обетование Царицы Небесной	86
С любовью – ради Господа	87
Под покровом Богородицы вышли из концлагеря	88
Плач Богородицы	91
Полк спасся	92
Сон и явь	93
Спасение на краю пропасти	94
Спасение пришло с небес	98
Наш Живоносный Источник	101
Заступница Усердная – партизанская	101
«Стена Необоримая»	105
Огненная кругосветка ледокола	108
И по всем фронтовым дорогам... ..	115
Невидимый щит	117
«Нерушимая Стена»	120
И сияла радостно икона... ..	126
Лепавинское чудо	127
«Русская Мадонна»	129
Пророчество накануне Великой войны	131
И построил на земле немецкой храм... ..	132
Явление Богородицы Скрипской	134
Богородица спасла жизнь 125 смертникам	136
Нескудеющая трапеза	138
«Избавь нас от этих демонов!»	139
Его привела Пресвятая Богородица	141
Богородица спасла от карателей	143
Пресвятая Дева – Предводительница	145
Незыблемая святыня	147

Вразумление от Богородицы	149
С мечом Архистратига – сквозь лесную чашу	152
Монах Победы	155
За святое послушание	156
Знамение накануне войны	158
«Святой Егорий на коне...»	159
«Это Ангел-Хранитель позвал тебя...»	160
Ангел-Хранитель помог	162
Небесный помощник	163
Не дай погибнуть	166
Под водительством Николая Чудотворца	167
Никола Хлебный	170
«Имя мое – Николай»	173
На грани отчаяния	175
Буханка хлеба на снегу	176
Небольшая лодка, а в ней – старичок... ..	177
Святитель Николай через минное поле провел	179
«Золотой» – в подарок	182
Чудесный гость	183
С иконой – через линию фронта	185
«Святитель Николай – есть!»	187
«Дедушка» помог	188
Вызволил из неволи	188
«Старый священник»	189
«Вот и хозяин наш!»	190
Ты сохранил храм – Господь сохранил тебя	192
Под надежным покровом	194
В окружении	194
Святой образ	197
Спасение от голода	198
«Благодарю святителя Николая...»	199
Явление игумена Земли Русской	201

«Ты будешь жить!»	203
Исповедь – в дни Победы	206
Преподобный Нил приходит в Осташков	208
Явление святого князя Даниила Сталину	209
Чудотворный источник	211
Преподобный Спиридон... открывает Лавру!	212
Предсказание о Победе	214
«Я узнал святого Нектария...»	215
Чудо о спасении жителей села Обжи	216
«Вернусь через 50 лет!...»	218
На подступах к святой обители	218
Три благодатных явления валаамскому старцу	219
«Старчик» саночки везет...	221
Бомба из прошлого	222
«Великомученица Екатерина спасет тебя!...»	223
Как Ксения Петербургская спасла солдата в Праге	225
В белом платочке, с посохом...	227
Святые молитвы преподобного Лаврентия Черниговского ...	229
«Дедушка Кузюка», вагоны и бомба	233
Прозорливый старец выводит детей из огня	237
Будни военные, молитвы старца...	237
«Вы спасены...»	241
«Сталин пришлет тебе вызов...»	241
Молитвенный подвиг старца	242
Призывала на помощь старца	244
Чудодейственная молитва преподобного старца	
Серафима Вырицкого	245
«Ангел-Хранитель нашей округи...»	246
Загадочный полковник	248
Вразумление за обиду епископа	250
Чудесные случаи по молитвам архиепископа	
Иоанна (Максимовича), блаженного чудотворца	252

«Ни слуху, ни духу...»	257
Блаженная Матрона – спасительница детей наших	257
Он поверил без сомнений	260
«Война будет!..»	262
Из воспоминаний об орловском блаженном старце Афанасии Андреевиче Сайко	262
Пророчество Оптинского старца исполнилось в годы войны	266
«Немцы отступили...»	268
Помощь преподобного	269
Тишина среди войны	270
Молитва в... «отдельной келье»	274
«Она колокол спасла...»	274
«Божия Матерь дала послушание...»	278
Свет блокадной лампы	280
Пережил блокаду	283
Чудо о блокадном сахаре	284
«Выжили мы – вот главное чудо...»	285
Несколько чудесных случаев	287
«Скоропослушница» – блокадному городу	291
«Сохранен по Божией воле...»	291
Святость Победы	293
Чудо веры – в душе полководца	296
Старческое благословение	299
«Война – это попущение Божие»	300
Сталинградское Евангелие старец пронес через всю жизнь ..	303
Герои войны	306
Вера – главный залог Победы	308
Переправа, переправа...	309
На фронте атеистов нет!	313
«Образ Христа был живым...»	314
Молитва под гусеницами танка	316

«Рус, ты крестишься?!»	318
«Есть Бог, есть Промысл Божий...»	320
«За Русь Святую!»	322
Обет перед смертью	325
Причастие на пороге вечности	326
Обет был исполнен	328
Пуля и крест	328
Нательный крестик	329
Спас нательный крестик	331
Ничто не сравнится с молитвой матери	333
Сила материнской молитвы	334
«Мать благословила!»	338
Незримая защита	340
Под шепот маминых молитв	342
«Вымолила я тебя...»	343
Солдаты вернулись домой	344
На крыльях детской молитвы	346
Детские мольбы доходят до небес	348
По молитвам отца великого маршала	349
Молитва хранила молящихся	351
Молитва крестных творит чудеса	352
Две похоронки – ни одной не верь!	355
Строгий пост наших матерей	357
Ладанка «тальянская»	359
В благословение – ладанка со святыней	361
Рядовой войны Николай Трусков	364
А в кармане его гимнастерки – образок чудотворный	368
Крест остановил карателя	370
С верой и надеждой	371
«Господь меня уберет!»	372
Два служения	373
Восстание из мертвых	376

«Знамение», прошедшее всю войну	377
Возвращение святыни	378
По дорогам войны... ..	380
Одринская святыня	381
У Бога все живы!	383
«Восстань же, русский человек!..»	385

ЧУДЕСА НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Издание третье

Художник Анна Яшина

Корректор Татьяна Карпеченко

Подписано в печать 16.11.2009. Формат 60х90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 25 печ. л. Тираж 5 000 экз.

...Двадцать восемь панфиловцев –
и шли на них немецкие танки, которые
должны были раздавить, уничтожить
наших воинов. Двадцать восемь
панфиловцев – готовых стоять насмерть
в последнем неравном бою. Но вдруг –
о, чудо! – немцы резко повернули назад
и стремительно стали отступать.

Кто дал столь неожиданный приказ?
Божия Мать! Так свидетельствовали
пленные немцы: на небесном своде
появилась «Мадонна» – наша Пречистая
Дева Мария и... указала врагам путь
отступления на запад. И падали они
на колени, и воздевали руки горе –
понимая, Кто помогает Великой России.

ЧУДЕСА НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ